

Джон Максвелл
Кутзее

Детство Иисуса

*У меня нет
желания
доказать
какие-то идеи.
Я лишь тот,
кто стремится
к свободе.*

Док. М. Кутзее

«Удивительная повесть о детстве и судьбе мальчика, оказавшегося в чужой стране и готового на все, чтобы отыскать свою маму».

Publishers Weekly

«Один из самых неоднозначных романов XXI века, у которого есть все шансы стать классикой».

Amazon.com

Джон Максвелл
Кутзее
Детство Иисуса

Москва
2015

УДК 821.111-31(680)
ББК 84(6Южн)-44
К95

J. M. Coetzee

THE CHILDHOOD OF JESUS

Copyright © J. M. Coetzee 2013.

All rights are reserved by the Proprietor throughout the world. By arrangement with Peter Lampack Agency, Inc.

Перевод с английского *Шаши Мартыновой*

Оформление серии и иллюстрация на переплете *К. А. Терина*

Кутзее, Джон Максвелл.

К95 Детство Иисуса / Дж. М. Кутзее ; [пер. с англ. Ш. Мартыновой]. — Москва : Издательство «Э», 2015. — 320 с. — (Лучшее из лучшего. Книги лауреатов мировых литературных премий).

ISBN 978-5-699-83123-4

«Детство Иисуса» — шестнадцатый по счету роман Кутзее. Наделавший немало шума еще до выхода в свет, он всерьез озадачил критиков во всем мире. Это роман-наваждение, каждое слово которого настолько многозначно, что автор, по его признанию, предпочел бы издать его «с чистой обложкой и с чистым титулом», чтобы можно было обнаружить заглавие лишь в конце книги. Полная символов, зашифрованных смыслов, аллегорическая сказка о детстве, безусловно, заинтригует читателей.

УДК 821.111-31(680)
ББК 84(6Южн)-44

ISBN 978-5-699-83123-4

© Мартынова Ш.,
перевод на русский язык, 2015
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Э», 2015

Ради Д. К. К.

Глава 1

Человек у ворот отправляет их к низкому просторному зданию поодаль.

— Если поспешите, — говорит он, — успеете записаться до закрытия.

Они спешат. «*Centro de Reubicación Novilla*» — гласит вывеска. Что это — *Reubicación*? Такого слова он не помнит.

В конторе просторно и пусто. И жарко — жарче даже, чем снаружи. В глубине залы — деревянная стойка, разделенная на секции матовым стеклом. Вдоль стены — ряд каталожных шкафов с ящиками, лакированного дерева.

Над одной секцией висит табличка: «*Recién Llegados*», слова выписаны по трафарету черным на картонном прямоугольнике. Служащая за стойкой, молодая женщина, встречает его улыбкой.

— Добрый день, — говорит он. — Мы — новоприбывшие. — Он медленно выговаривает слова на испанском, который он так прилежно учил. — Я ищу работу, а также пристанище. — Хватает мальчика под мышки и поднимает его, чтобы она его как следует разглядела. — Со мной ребенок.

Девушка тянется через стойку, пожимает мальчику руку.

— Здравствуйте, юноша! — говорит она. — Это ваш внук?

— Не внук, не сын, я просто за него отвечаю.

— Пристанище. — Она поглядывает в бумаги. — Здесь в Центре у нас есть свободная комната, можете пожить в ней, пока не подыщите что-нибудь лучше. Не роскошно, однако вам, может, подойдет. А насчет работы давайте разберемся утром — вы, видно, устали и, наверное, хотите отдохнуть. Вы издалека?

— Мы были в пути всю неделю. Мы прибыли из Бельстара, из лагеря. Знаете Бельстар?

— Да, еще как. Я сама из Бельстара. Вы испанский выучили там?

— У нас каждый день были уроки, полтора месяца.

— Полтора месяца? Повезло вам. Я пробыла в Бельстаре три месяца. Чуть не умерла от скуки. Только уроками испанского и выжила. У вас случайно не сеньора Пиньера преподавала?

— Нет, у нас был учитель мужчина. — Он мнется. — Можно я затрону другую тему? Моему мальчику, — он бросает взгляд на ребенка, — нездоровится. Отчасти потому что он расстроен — растерян и расстроен, и не ел как следует. Питание в лагере показалось ему странным, не понравилось. Тут есть где как следует поесть?

— Сколько ему лет?

— Пять. Столько ему дали.

— И вы говорите, он не ваш внук.

— Не внук, не сын. Мы не родственники. Вот, — он извлекает из кармана две путевые книжки, протягивает ей.

Она разглядывает документы.

— Вам это в Бельстаре выдали?

— Да. Там нам дали имена, испанские.

Она перегибается через стойку.

— Давид — красивое имя, — говорит она. — Тебе нравится твое имя, юноша?

Мальчик глядит на нее спокойно, но не отвечает. Что она видит? Тощего, бледнолицего ребенка в шерстяном пальтишке, застегнутом до горла, серых шортах до колен, черных ботинках на шнурках, в шерстяных носках и матерчатой кепке набекрень.

— Тебе не жарко в такой одежде? Пальто не хочешь снять?

Мальчик качает головой.

Он вмешивается:

— Одежда — из Бельстара. Он сам ее выбрал из того, что у них было. Успел изрядно привыкнуть.

— Понимаю. Я спросила, потому что он, по моему, слишком тепло одет — в такой-то день. Хотела бы сообщить: у нас здесь, в Центре, есть склад, куда люди сдают одежду, из которой их дети выросли. Открыт по утрам каждый будний день. Заходите, выбирайте. Там разнообразнее, чем в Бельстаре.

— Спасибо.

— И вот еще что: когда заполните все необходимые анкеты, сможете получить на путевую книжку деньги. Вам причитается четыреста реалов на поселенческие расходы. И мальчику тоже. По четыреста реалов каждому.

— Спасибо.

— А теперь пойдёмте, я покажу вам комнату. — Склонившись, она что-то шепчет женщине за соседней стойкой — стойкой с названием «*Trabajos*». Женщина вытягивает ящик, копается в нем, качает головой.

— Легкая заминка, — говорит девушка. — Кажется, у нас нет ключа от той комнаты. Должно быть, он у администратора здания. Администратора зовут сеньора Вайсс. Идите в Корпус «С». Я вам нарисую схему. Когда найдете сеньору Вайсс, попросите ее дать вам ключ от С-55. Скажите, что вас прислала Ана из центральной конторы.

— Не проще ли будет дать нам другую комнату?

— К сожалению, свободна только С-55.

— А еда?

— Еда?

— Да. Можно ли здесь где-нибудь поесть?

— Опять же — спросите сеньору Вайсс. Она должна вам помочь.

— Спасибо. Последний вопрос: есть ли здесь какие-нибудь организации, которые занимаются соединением людей?

— Соединением людей?

— Да. Наверняка тут многие ищут родственников. Есть ли здесь организации, которые помогают семьям соединиться — семьям, друзьям, возлюбленным?

— Нет, я о таких организациях никогда не слышала.

Отчасти потому, что он устал и сбит с толку, отчасти из-за того, что карта, которую набросала девушка, оказалась невнятной, а частью оттого, что тут нет указателей, Корпус «С» и кабинет сеньоры Вайсс он находит не сразу. Дверь заперта. Он стучит. Ответа нет.

Он останавливает прохожего — крошечную женщину с острым, мышинным личиком, облаченную в шоколадного цвета форменную одежду Центра.

— Я ищу сеньору Вайсс, — говорит он.

— Она уже всё, — говорит женщина и, видя, что он не понял, уточняет: — На сегодня она всё. Приходите утром.

— Может, вы мне поможете. Мы ищем ключ от комнаты С-55.

Женщина качает головой.

— Простите, я не заведую ключами.

Они возвращаются в *Centre de Reubicación*. Дверь заперта. Он стучит в стекло. Внутри — никаких признаков жизни. Он стучит еще раз.

— Пить хочу, — ноет мальчик.

— Потерпи еще немного, — говорит он. — Я поищу кран.

Девушка, Ана, появляется из-за здания.

— Вы стучали? — говорит она. И его вновь поражают ее юность, здоровье и свежесть.

— Сеньора Вайсс, кажется, ушла домой, — говорит он. — Не могли бы вы сами как-то помочь? У вас нет ли — как это называется? — *llave universal*, открыть комнату?

— *Llave maestra*. Нет такого — *llave universal*. Будь у нас *llave universal*, всем бедам конец. Нет, *llave maestra* от Корпуса «С» есть только у сеньоры Вайсс. Может, у вас есть друг и вы бы устроились на ночь у него? А утром придете и поговорите с сеньорой Вайсс.

— Друг, и мы бы устроились на ночь? Мы прибыли к этим берегам полтора месяца назад и с тех пор жили в лагерной палатке в пустыне. Откуда, вы думаете, у нас есть друзья, у которых мы бы устроились на ночь?

Ана хмурится.

— Идите к главным воротам, — приказывает она. — Ждите меня снаружи. Сейчас разберусь, что можно сделать.

Они выходят за ворота, пересекают улицу и усаживаются в тени деревьев. Мальчик пристраивает голову ему на плечо.

— Пить хочу, — жалуется он. — Когда ты найдешь кран?

— Тс-с, — говорит он. — Слушай птиц.

Они слушают странную птичью песню, чувствуют кожей странный ветер.

Появляется Ана. Он встает, машет ей. Мальчик тоже поднимается на ноги, руки жестко прижаты к бокам, большие пальцы стиснуты в кулаках.

— Принесла попить вашему сыну, — говорит она. — На, Давид, пей.

Ребенок пьет, возвращает ей чашку. Она убирает ее в сумку.

— Хорошо? — спрашивает она.

— Да.

— Хорошо. Теперь пошли со мной. Идти неблизко, но можно считать это зарядкой.

Она стремительно шагает по дорожке через парковую зону. Привлекательная девушка, спору нет, хотя такая одежда ей не к лицу: темная бесформенная юбка, белая блузка, тесная у горла, туфли на плоской подошве.

Будь он один, шел бы с ней в ногу, но с ребенком на руках — никак. Он окликает ее:

— Пожалуйста, не так быстро!

Она не обращает на него внимания. Расстояние между ними увеличивается, он спешит за ней через парк, через дорогу, еще раз через дорогу.

Она останавливается перед узким простеньким домом.

— Тут я живу, — говорит она. Отпирает входную дверь. — Идите за мной.

Она ведет их по сумрачному коридору, через боковую дверь, вниз по ветхой деревянной лестнице, в маленький двор, заросший травой и сорняками, окруженный с двух сторон деревянным забором, а с третьей — сеткой.

— Присаживайтесь, — говорит она, кивнув на ржавый кованый стул, наполовину заросший травой. — Принесу вам что-нибудь поесть.

Садиться ему не хочется. Они с мальчиком остаются у дверей.

Девушка появляется с тарелкой и кувшином. В кувшине — вода. На тарелке — четыре куска хлеба, намазанные маргарином. В точности этим они завтракали на благотворительном пункте.

— Как новоприбывшим, вам по закону полагается останавливаться в предписанных местах проживания или в Центре, — говорит она. — Но это ничего, если вы первую ночь проведете здесь. Поскольку я — работник Центра, можно доказать, что мой дом считается предписанным местом проживания.

— Вы очень добры, это очень щедро, — говорит он.

— Вон там, в углу, остались кое-какие материалы. — Показывает. — Можете соорудить себе укрытие, если хотите. Сами справитесь?

Он смотрит на нее растерянно.

— Не уверен, что правильно понял, — говорит он. — Где именно мы проведем ночь?

— Тут. — Она обводит рукой дворик. — Я вернусь чуть погодя и посмотрю, как у вас идут дела.

Строительные материалы, о которых идет речь, — полдюжета листов оцинкованного железа, местами проржавевшего насквозь: явно старая кровля. Обрезки досок. Это какое-то испытание? Она действительно предлагает ему спать с ребенком под открытым небом? Он ждет ее обещанного возвращения, но она не приходит. Он дергает дверь: заперто. Стучит — нет ответа.

Что происходит? Может, она смотрит из-за штор на его реакцию?

Они не пленники. Перебраться через сетку и уйти — проще простого. Так и поступить? Или подождать и посмотреть, что будет дальше?

Он ждет. К ее появлению солнце уже садится.

— Вы не очень-то продвинулись, — говорит она, хмурясь. — Вот. — Она вручает ему бутылку с водой, полотенце для рук, рулон туалетной бумаги; отвечая на его вопросительный взгляд, говорит: — Никто вас не увидит.

— Я передумал, — говорит он. — Мы вернемся к Центру. Должно быть какое-нибудь общественное место, где мы сможем переночевать.

— Нельзя. Ворота Центра на ночь закрываются. В шесть.

Он раздраженно шагает к куче кровельного железа, вытаскивает два листа и прислоняет их под углом к деревянному забору. Проделывает это с третьим и четвертым листами, получается грубый навес.

— Вы это имели в виду? — говорит он, оборачиваясь к ней. Но ее уже нет.

— Тут мы будем с тобой сегодня спать, — говорит он мальчику. — Приключение!

— Есть хочу, — говорит мальчик.

— Ты не съел хлеб.

— Не люблю хлеб.

— Придется привыкнуть, потому что больше тут ничего нет. Завтра найдем что-нибудь получше.

Мальчик с недоверием берет ломоть хлеба, откусывает немножко. Ногти у него, замечает он, черны от грязи.

Гаснет последний дневной свет, и они устраиваются в укрытии: он — на травяной подстилке, мальчик — у него на согнутой руке. Вскоре мальчик засыпает, сунув большой палец в рот. К нему же сон идет медленно, постепенно. Пальто у него нет, и чуть погода холод просачивается к нему в тело — он начинает дрожать.

«Ничего страшного, просто холодно, от этого не умрешь, — говорит он себе. — Ночь пройдет, встанет солнце, наступит день. Лишь бы ползучих насекомых не было. Ползучие насекомые — это чересчур».

Он засыпает.

Просыпается спозаранку, все затекло и ноет от холода. Поднимается гнев. Зачем это бессмысленное страдание? Он выползает из-под навеса, добирается до двери, стучит — сначала осторожно, потом все громче и громче.

Наверху распахивается окно; лицо девушки едва различимо в лунном свете.

— Да? — говорит она. — Что-то не так?

— Все не так, — говорит он. — Тут холодно. Пожалуйста, впустите нас в дом.

Долгое молчание. Затем:

— Подождите, — говорит она.

Он ждет. Затем:

— Вот, — говорит ее голос.

К его ногам падает какой-то предмет: одеяло, не слишком большое, сложенное вчетверо, из какого-то грубого материала, пахнет камфарой.

— Почему вы с нами так обходитесь? — кричит он ей. — Как с грязью?

Окно хлопает в ответ.

Он заползает под навес, обертывает одеялом себя и спящего ребенка.

Его будит птичий гвалт. Мальчик все еще крепко спит, отвернувшись от него, кепка под щекой. У него вся одежда отсырела от росы. Он вновь задремывает. Открыв глаза в следующий раз, он видит над собой девушку — та смотрит на него.

— Доброе утро, — говорит она. — Я принесла вам кое-что на завтрак. Мне скоро уходить. Когда соберетесь, я вас выпущу.

— Выпустите?

— Дам вам пройти через дом. Пожалуйста, побыстрее. Не забудьте занести в дом одеяло и полотенце.

Он будит ребенка.

— Давай, — говорит он, — пора вставать. Завтракать.

Они мочатся в углу дворика, бок о бок.

Завтрак — опять хлеб и вода. Ребенок презрительно отказывается от пищи; да и сам он не голоден. Он оставляет поднос на ступеньке нетронутым.

— Мы готовы, — кричит он.

Девушка выводит их через дом на пустую улицу.

— До свиданья, — говорит она. — Можете вечером прийти опять, если понадобится.

— А что же комната, которую вы обещали в Центре?

— Если ключ не найдется или комнату уже заняли, сможете переночевать здесь. До свиданья.

— Минуточку. Вы не поможете нам деньгами немного? — Так побираться ему еще не приходилось, но он не знает, к кому еще обратиться.

— Я сказала, что помогу вам, но не сказала, что дам денег. За этим вам нужно идти в контору *Asistencia Social*. Можете доехать на автобусе в город. При себе имейте путевые книжки и подтверждение проживания. Тогда сможете получить подъемные. Или же поищите работу и попросите аванс. Меня сегодня утром в Центре не будет, у меня встреча, но если придете и скажете, что ищете работу и хотите *un vale*, они поймут, о чем речь. *Un vale*. Сейчас мне уже нужно бежать.

Дорожка, по которой они с мальчиком идут через парковую зону, оказывается не той, и когда они добираются до Центра, солнце уже высоко. За стойкой «*Trabajos*» — женщина средних лет, с суровым лицом, волосы туго стянуты сзади.

— Доброе утро, — говорит он. — Мы прибыли вчера. Мы — новоприбывшие, я ищу работу. Насколько мне известно, вы можете дать мне *un vale*.

— *Vale de trabajo*, — говорит женщина. — Покажите путевую книжку.

Он сдает ей путевую книжку. Изучив, она отдает его обратно.

— Я выпишу вам *vale*, но какого рода работой вам заниматься, решайте сами.

— Не подскажите, с чего мне начать? Здесь для меня чужие края.

— Попробуйте в порту, — говорит женщина. — Им обычно не хватает работников. Садитесь на автобус 29. Отходит от главных ворот каждые полчаса.

— У меня нет денег на автобусы. У меня совсем нет денег.

— Автобус бесплатный. Все автобусы бесплатные.

— А остановиться где? Можно я затрону тему места, где остановиться? Юная дама, которая дежурила вчера, по имени Ана, забронировала для нас комнату, но мы не смогли получить к ней доступ.

— Свободных комнат нет.

— Вчера свободная комната была, С-55, но ключ не нашелся. Ключ находился у сеньоры Вайсс.

— Мне об этом ничего не известно. Приходите сегодня после обеда.

— Можно мне поговорить с сеньорой Вайсс?

— Сегодня утром у руководства совещание. Сеньора Вайсс на совещании. Она вернется после обеда.

Глава 2

Уже в автобусе 29 он разглядывает выданный ему *vale de trabajo*. Это просто листок из блокнота, на котором написано: «Податель сего — новоприбывший. Пожалуйста, рассмотрите возможность его нанять». Ни официальной печати, ни подписи, просто инициалы «Р. Х.». Смотрится очень неофициально. Хватит ли этого, чтобы получить работу?

Они выходят последними. Порт, хоть и обширен, — причалы тянутся вверх по течению сколько хватает глаз, — кажется странно заброшенным. Всего на одной пристани, похоже, происходит хоть какая-то деятельность: грузят или разгружают некий сухогруз, по трапу поднимаются и спускаются люди.

Он подходит к высокому мужчине в робе, который, судя по всему, командует работой.

— Добрый день, — говорит он. — Я ищу работу. Люди в Центре переселения сказали, что мне следу-

ет обратиться сюда. Мне с вами поговорить? У меня есть *vale*.

— Поговорить можете со мной, — говорит человек. — Но вы не староваты ли для *estibador*-а?

Estibador? Наверное, вид у него был оторопелый, поскольку человек (бригадир?) жестами показывает, что закидывает за спину груз и сгибается под его тяжестью.

— А, *estibador*! — восклицает он. — Простите, у меня нехороший испанский. Нет, совсем не староват.

Правду ли он только что услышал от себя самого? Не слишком ли он стар для тяжелой работы? Старым он себя не чувствует, просто не чувствует себя молодым. Он вообще не чувствует никакого особого возраста. Он чувствует себя безвозрастным, если такое вообще возможно.

— Попробуйте меня, — предлагает он. — Если решите, что я не гожусь, я сразу уйду, без обид.

— Хорошо, — говорит бригадир. Сминает *vale* в комок, швыряет в воду. — Можете начинать сразу. Малец с вами? Пусть побудет тут со мной, если хотите. Я за ним пригляжу. А испанский — это не беда, упражняйтесь. В один прекрасный день он будет для вас в порядке вещей, а не язык.

Он взглядывает на мальчика.

— Останешься с этим господином, пока я буду помогать носить мешки?

Мальчик кивает. Опять он сует большой палец в рот.

Ширины трапа хватает всего на одного. Он ждет, пока другой грузчик спустится с бугристым мешком. Затем взбирается на палубу, спускается по крепкой деревянной лестнице в трюм. Глаза сколько-то при-

выкают к полутьме. Трюм завален одинаковыми бургистскими мешками, их сотни, может, тысячи.

— Что в мешках? — спрашивает он у человека рядом.

Человек смотрит на него странно.

— *Granos*, — говорит он.

Он хочет спросить, сколько мешки весят, но времени нет. Его черед.

Наверху груди сидит здоровяк с могучими руками и широкой ухмылкой, его работа, очевидно, — сбрасывать мешки на плечи ожидающего своей очереди грузчика. Он подставляет спину, мешок опускается; он спотыкается, затем хватается за углы мешка, как, замечает он, делают другие мужчины, шагает раз, другой. Удастся ли ему и впрямь подняться по лестнице с этим грузом, как всем остальным? Найдет ли силы?

— Держись, *viejo*, — слышится голос позади него. — Не спеши.

Он ставит левую ногу на нижнюю ступеньку. Все дело в равновесии, говорит он себе, в устойчивости, в том, чтобы мешок не соскользнул, а его содержимое не сместилось. Стоит чему-нибудь соскользнуть или сместиться, все пропало. Из грузчика превратишься в нищего, дрожащего под жестяным навесом во дворе у чужого человека.

Он заносит правую ногу. Начинает кое-что постигать о лестнице: если упереться в нее грудью, вес мешка придаст тебе устойчивости, а не опрокинет. Левая нога находит вторую ступеньку. Снизу раздается легкий всплеск аплодисментов. Он скрипит зубами. Восемнадцать ступенек (он пересчитал). Он не осрамится.

Медленно, шаг за шагом, отдыхая на каждой ступеньке, слушая бешеное сердце (а если приступ? вот неловко-то будет!), восходит он. На самом верху, покачнувшись, клонится вперед, и мешок опускается на палубу.

Он вновь поднимается на ноги, показывает на мешок.

— Кто-нибудь мне подсобит? — говорит он, пытаясь совладать с дыханием, пытаясь говорить как ни в чем не бывало. Охочие руки вскидывают мешок ему на спину.

У трапа — свои трудности: он слегка покачивается из стороны в сторону вместе с кораблем и никакой поддержки, в отличие от лестницы, не предлагает. Спускаясь, он изо всех сил держится прямо, хотя это означает, что он не может смотреть, куда ставит ноги. Он вперяет взгляд в мальчика, который стоит неподвижно, как столбик, рядом со старшим, наблюдает. «Не опозорить бы его!» — говорит он себе.

Он добирается до пристани, ни разу не споткнувшись.

— Налево! — выкрикивает бригадир. Он с трудом поворачивает. Подкатывает телега — низкая, с плоским дном, ее тянут две здоровенные лошади с мохнатыми ногами. Першероны? Он никогда не видел першерона вживую. Его обволакивает зловонием конской мочи.

Он разворачивается и бросает мешок с зерном на пол телеги. Юноша в потрепанной шапке легко вскакивает на борт и оттаскивает мешок. Одна лошадь роняет кучу дымящегося навоза.

— С дороги! — кричит голос у него за спиной. Это следующий грузчик, его товарищ по работе, со следующим мешком.

Тем же путем он идет в трюм, возвращается со второй ношей, потом с третьей. Он медленнее своих товарищей (им иногда приходится его ждать), но ненамного: он будет работать лучше, когда привыкнет, а тело укрепитя. Не слишком он старый, в конце концов.

Хоть он их и задерживает, никакой неприязни от других не ощущает. Напротив: они бросают ему одно-другое слово ободрения, а то и хлопнут дружески по спине. Работа грузчика не так уж и скверна. Чего-то добиваешься во всяком случае. Во всяком случае помогаешь перетаскивать зерно — зерно, которое превратится в хлеб, хлеб насущный.

Свисток.

— Перерыв, — объясняет ему кто-то рядом. — Если хочешь, ну, сам понимаешь.

Двое мочатся за сараем, моют руки под краном.

— А можно ли где-нибудь выпить чаю? — спрашивает он. — И, может, съесть что-нибудь?

— Чаю? — говорит человек. Вроде как забавно ему. — Не слыхал. Хочешь пить — возьми мою чашку, но завтра носи свою. — Он наполняет чашку водой из-под крана, подает. — И буханку принеси — или полбуханки. На пустой желудок день долог.

Перерыв длится всего десять минут, после чего разгрузочные работы возобновляются. Когда бригадир свистит в свисток в конце дня, он перетаскал из трюма на пристань тридцать один мешок. За полный день вышло бы, наверное, пятьдесят. Пятьдесят мешков в день — это более-менее две тонны. Не очень-то. Портовый кран выгрузил бы две тонны одним махом. Отчего они не задействуют кран?

— Хороший юноша, сынок твой, — говорит бригадир. — Никаких хлопот с ним. — Несомненно,

бригадир называет его юношей, *un jovencito*, чтобы сделать приятно. Хороший юноша, вырастет хорошим же грузчиком.

— Если б можно было подогнать кран, — замечает он, — разгрузка заняла бы одну десятую этого времени. Даже маленьким краном.

— Можно, — соглашается бригадир. — А смысл? Зачем успевать за одну десятую времени? Никакого смысла, если не крайний случай — недостаток продовольствия, например.

Какой смысл? Вроде честный вопрос, не пощечина.

— Мы бы могли приложить силы к чему-нибудь получше, — выдвигает он предположение.

— Получше чего? Получше, чем обеспечивать собрата хлебом?

Он пожимает плечами. Держал бы рот на замке. Конечно, он не собирается сказать: *Получше, чем таскать грузы, как вьючные животные.*

— Нам с мальчиком надо спешить, — говорит он. — Нам нужно вернуться в Центр до шести, иначе придется спать под открытым небом. Мне завтра приходиться?

— Конечно-конечно. Хорошо поработал.

— А аванс получить можно?

— Боюсь, что нет. У казначея обхода не будет раньше пятницы. Но если у тебя туго с деньгами, — он роется в кармане и добывает горсть монет, — вот, возьми сколько нужно.

— Я не знаю, сколько мне нужно. Я тут новый, понятия не имею о ценах.

— Возьми все. В пятницу вернешь.

— Спасибо. Ты очень добр.

Это правда. Приглядывать за твоим *jovencito*, пока ты работаешь, а сверх того и денег одолжить — тако-го не ждешь от бригадира.

— Пустяки. Ты бы так же поступил. Бывай, юноша, — говорит он, глянув на мальчика. — Увидимся завтра, бодрые да ранние.

Они добираются до конторы, как раз когда женщина со строгим лицом запирает дверь. Аны не видеть.

— Есть ли новости про нашу комнату? — спрашивает он. — Вы нашли ключ?

Женщина хмурится.

— Идите по дороге, первый поворот направо, увидите длинное низкое здание, называется Корпус «С». Спросите сеньору Вайсс. Она покажет вам вашу комнату. И спросите сеньору Вайсс, можно ли вам постирать вещи в прачечной.

Он понимает намек и краснеет. За неделю без мытья ребенок начал пахнуть; без сомнения, сам он пахнет и того хуже.

Он показывает ей деньги.

— Можете сказать, сколько здесь?

— Вы не умеете считать?

— В смысле, что я могу на это купить? Еды могу?

— Центр не обеспечивает питанием, только завтраками. Но поговорите с сеньорой Вайсс. Объясните ситуацию. Она, вероятно, сможет вам помочь.

С-41 — кабинет сеньоры Вайсс — заперт, как и прежде. Но в подвале под лестницей, в уголке, освещенном единственной голой лампочкой, он натывается на молодого человека в кресле, читающего журнал. Вдобавок к шоколадной форме Центра у юноши на голове крошечная круглая шапочка с тесемкой под подбородком, как у цирковой обезьянки.

— Добрый вечер, — говорит он. — Я ищу неуловимую сеньору Вайсс. Не знаете ли вы, где она? Нам выделили комнату в этом здании, у нее есть ключ — или хотя бы мастер-ключ.

Молодой человек встает, откашливается и отвечает. Ответ его вежлив, но, как выясняется, бесполезен. Если кабинет сеньоры Вайсс заперт, значит, сеньора, вероятно, ушла домой. Что до мастер-ключа, то он, если и существует, скорее всего, заперт в том же кабинете. То же и с ключом от прачечной.

— Вы можете хотя бы отвести нас к комнате С-55? — спрашивает он. — Нам выделили комнату С-55.

Не говоря ни слова, молодой человек ведет их по длинному коридору мимо комнат С-49, С-50... С-54. Они добираются до С-55. Он дергает дверь. Та не заперта.

— Конец вашим бедам, — говорит юноша и устраняется.

С-55 — маленькая, без окон и чрезвычайно просто обставлена: односпальная кровать, комод, умывальник. На комод — поднос с блюдцем, в блюдеце два с половиной кусочка сахара. Он отдает сахар мальчику.

— Нам нужно тут жить? — спрашивает мальчик.

— Да, нам нужно тут жить. Это ненадолго, пока ищем что-нибудь получше.

В конце коридора он находит душевую кабинку. Мыла нет. Он раздевает ребенка, раздевается сам. Они стоят вместе под тонкой струйкой тепловатой воды, он, как может, отмывает их обоих. Затем, пока ребенок ждет, подставляет свое белье под тот же поток (который скоро делается прохладным, а потом и холодным), отжимает его. Вызывающе нагишом,

вместе с ребенком, он шлепает по пустому коридору обратно в комнату, запирает дверь на шпингалет. Полотенце у них одно на двоих, им он вытирает мальчика.

— Иди в постель, — говорит он.

— Есть хочу, — жалуется мальчик.

— Потерпи. У нас утром будет большой завтрак, даю слово. Думай об этом. — Он подтыкает ребенку одеяло, целует перед сном.

Но ребенок не спит.

— Зачем мы здесь, Симон? — спрашивает он тихо.

— Я тебе сказал: мы здесь на одну или две ночи, пока не найдем места получше.

— Нет, в смысле, зачем мы *здесь*? — Он жестом охватывает комнату, Центр, город Новиллу, всё.

— Ты здесь, чтобы найти маму. Я здесь, чтобы тебе помочь.

— А когда мы ее найдем, зачем мы здесь?

— Я не знаю, что тебе сказать. Мы здесь потому же, почему и все остальные. Нам дали возможность жить, и мы ее не упустили. Это замечательно — жить. Это вообще самое замечательное.

— Но нам прямо надо жить здесь?

— А где еще, если не здесь? Больше нигде быть, только здесь. Ну-ка, закрывай глаза. Пора спать.

Глава 3

Он просыпается в хорошем настроении, полным сил. У них есть где жить, у него есть работа. Пора заняться главным: поиском матери мальчика.

Оставив мальчика спать дальше, он украдкой выходит из комнаты. Главная контора только что открылась. За стойкой Ана, улыбается, заведев его.

— Выспались? — спрашивает она. — Устроились?

— Спасибо, устроились. Но теперь я должен попросить вас еще об одном одолжении. Может быть, помните, я спрашивал о розыске родственников. Мне нужно найти мать Давида. Беда в том, что я не знаю, с чего начать. Вы ведете записи о прибывших в Новиллу? Если нет, имеется ли какой-нибудь сводный реестр, который можно посмотреть?

— Мы записываем всех, кто проходит через Центр. Но записи вам не помогут, если вы не знаете, кого ищете. У матери Давида — новое имя. Новая жизнь, новое имя. Она вас ожидает?

— Она никогда не слыхала обо мне, и причин меня ожидать у нее нет. Но как только ребенок ее увидит, он признает ее, не сомневаюсь.

— Как долго они были разлучены?

— Это сложная история, и я не буду вас ею обременять. Просто скажу, что я обещал Давиду найти его мать. Я дал ему слово. Можно мне посмотреть ваши записи?

— Но как это вам поможет, если вы не знаете имени?

— Вы храните копии путевых книжек. Мальчик опознает ее по фотографии. Или я опознаю. Я пойму, что это она, как только увижу.

— Вы с ней не знакомы, но узнаете ее?

— Да. Порознь или вместе, мы с ним ее узнаем. Я в этом убежден.

— А сама безымянная мать? Вы уверены, что она хочет воссоединиться с сыном? Может, бессердечно

так говорить, но, прибыв сюда, большинство людей теряет интерес к старым связям.

— Тут другое дело, правда. Я не могу объяснить, почему. Так что же, можно мне посмотреть ваши записи?

Она качает головой.

— Нет, я не могу этого допустить. Располагай вы именем матери, было бы другое дело. Но я не могу позволить вам рыться в наших бумагах. Это не просто нарушение наших правил — это бессмысленно. У нас тысячи данных, сотни тысяч, больше, чем вам под силу посчитать. Кроме того, откуда вам знать, проходила ли она через Новилльский центр? В каждом городе есть центр приема.

— Я не спорю, что в этом никакого смысла. Тем не менее молю вас. Дитя без матери. Потерян. Вы же сами видели, до чего он потерян. Он между небом и землей.

— Между небом и землей. Я не понимаю, что вы имеете в виду. Ответ — «нет». Я не уступлю, и не надо на меня давить. Мне жаль мальчика, но так не годится.

Между ними повисает долгое молчание.

— Я могу заниматься этим по ночам, — говорит он. — Никто не узнает. Я буду тихо, я буду незаметно.

Но она его больше не слушает.

— Привет! — говорит она, глядя ему за плечо. — Ты только что проснулся?

Он оборачивается. В дверях, лохматый, босой, в исподнем, засунув большой палец в рот, все еще полусонный, стоит мальчик.

— Иди сюда! — говорит он. — Поздоровайся с Аной. Ана поможет нам в поисках.

Мальчик бредет к ним.

— Я вам помогу, — говорит Ана, — но не так, как вы просите. Здешние люди очистились от старых связей. Вам следует сделать то же самое: оставить все старые связи, не искать их. — Она тянется к мальчику, ерошит ему волосы. — Привет, соня! — говорит она. — Ты уже очистился? Скажи папе, что ты очистился.

Мальчик переводит взгляд с нее на него и обратно.

— Я очистился, — бормочет он.

— Вот! — говорит Ана. — О чем и речь!

Они в автобусе, едут в порт. После основательного завтрака мальчик заметно бодрее, чем вчера.

— Мы опять едем навестить Альваро? — говорит он. — Я нравлюсь Альваро. Он дает мне свистеть в свисток.

— Славно. Он сказал, что тебе можно звать его Альваро?

— Да, его так зовут. Альваро Авокадо.

— Альваро Авокадо? Ну, ты не забывай: Альваро занятой человек. Ему и без присмотра за ребенком дел хватает. Ни в коем случае не путайся у него под ногами.

— Он не занятой, — говорит мальчик. — Он просто стоит и глядит.

— Это тебе так кажется, что он стоит и глядит, а на самом деле он руководит нами, следит, чтобы корабли разгружались вовремя, чтобы все делали что положено. Это важная работа.

— Он говорит, что научит меня шахматам.

— Славно. Тебе понравятся шахматы.

— Я всегда буду с Альваро?

— Нет, скоро найдешь других мальчиков, будешь с ними играть.

— Не хочу играть с другими мальчиками. Я хочу быть с тобой и с Альваро.

— Но не все время. Не годится тебе все время быть со взрослыми.

— Не хочу, чтоб ты упал в море. Не хочу, чтоб ты утонул.

— Не волнуйся, я изо всех сил постараюсь не утонуть, честное слово. Гони такие темные мысли прочь. Пусть летят, как птицы. Ладно?

Мальчик не отвечает.

— Когда мы поедем обратно? — говорит он.

— Обратно за море? Мы обратно не поедем. Мы теперь здесь. Вот где мы живем.

— Навсегда?

— На благо. Скоро начнем искать твою маму. Она поможет нам. А как найдем маму, у тебя больше не будет мыслей вернуться.

— Мама здесь?

— Где-то близко, ждет тебя. Давно ждет. Все прояснится, как только ты ее увидишь. Вспомнишь ее, а она — тебя. Ты, может, и думаешь, что очистился, но нет. У тебя еще есть воспоминания, они просто погребены, временно. Нам пора выходить. Наша остановка.

Мальчик дружит с одной тягловой лошадью, дает ей имя Эль Рей. Хоть он и кроха рядом с Эль Реем, почти не боится. Встав на цыпочки, протягивает пучки соломы, которые громадный зверь принимает, лениво склонив голову.

Альваро прорезает в выгруженном мешке дырку, зерно сыплется ручейком.

— Вот, покорми Эль Рея и его друга, — говорит он мальчику. — Но осторожно, много не давай, иначе у них животы надуются, как воздушные шарик, и придется протыкать их булавкой.

Эль Рей и его друг, вообще-то, кобылы, но Альваро мальчика не поправляет. Он это отмечает.

Его товарищи-грузчики вполне дружелюбны, но до странного нелюбопытны. Никто не спрашивает его, откуда он, где остановился. Он полагает, что они считают его отцом мальчика или, может, как Ана из Центра, — дедушкой. *El viejo*. Никто не спрашивает, где мать мальчика и почему он весь день болтается в порту.

На пристани есть маленький деревянный сарай, в котором работники переодеваются. На двери нет замка, но все вроде запросто складывают в сарае свои робы и ботинки. Он спрашивает у работников, где ему купить себе робу и ботинки. Ему пишут адрес на клочке бумаги.

Он спрашивает, сколько примерно может стоить пара ботинок.

— Два, может, три реала.

— Это же очень мало, — говорит он. — Да, меня зовут Симон.

— Эухенио, — говорит писавший.

— Можно спросить, Эухенио: ты женат? У тебя есть дети?

Эухенио качает головой.

— Ну, ты еще молод, — говорит он.

— Да, — уклончиво говорит Эухенио.

Он ждет, что его спросят о мальчике, — о мальчике, который с виду его сын или внук, а на самом

деле нет. Ждет, что его спросят, как мальчика зовут, сколько ему лет, почему он не в школе. Зря ждет.

— Давид — мальчик, за которым я приглядываю, еще слишком мал, чтобы в школу ходить, — говорит он. — Ты не знаешь, тут где-нибудь есть школы? Тут есть, — он подбирает слово, — *un jardin para los niños?*

— В смысле игровая площадка?

— Нет, школа для маленьких детей. Школа, которая до обычной школы.

— Прости, ничем не могу помочь. — Эухенио подымается на ноги. — Пора за работу.

На следующий день, как только раздастся свисток на обед, на велосипеде приезжает незнакомец. В шляпе, черном костюме и при галстукe он смотрится на пристани чужеродно. Слезает с велосипеда, приветствует Альваро как старого знакомого. Штанины у него прищеплены зажимами, которые он не заботится снять.

— Это казначей, — говорит голос рядом. Эухенио.

Казначей распускает ремни велосипедного ранца, снимает клеенку, под ней обнаруживается крашеный в зеленую краску железный денежный ящик, который он устанавливает на перевернутую бочку. Альваро подзывает людей. Один за другим они делают шаг вперед, называют свое имя и получают зарплату. Он ждет своего чередa в конце.

— Звать Симоном, — говорит он казначею. — Я новенький, меня может еще не быть у вас в списках.

— Есть, вот, — говорит казначей и отмечает его имя в списке. Он пересчитывает деньги — в монетах, их столько, что они оттягивают ему карманы.

— Спасибо, — говорит он.

— Пожалуйста. Вам причитается.

Альваро откатывает бочку прочь. Казначей снова пристегивает денежный ящик к велосипеду, жмёт руку Альваро, приподнимает шляпу и уезжает с пристани.

— Что собираешься делать сегодня вечером? — спрашивает Альваро.

— Ничего не собираюсь. Может, прогуляюсь с мальчиком. Если здесь есть зоопарк, я бы сводил его туда — посмотреть на животных.

Суббота, полдень, конец рабочей недели.

— Хочешь — пойдём со мной на футбол? — спрашивает Альваро. — Твоему юноше футбол нравится?

— Он маловат ещё для футбола.

— Надо же когда-нибудь начинать. Игра — в три. Встретимся у ворот, скажем, в два сорок пять.

— Хорошо, но у каких ворот, где?

— У ворот стадиона. Там одни ворота.

— А где стадион?

— Иди по тропинке вдоль реки — не пропустишь. Отсюда минут двадцать, думаю. А если пешком не хочешь — садись на автобус номер 7.

Стадион дальше, чем говорил Альваро: мальчик устает и мешкает, они опаздывают. Альваро уже у ворот, ждёт их.

— Быстрее, — говорит он, — они того и гляди начнут.

Они проходят в ворота на стадион.

— Нам не надо купить билеты? — спрашивает он.

Альваро смотрит на него странно.

— Это футбол, — говорит он. — Игра. Чтобы посмотреть игру, не надо платить.

Стадион скромнее, чем он себе представлял. Поле отгорожено веревкой, крытые трибуны рассчитаны на тысячу зрителей, не более. Они без труда находят места. Игроки уже на поле, пинают мяч, разогреваются.

— Кто играет? — спрашивает он.

— «Причалы» — они в синем, а в красном — «Северные холмы». Это игра лиги. Игры чемпионата — по утрам в воскресенье. Услышишь гудок воскресным утром — значит, проходит игра чемпионата.

— Ты за какую команду болеешь?

— За «Причалы», конечно. За кого же еще?

Альваро, похоже, в хорошем настроении, возбужден, даже кипуч. Он рад за Альваро — и благодарен за то, что бригадир его выделил, предложив свою команду. Альваро кажется ему хорошим человеком. Вообще-то все его товарищи-грузчики кажутся ему хорошими людьми — работающие, дружелюбные, любезные.

В первую же минуту матча команда в красном делает простую ошибку в защите, и «Причалы» забивают гол. Альваро вскидывает руки и издает победный клич, после чего поворачивается к мальчику.

— Видал, юноша? Видал?

Юноша не видал. Ничего не понимая в футболе, юноша не ухватывает, на что ему обращать внимание — на мужчин, которые бегают по полю взад-перед, или же на море чужих людей вокруг.

Он берет мальчика к себе на колени.

— Смотри, — говорит он и водит пальцем, — они пытаются загнать мяч в сетку. А человек вон там, в перчатках, — вратарь. Ему надо поймать мяч. По обе стороны поля есть по вратарю. Когда мяч попадает в

сетку, это называется «гол». Команда в синем только что забила гол.

Мальчик кивает, но мысли его где-то бродят.

Он говорит тише:

— Тебе не надо в туалет?

— Есть хочу, — шепчет мальчик в ответ.

— Я знаю. Я тоже. Нужно к этому привыкнуть.

Погляжу в перерыве, можно ли раздобыть жареной картошки или арахиса. Хочешь арахис?

Мальчик кивает.

— Когда перерыв? — спрашивает он.

— Скоро. Но сначала футболистам нужно еще поиграть и попробовать забить еще голы. Смотри.

Глава 4

Вернувшись тем вечером к себе в комнату, он находит записку, подсунутую под дверь. Записка от Аны: *«Не хотите ли вы с Давидом на пикник в честь новопривывших? Встречаемся завтра в полдень, в парке, у фонтана. А.»*

В полдень они у фонтана. Уже жарко — даже птиц словно сморило. Они устраиваются под раскидистым деревом, вдали от шума машин. Ана появляется чуть погодя, несет корзину.

— Простите, — говорит она, — спешное дело.

— Сколько нас будет? — спрашивает он.

— Не знаю. Может, полдюсятка. Посмотрим.

Они ждут. Никто не приходит.

— Похоже, только мы и будем, — говорит наконец Ана. — Начнем?

В корзине оказываются всего лишь упаковка крекеров, горшок несоленой фасолевой пасты и

бутылка воды. Но ребенок уплетает свою долю, не жалуясь.

Ана зеваает, растягивается на траве, закрывает глаза.

— Что вы имели в виду, когда сказали «очиститься»? — спрашивает он. — Вы сказали, нам с Давидом надо очиститься от старых связей.

Ана лениво качает головой.

— В другой раз, — говорит она. — Не сейчас.

По ее тону, по взгляду из-под век, брошенному на него, он чувствует некий призыв. Полдюжата гостей, которые не явились, — может, выдумка? Если б не ребенок, он бы лег рядом с ней на траву и, может, тихонько положил свою руку поверх ее.

— Нет, — бормочет она, словно читая его мысли. Хмурая тень скользит у нее по лбу. — Не это.

Не это. Что ему думать про женщину — то теплую, то холодную? Может, он не улавливает чего-то об этикете между полами или поколениями, принятом в этих новых краях?

Мальчик дергает его и показывает на почти пустую пачку крекеров. Он намазывает пасту на крекер и дает мальчику.

— У него здоровый аппетит, — говорит девушка, не открывая глаз.

— Он все время голоден.

— Не волнуйтесь, приспособится. Дети быстро приспосабливаются.

— Приспособится голодать? Зачем ему приспосабливаться голодать, если нет недостатка в провизии?

— Приспособится к умеренной диете, в смысле. Голод — как собака в животе: чем больше кормишь, тем больше она хочет. — Она резко садится и обра-

щается к ребенку: — Я слыхала, ты ищешь маму, — говорит она. — Скучаешь по маме?

Мальчик кивает.

— А как зовут твою маму?

Мальчик бросает на него вопросительный взгляд.

— Он не знает ее имени, — говорит он. — При нем было письмо, когда он садился на судно, однако оно потерялось.

— Шнурок лопнул, — говорит мальчик.

— Письмо было в кошеле, — объясняет он, — который висел у него на шее на шнурке. Шнурок лопнул, и письмо потерялось. По всему кораблю искали. Но так и не нашли.

— Оно упало в море, — говорит мальчик. — Его рыбы съели.

Ана хмурится.

— Если ты не помнишь мамино имя, можешь сказать, как она выглядела? Можешь ее нарисовать?

Мальчик качает головой.

— Значит, твоя мама потерялась, и ты не знаешь, где ее искать. — Ана умолкает, осмысливает. — Как бы ты отнесся, если бы твой *padrino* стал подыскивать тебе другую маму, чтобы она тебя любила и заботилась о тебе?

— Что такое *padrino*? — спрашивает мальчик.

— Вы всё пытаетесь присвоить мне роли, — встречает он. — Я не отец Давиду и не *padrino*. Я просто помогаю ему встретиться с матерью.

Она не обращает внимания на его отповедь.

— Если вы найдете себе жену, — говорит она, — эта женщина могла бы стать ему матерью.

Он хохочет.

— Какая женщина захочет выйти замуж за такого мужчину, как я, — чужака, у которого нет за душой

даже смены одежды? — Он ожидает, что девушка заспорит, но нет. — Кроме того, даже если бы я нашел себе жену, откуда знать, что она захочет, знаете, приемного ребенка? И примет ли ее наш юный друг?

— Никогда не знаешь. Дети приспособляются.

— Да что вы заладили! — В нем вспыхивает гнев. Что эта самоуверенная девушка знает о детях? И по какому праву она ему проповедует? И тут части картинки сходятся. Неказистая одежда, обескураживающая суровость, разговоры о заступниках... — Вы не монахиня часом, Ана? — спрашивает он.

Она улыбается.

— С чего вы взяли?

— Вы из тех, кто покинул монастырь и живут в миру? Выполняют работу, за которую больше никто не хочет браться, — в тюрьмах, приютах, лечебницах? В центрах приема беженцев?

— Какая нелепость. Конечно, нет. Центр — не тюрьма. И не благотворительное заведение. Это часть социальной программы.

— Пусть так, но как можно терпеть нескончаемый поток людей вроде нас — беспомощных, невежественных, нуждающихся, без какой-нибудь веры, что придает сил?

— Веры? Вера здесь вообще ни при чем. Вера бывает в то, что делаешь, даже если это не приносит видимых плодов. Центр не таков. Прибывающим людям нужна помощь, и мы им помогаем. Мы помогаем, и жизнь их улучшается. Это все видно. Ничто здесь не требует слепой веры. Мы делаем свою работу, и все устраивается хорошо. Проще некуда.

— Нет ничего незримого?

— Нет ничего незримого. Две недели назад вы были в Бельстаре. На прошлой неделе вы нашли

работу в порту. Сегодня у вас пикник в парке. Что тут незримого? Это улучшение, наблюдаемое улучшение. В общем, отвечая на ваш вопрос: нет, я не монахиня.

— Тогда откуда этот аскетизм, который вы проповедуете? Вы велите нам усмирить голод, уморить собаку внутри. С чего? Что плохого в голоде? Аппетит дан для того, чтобы сообщать нам о наших нуждах, разве нет? Не будь у нас аппетита, не будь желаний, как бы мы жили?

Ему этот вопрос кажется хорошим, серьезным — вышколенная молодая монахиня теперь попалась бы.

Ответ ей дается легко — так легко и таким тихим голосом, словно не предназначается ребенку, что он сначала не понимает:

- И куда же, в вашем случае, ведут вас желания?
- Мои желания? Можно, я буду откровенен?
- Можете.

— При всем уважении к вашему гостеприимству, они ведут меня к чему-то большему, чем крекеры и протертая фасоль. Они ведут, например, к бифштексу с картофельным пюре и подливой. И, я уверен, этот юноша, — дотянувшись, он хватает ребенка за руку, — чувствует то же самое. Правда?

Мальчик энергично кивает.

— Бифштекс, истекающий мясным соком, — продолжает он. — Знаете, что меня больше всего удивляет в этой стране? — В голосе его появляется безрассудство, мудрее было бы остановиться, но нет. — Она такая бескровная. Все, с кем ни знакомлюсь, такие приличные, милые, благонамеренные. Никто не сквернословит, не гневается. Никто не напивается. Никто не повышает голос. Вы живете на диете из хлеба, воды и протертой фасоли и гово-

рите, что сыты. Как такое может быть, говоря по-человечески? Вы врете — даже себе самой?

Обняв колени, девушка смотрит на него безмолвно, ждет окончания тирады.

— Мы голодны, этот ребенок и я. — Он с силой притягивает к себе мальчика. — Мы все время голодны. Вы говорите мне, что голод — диковина, которую мы привезли с собой, ей здесь не место, и нам предстоит морить себя до полного смирения. Когда изничтожим голод, говорите вы, мы докажем, что можем приспособливаться, и после этого будет нам счастье на веки вечные. Но я не хочу морить собаку голода! Я хочу ее кормить! Согласен? — Он трясет мальчика. Мальчик зарывается ему под мышку, улыбается, кивает. — Ты согласен, мой мальчик?

Нисходит молчание.

— Вы и впрямь гневаетесь, — говорит Ана.

— Я не гневаюсь, я голодаю! Скажите мне: что плохого в утолении обычного аппетита? Почему простые порывы, голод и желания нужно усмирять?

— Вы уверены, что хотите продолжать в том же духе при ребенке?

— Мне не стыдно за свои слова. Нет в них такого, от чего нужно оградить ребенка. Если ребенку можно спать под открытым небом на голой земле, ему тем более можно слушать прямой взрослый разговор.

— Хорошо, я вам устрою прямой разговор в ответ. То, чего вы от меня хотите, я не делаю.

Он смотрит на нее растерянно.

— Чего я от вас хочу?

— Да. Вы хотите, чтобы я дала вам себя обнять. Мы оба знаем, что это значит, — *обнять*. А я такого не допускаю.

— Я о том, чтоб вас обнять, ничего не говорил. Но что плохого в объятиях, если вы не монахиня?

— Отказ от желаний не имеет ничего общего с тем, монахиня я или нет. Просто я так не делаю. Не допускаю. Мне не нравится. У меня нет на это аппетита. На это само по себе у меня нет аппетита, и я не желаю видеть, что он делает с людьми. Что он делает с женщиной.

— В каком смысле — *что он делает с женщиной?*

Она многозначительно смотрит на ребенка.

— Вы уверены, что хотите продолжения разговора?

— Продолжайте. Никогда не рано познавать жизнь.

— Прекрасно. Вы считаете меня привлекательной — я это вижу. Вероятно, вы считаете меня даже красивой. И поскольку вы считаете меня красивой, ваш аппетит, ваш порыв — обнять меня. Я правильно считываю знаки, которые вы мне подаете? Если бы вы не считали меня красивой, вы бы такого порыва не ощутили.

Он молчит.

— Чем красивее вы меня считаете, тем острее ваш аппетит. Вот как устроены эти ваши аппетиты, которые вы назначили себе путеводной звездой и слепо за ними идете. Теперь задумайтесь. Что, скажите на милость, общего между красотой и объятием, которому вы хотите меня подвергнуть? Какова связь между первым и вторым? Объясните.

Он молчит, даже более того. Он потрясен.

— Ну же. Вы сказали, пусть подопечный слушает. Вы сказали, что хотите, чтобы он познал жизнь.

— Между женщиной и женщиной, — говорит он наконец, — иногда возникает естественное влече-

ние, непредвиденное, непреднамеренное. Двое считают друг друга привлекательными или даже, иными словами, красивыми. Женщина обычно красивее мужчины. Почему одно должно следовать из другого, притяжение и желание обнять — из красоты, — загадка, которую я не могу объяснить, а могу лишь сказать, что притяжение к женщине — единственный способ воздать должное женской красоте, который известен мне, моему физическому естеству. Я называю это должным, потому что ощущаю это как подношение, а не как оскорбление.

Он умолкает.

— Продолжайте, — говорит она.

— Это все, что я хочу сказать.

— Это все. И как воздание должного — как подношение, а не оскорбление — вы хотите крепко меня схватить и запихнуть часть своего тела в меня. Воздавая должное, как вы говорите. Я растеряна. Для меня все это дело видится нелепым: вам — нелепым делать, а мне — нелепым допускать.

— Кажется нелепым, только если вот так это сказать. Само по себе оно не бессмысленно. Оно не может быть бессмысленным, поскольку это природное желание природного тела. Это природа говорит в нас. Так все устроено. То, как все устроено, не может быть абсурдным.

— Правда? А если я скажу, что, на мой взгляд, это не просто абсурдно, а еще и уродливо?

Он изумленно качает головой.

— Вы не можете так считать. Я-то, может, стар и непривлекателен — я и мои желания. Но вы наверняка не считаете, что природа сама по себе уродлива?

— Считаю. Природа может иметь красивые черты, а может — и уродливые. Те части наших тел, которые вы скромно не называете в присутствии подопечного, — вы считаете их красивыми?

— Сами по себе? Нет, сами по себе они не красивые. Целое красиво, не его части.

— И вот эти части, которые не красивы, — их вы хотите запихнуть в меня! Как мне это воспринимать?

— Не знаю. Скажите, что сами думаете.

— Все ваши милые разговоры о воздании должного красоте — *una tontería*. Если б вы сочли меня воплощением добродетели, вы бы не пожелали совершить надо мной подобное действие. Так с чего желать его, если я — воплощение красоты? Красота изменнее добродетели? Объясните.

— *Una tontería* — это что?

— Чепуха. Чушь.

Он встает на ноги.

— Я не собираюсь больше оправдываться, Ана. Это обсуждение не видится мне плодотворным. Мне кажется, вы не знаете, о чем говорите.

— Правда? Вы думаете, я невежественный ребенок?

— Вы, может, и не ребенок, да, но я думаю, что вы невежественны в жизни. Идем, — говорит он мальчику, беря его за руку. — Пикник окончен, пора поблагодарить даму и пойти поискать себе еду.

Ана откидывается, вытягивает ноги, складывает руки на коленях и насмешливо улыбается.

— Задела за живое, верно? — говорит она.

Он шагает через пустой парк под палящим солнцем, мальчик трусцой спешит за ним.

— Что такое *padrino*? — спрашивает мальчик.

— *Padrino* — это человек, который вместо отца, если по каким-то причинам твоего отца рядом нет.

— Ты мой *padrino*?

— Нет. Никто не приглашал меня к тебе в *padrino*. Я просто друг.

— Я могу пригласить тебя быть моим *padrino*.

— Это не тебе делать, мой мальчик. Ты не можешь сам выбрать себе *padrino* — так же, как и отца. Нет подходящего слова, которым можно назвать меня по отношению к тебе — и нет слова, чтобы назвать тебя по отношению ко мне. Но, если хочешь, можешь звать меня Дядей. Когда люди спрашивают, *кто он тебе?* — можешь сказать: *Он мой дядя. Он мой дядя и меня любит.* А я буду говорить: *Это мой мальчик.*

— А та дама будет мне мамой?

— Ана? Нет. Ей неинтересно быть мамой.

— Ты на ней женишься?

— Конечно, нет. Я здесь не жену ищу, а помогаю тебе найти твою маму, настоящую маму.

Он старается говорить ровно, легким тоном, но правда в том, что девушка вывела его из себя.

— Ты на нее сердился, — говорит мальчик. — Почему ты сердился?

Он замирает, берет мальчика на руки, целует в лоб.

— Прости, что я сердился. Я сердился не на тебя.

— Но ты сердился на даму, а она сердилась на тебя.

— Я сердился на нее, потому что она плохо с нами обращается, и я не понимаю почему. Мы с ней повздорили, крепко повздорили. Но теперь все. И то было не важно.

— Она сказала, что ты хотел в нее что-то запихнуть. — Он молчит. — В каком смысле? Ты правда хочешь что-то в нее запихнуть?

— Это так говорится. Она имела в виду, что я хочу навязать ей свои мысли. И она права. Нельзя навязывать свои мысли другим.

— Я навязываю тебе свои мысли?

— Нет, конечно. А теперь давай найдем какой-нибудь еды.

Они прочесывают улицы к востоку от парковой зоны, ищут хоть какое-нибудь место, где поесть. Это район скромных вилл, там и сям — невысокие многоквартирные дома. Они набредают на единственный в округе магазин. Вывеска гласит: «NARANJAS» — большими буквами. Уличные ставни закрыты, и ему не видно, действительно ли внутри продают апельсины или Наранхас — просто фамилия.

Он останавливает прохожего, пожилого мужчину, выгуливающего собаку на поводке.

— Простите, — говорит он, — мы с мальчиком ищем кафе или ресторан, где можно поесть, или хотя бы продуктовый магазин.

— В воскресенье вечером? — говорит мужчина. Собака обнюхивает ботинки мальчика, потом промежность. — Я не знаю, что посоветовать, — если только вы не готовы ехать в город.

— Туда есть автобус?

— Номер 42, но он по воскресеньям не ходит.

— То есть мы, на самом деле, не можем поехать в город. И в округе негде поесть. И все магазины закрыты. Что бы вы нам в таком случае посоветовали?

Лицо у мужчины суровееет. Он дергает собаку за поводок.

— Пошли, Бруно, — говорит он.

Он отправляется обратно к Центру в скверном настроении. Двигаются они медленно, поскольку мальчик мешкает и скачет, стараясь не наступать на трещины в мостовой.

— Пойдем скорее, — говорит он раздраженно. — В другой день поиграешь.

— Нет. Я не хочу провалиться в трещину.

— Чепуха. Как такой большой мальчик может провалиться в такую маленькую трещину?

— Не в эту. В другую трещину.

— В которую? Покажи мне ее.

— Я не знаю! Я не знаю, в какую. Никто не знает.

— Никто не знает, потому что никто не может провалиться в трещину в мостовой. Давай быстрее.

— Я могу! Ты можешь! Любой может! Ты не понимаешь!

Глава 5

Назавтра во время дневного перерыва он отводит Альваро в сторону.

— Прости, что я с личным делом, — говорит он, — но я все больше тревожусь за здоровье мальчика, особенно за его питание, которое, как ты видишь, состоит из хлеба, хлеба и еще раз хлеба.

И, конечно, они оба видят, как мальчик, сидя среди грузчиков с подветренной стороны сарая, уныло жует половину буханки, смоченную водой.

— Мне кажется, — продолжает он, — что растущему ребенку нужно большее разнообразие, больше питательности. На одном хлебе не жизнь. Это не

универсальная еда. Ты не знаешь, где можно купить мяса, не катаясь в центр города?

Альваро чешет голову.

— Тут в округе, у порта, негде. Есть люди, я слышал, которые ловят крыс. В крысах недостатка нет. Но для этого нужна ловушка, а я вот так с ходу не скажу, где можно добыть годную крысиную ловушку. Похоже, тебе придется ее сделать самому. Можно из проволоки, с каким-нибудь спускным механизмом.

— Крысы?

— Да. Разве не видал их? Где есть корабли, там есть и крысы.

— Но кто же ест крыс? Ты ешь?

— Нет, даже и не мечтаю. Но ты спросил, где взять мясо, а это все, что я могу предложить.

Он долго смотрит Альваро в глаза. Не находит в них шутки. Или же, если это шутка, она очень глубоко.

После работы они с мальчиком отправляются напрямик к загадочному Наранхасу. Они приходят, как раз когда хозяин собирается опустить ставню. «Наранхас» — и впрямь магазин, как выясняется, и там действительно продаются апельсины, а также другие фрукты и овощи. Пока хозяин нетерпеливо ждет их, он набирает столько, сколько могут унести: небольшой пакет апельсинов, полдюжину яблок, морковь и огурцы.

Вернувшись в комнату в Центре, он режет мальчику яблоко, чистит апельсин. Пока мальчик ест, он режет морковь и огурец на тонкие кружочки и выкладывает их на тарелку.

— Вот! — говорит он.

Мальчик с подозрением тыкает в огурец, нюхает его.

— Мне не нравится, — говорит он. — Это воняет.

— Чепуха. Огурец ничем не пахнет вообще. Зеленое — это кожура. Попробуй. Тебе полезно. Вырастешь от этого. — Он съедает половинку огурца, целую морковь и апельсин.

На следующее утро он вновь навещает «Наранхас» и покупает еще фруктов — бананов, груш, абрикосов, приносит их в комнату. Теперь у них порядочный запас.

Он опаздывает на работу, но Альваро ничего не говорит.

Несмотря на желанные добавки к питанию, ощущение телесного истощения их не покидает. Ежедневно поднимая и перетаскивая тяжести, он не укрепляет свои силы, а опустошается. Он начинает себя чувствовать почти бесплотным духом, боится потерять сознание на глазах у товарищей и опозориться.

Он вновь заговаривает с Альваро.

— Мне нездоровится, — говорит он. — Уже сколько-то времени. Не посоветуешь ли врача?

— На Седьмом причале есть медпункт, он открыт по вечерам. Иди туда сейчас же. Скажешь, что здесь работаешь, тогда не придется платить.

Он следует указателям на Седьмой причал и там и впрямь обнаруживает медпункт с простым названием «*Clínica*». Дверь открыта, за стойкой никого. Он жмет на звонок, но тот не работает.

— Эй! — кричит он. — Кто-нибудь есть?

Тишина.

Он заходит за стойку и стучит в закрытую дверь с табличкой «*Cirugía*».

— Эй! — кричит он.

Дверь открывается, и перед ним возникает крупный, краснолицый мужчина в белом халате, на воротнике у него жирное пятно чего-то похожего на шоколад. Человек обильно потеет.

— Добрый день, — говорит он. — Вы врач?

— Заходите, — говорит человек. Указывает на стул, снимает очки, тщательно вытирает стекла салфеткой. — Вы работаете в порту?

— На Втором причале.

— А, на Втором причале. Чем могу помочь?

— Последние неделю-две мне нездоровится. Никаких особых симптомов, я просто быстро устаю, время от времени у меня кружится голова. Думаю, это из-за диеты, недостатка питания.

— Когда у вас обычно кружится голова? В какое-нибудь определенное время суток?

— Нет. Это случается, когда я устал. Я работаю грузчиком, грузу, как я вам уже сообщил. Я к такой работе не привык. В течение дня мне нужно много раз проходить по трапу. Иногда, глядя вниз, в зазор между причалом и бортом судна, на волны, что плещут о стенку, я чувствую головокружение. Чувствую, что поскользнусь, упаду и, может, ударюсь головой и утону.

— На недоедание не похоже.

— Может, и нет. Но если бы я питался лучше, мне было бы легче перебарывать головокружение.

— У вас раньше случались такие страхи — страхи падения и утопления?

— Это не психологическое, доктор. Я рабочий. Я выполняю тяжелую работу. Я перетаскиваю тяжести по многу часов. У меня сердце колотится. Я по-

стоянно на пределе сил. Вполне естественно, что мое тело иногда того и гляди откажет, подведет меня.

— Конечно, это естественно. Но если это естественно, зачем вы пришли в медпункт? Чего вы от меня ожидаете?

— Вы не хотите послушать мое сердце? Вам не кажется, что стоит сделать анализ на анемию? Вы не считаете, что нам стоит обсудить возможные недостатки моего питания?

— Я проверю ваше сердце, как вы предлагаете, но я не могу сделать вам анализ на анемию. Это не медицинская лаборатория, а просто медпункт первой помощи для портовых рабочих. Снимайте рубашку.

Он снимает рубашку. Врач прикладывает стетоскоп к его груди, уставляет взгляд в потолок, слушает. Из рта у него пахнет чесноком.

— С сердцем у вас все в порядке, — говорит он наконец. — Хорошее сердце. Много лет вам прослужит. Можете возвращаться к работе.

Он встает.

— Как вы можете такое говорить? Я изможден. Я сам не свой. Мое общее самочувствие ухудшается с каждым днем. Не этого я ожидал, когда прибыл сюда. Болезнь, утомление, несчастье — ничего этого я не ожидал. У меня предощущение — не просто умственные, а настоящие телесные предощущения, — что я того и гляди рухну. Тело сообщает мне всеми возможными способами, что оно отказывает. Как вы можете говорить, что со мной все в порядке?

Молчание. Врач прилежно складывает стетоскоп в черный футляр и убирает его в ящик. Укладывает локти на стол, сплетает пальцы, укладывает подбодок на руки, говорит.

— Милостивый государь, — говорит он, — я уверен, что вы пришли в этот маленький медпункт, чтобы пережить чудо. Если вы надеялись на чудо, вам следовало бы отправиться в полноценную больницу с полноценной лабораторией. Я же могу предложить вам лишь совет. Мой совет прост: не смотрите вниз. У вас припадки головокружения, потому что вы смотрите вниз. Головокружение — это психологическое, а не медицинское. Взгляд вниз — вот что порождает припадок.

— Это все, что вы предлагаете? Не смотреть вниз?

— Да, это все — если у вас нет симптомов объективного свойства, в которые вы готовы меня посвятить.

— Нет, таких симптомов нет. Совсем нет.

— Как все прошло? — спрашивает Альваро, когда он возвращается. — Нашел медпункт?

— Я нашел медпункт и поговорил с врачом. Он говорит, что надо смотреть вверх. Пока смотрю вверх — все со мной будет хорошо. А если гляну вниз — могу упасть.

— Вроде хороший, здравый совет, — говорит Альваро. — Ничего заумного. Давай-ка ты возьмешь отгул на остаток дня и немного отдохнешь?

Несмотря на свежие фрукты, купленные в «Наранхасе», несмотря на уверения врача, что сердце у него здоровое и никаких поводов думать, что он не проживет еще много лет, нет, он продолжает чувствовать себя изможденным. Да и головокружение не проходит. Хоть он и слушается совета врача не смотреть вниз, когда идет по трапу, он не может от-

ключиться от угрожающего шума волн, бьющих в промасленную пристань.

— Это просто головокружение, — убеждает его Альваро, похлопывая по спине. — Не обращай внимания, скоро пройдет.

Но у него нет этой уверенности. То, что его угнетает, не пройдет — так ему кажется.

— Как бы то ни было, — говорит Альваро, — если случайно поскользнешься и упадешь, ты не утонешь. Кто-нибудь тебя спасет. Я спасу. Зачем еще человеку товарищи?

— Ты спрыгнешь и спасешь меня?

— Если потребуется. Или веревку тебе брошу.

— Да, веревка-то целесообразней будет.

Альваро не обращает внимания на ехидство этого замечания — или, может, не улавливает.

— Практичнее, — говорит он.

— Мы всегда выгружаем одно и то же — пшеницу? — спрашивает он у Альваро при другой okazji.

— Пшеницу и рожь, — отвечает Альваро.

— И это все, что мы импортируем через порт, — зерно?

— Зависит от того, что ты понимаешь под *мы*. Второй причал — грузы зерна. Работай ты на Седьмом причале, разгружал бы смешанные грузы. На Девятом — сталь и цемент. Ты не гулял по порту? Не изучал?

— Изучал. Но другие причалы постоянно пустыют. Как и сейчас.

— Ну, это разумно, правда? Тебе же не нужен каждый день новый велосипед. Новая обувь каждый день не нужна, новая одежда. А вот питаться необходимо каждый день. Вот нам и надо много зерна.

— И поэтому, если я переведусь на Седьмой или Девятый причал, мне будет легче. Я целыми неделями смогу отдыхать.

— Так точно. Если б ты работал на Седьмом или Девятом, тебе было бы легче. Но тогда у тебя была бы неполная ставка. Так что в итоге на Втором лучше.

— Ясно. Так что все к лучшему в итоге, что я здесь, на этом причале, в этом порту, в этом городе, в этом краю. Все к лучшему в этом лучшем из возможных миров.

Альваро хмурится.

— Это не возможный мир, — говорит он, — а единственный. Лучший он в таком случае или нет, решать не тебе и не мне.

Ему на ум приходит несколько разных ответов, но он воздерживается их произносить. Может, в этом мире, который единственный, благоразумнее оставить иронию в прошлом.

Глава 6

Как и обещал, Альваро берется учить мальчика шахматам. Когда работы немного, видно, как они увлеченно играют в теньке, склоняясь над карманным набором шахмат.

— Он меня только что обыграл, — отчитывается Альваро. — Всего две недели — и он уже лучше меня.

Эухенио, главный книгочей среди грузчиков, бросает мальчику вызов.

— Сыграем на скорость, — говорит он. — У каждого по пять секунд на ход. Раз-два-три-четыре-пять.

Взятые в кольцо зрителей, они играют на скорость. В считанные минуты мальчик загоняет Эухенио в угол. Эухенио толкает своего короля, и тот валится на бок.

— Теперь дважды подумаю, прежде чем с тобой играть, — говорит он. — В тебе настоящий дьявол.

Вечером в автобусе по дороге домой он пытается обсудить игру и странное замечание Эухенио, но мальчик неразговорчив.

— Хочешь, куплю тебе шахматы? — предлагает он. — Сможешь упражняться дома.

Мальчик качает головой.

— Я не хочу упражняться. Мне не нравятся шахматы.

— Но у тебя же так хорошо получается.

Мальчик пожимает плечами.

— Если кто-то благословлен талантом, не прятать этот талант — долг, — настаивает он упрямо.

— Почему?

— Почему? Потому что мир делается лучше, мне кажется, если все мы в чем-то преуспеваем.

Мальчик угрюмо смотрит в окно.

— Ты огорчился из-за того, что сказал Эухенио? Не стоит. Он не вправду.

— Я не огорчился. Просто не люблю шахматы.

— Ну, Альваро огорчится.

На следующий день в порту появляется чужак. Он мал и сухопар, кожа выжжена до темно-каштанового оттенка, глаза глубоко посажены, нос крючком, как клюв у ястреба. На нем линялые джинсы, запачканные машинным маслом, исцарапанные кожаные ботинки.

Он извлекает из нагрудного кармана бумажку, вручает ее Альваро, а затем, не проронив ни слова, стоит и пялится вдаль.

— Так, — говорит Альваро. — Мы разгружаемся сегодня до вечера и почти весь день завтра. Если готов — подключайся.

Из того же нагрудного кармана незнакомец достает пачку сигарет. Не предложив никому, прикуривает и глубоко затягивается.

— Не забывай, — говорит Альваро, — в трюме — не курить.

Человек никак не обозначает, что услышал. Спокойно озирается по сторонам. Дым от сигареты поднимается в неподвижный воздух.

Альваро сообщает нам всем его имя — Дага. Никто не зовет его никак иначе — ни «новым человеком», ни «новым парнем».

Несмотря на свою шуплость, Дага силен. Он и на миллиметр не кренится, когда ему на плечи опускают первый мешок, поднимается по лестнице быстро и уверенно, легким шагом преодолевает трап и забрасывает мешок в телегу без всякого видимого усилия. Но затем уходит в тень сарая, присаживается на корточки и прикуривает еще одну сигарету.

Альваро шагает к нему.

— Никаких перекуров, Дага, — говорит он. — Берись за дело.

— Какая тут норма? — говорит Дага.

— Нету нормы. Нам всем платят подневно.

— Пятьдесят мешков в день, — говорит Дага.

— Мы носим больше.

— Сколько?

— Больше пятидесяти. Нормы нет. Каждый несет, сколько может.

— Пятьдесят. Не больше.

— Вставай. Хочешь курить — жди перерыва.

Обстановка накаляется в полдень пятницы, при расчете. Когда Дага подходит к доске, служащей столом, Альваро склоняется к казначею и шепчет что-то ему на ухо. Казначей кивает. Выкладывает деньги Даги на доску перед собой.

— Что это? — говорит Дага.

— Твоя плата за отработанные дни, — говорит Альваро.

Дага подбирает монеты и быстро, презрительно швыряет их казначею в лицо.

— Это за что? — говорит Альваро.

— Крысиная плата.

— Такова ставка. Столько ты заработал. Столько мы все зарабатываем. Хочешь сказать, мы все крысы?

Люди толпятся рядом. Казначей украдкой складывает бумаги и закрывает крышку денежного ящика.

Он, Симон, чувствует, как мальчик вцепляется ему в ногу.

— Что они делают? — ноет он. Лицо у него бледное и встревоженное. — Они будут драться?

— Нет, конечно, нет.

— Скажи Альваро, чтоб не дрался. Скажи! — Мальчик дергает его за пальцы, дергает и дергает.

— Давай уйдем, — говорит он. Он тянет мальчика к волнолому. — Смотри! Видишь тюленей? Большой, который задрал голову, — это самец. А другие, поменьше, — его жены.

Из толпы доносится резкий вскрик. Лихорадочное движение.

— Они дерутся! — ноет мальчик. — Я не хочу, чтобы они дрались!

Люди стоят полуколыцом вокруг Даги, тот пригибается, на губах — тень улыбки, одна рука вытянута вперед. В ней блестит нож.

— Ну! — говорит он и подзывает к себе ножом. — Кто следующий?

Альваро сидит на корточках на земле. Кажется, держится за грудь. На рубахе — кровавый потек.

— Кто следующий? — повторяет Дага. Никто не шевелится. Он выпрямляется, складывает нож, сует его в набедренный карман, поднимает денежный ящик, переворачивает его над доской. Монеты рассыпаются во все стороны. — Ссыкло! — говорит он. Отсчитывает, сколько хочет, насмешливо пинает бочку. — Налетай, — говорит он и поворачивается спиной ко всем. Не спеша усаживается на велосипед казначея и уезжает.

Альваро подымается на ноги. Кровь на рубашке — из руки, сочится из пореза на ладони.

Он, Симон, — старший мужчина, хотя бы по возрасту, ему и руководить.

— Тебе нужен врач, — говорит он Альваро. — Пойдем. — Он машет мальчику. — Давай отведем Альваро к врачу.

Мальчик не шевелится.

— Что такое?

Губы у мальчика размыкаются, но не слышно ни слова. Он склоняется поближе.

— Что такое? — спрашивает.

— Альваро умрет? — шепчет мальчик. Все его тело напряжено. Он дрожит.

— Конечно, нет. Он порезал руку, вот и все. Ее нужно перевязать, чтобы кровь перестала. Пошли. Отведем его к врачу, и врач его вылечит.

Альваро уже идет, с ним — один работник.

— Он дрался, — говорит мальчик. — Он дрался, и теперь врач отрежет ему руку.

— Чепуха. Врачи не отрезают руки. Врач промывает царапину и наложит бинт или, может, зашьет иглой с ниткой. Завтра Альваро будет на работе, и мы все об этом забудем. — Мальчик пронзительно смотрит на него. — Я не вру, — говорит он. — Я бы не стал тебе врать. Рана у Альваро не серьезная. Тот человек, сеньор Дага или как там его, не хотел его ранить. Это случайность. Нож соскользнул. Острые ножи опасны. Это урок, надо запомнить: не играй с ножами. Если играть с ножами, можно пораниться. Альваро поранился, к счастью, не серьезно. А сеньор Дага уехал, забрал свои деньги и уехал. Он не вернется. Ему тут не место, и он это понимает.

— Ты должен не драться, — говорит мальчик.

— Я и не буду, слово даю.

— Ты должен никогда не драться.

— Нет у меня привычки драться. И Альваро тоже не дрался. Он просто пытался защититься. Он пытался защититься и порезался. — Он вытягивает руку, чтобы показать, как Альваро пытался защититься, как Альваро получил порез.

— Альваро дрался, — говорит мальчик, произнося эти слова с торжественной категоричностью.

— Защищаться — это не драться. Защищаться — природный инстинкт. Если кто-то пытается тебя ударить, ты защищаешься. Не задумываясь даже. Смотри.

За все время, которое они провели вместе, он мальчика и пальцем не тронул. И тут внезапно он угрожающе вскидывает руку. Мальчик даже не моргает. Он делает вид, что бьет его по щеке. Тот даже не морщится.

— Ладно, — говорит он. — Верю тебе. — Рука его опускается. — Ты прав, а я нет. Альваро не стоило защищаться. Надо ему было как ты. Надо ему быть смелым. Давай теперь пойдем к медпункту и посмотрим, как у Альваро дела?

На следующий день Альваро возвращается к работе, раненая рука — на перевязи. Он отказывается обсуждать происшествие. Беря с него пример, остальные тоже не говорят об этом. Но мальчик все не успокаивается.

— Сеньор Дага привезет велосипед обратно? — спрашивает он. — Почему его зовут сеньор Дага?

— Нет, он не вернется, — отвечает он. — Мы ему не нравимся, ему не нравится такая работа, как у нас, и ему незачем возвращаться. Я не знаю, настоящее ли имя Дага. Это не имеет значения. Имена не имеют значения. Хочет именоваться Дагой — пусть.

— Но почему он украл деньги?

— Он не *крал* деньги. Он не *крал* велосипед. Красть означает брать то, что тебе не принадлежит, когда никто не смотрит. Мы все смотрели, когда он брал деньги. Мы могли его остановить, но не стали. Мы решили не драться с ним. Мы решили отпустить его. Ты такое наверняка одобряешь. Ты же сам говорил, что нам нельзя драться.

— Тот человек должен был дать ему больше денег.

— Казначей? Казначей должен был дать ему столько, сколько Дага захотел бы?

Мальчик кивает.

— Он так не мог бы сделать. Если бы казначей платил нам всем, сколько мы хотим, у него бы кончились деньги.

— Почему?

— Почему? Потому что мы все хотим больше, чем нам причитается. Такова человеческая природа. Потому что мы все хотим больше, чем заслуживаем.

— Что такое человеческая природа?

— Это значит то, как устроены люди, — ты, я, Альваро, сеньор Дага и все остальные. Какие мы есть, когда приходим в мир. То, что у нас есть общего. Нам нравится думать, что мы особенные, мой мальчик, каждый из нас. Но, говоря строго, такого не может быть. Если бы мы все были особенные, не осталось бы ничего особенного. Но мы все равно верим в себя. Мы спускаемся в судовой трюм, в жар и пыль, мы вскидываем мешки на спины и вытаскиваем их на свет, видим, как наши друзья маются вместе с нами, делают ту же самую работу, ничего в этом особенного, и мы гордимся ими и собой — все мы товарищи и вместе трудимся на общую цель, но где-то в глубине души, которую мы прячем, мы шепчем себе: *И все же, и все же ты особенный, вот увидишь! Однажды, когда меньше всего ожидаешь, раздастся громкий свисток Альваро, и нас всех соберут на пристани, где будет ждать великая толпа и человек в черном костюме и цилиндре, и этот человек в черном костюме и цилиндре велит тебе сделать шаг вперед и скажет: Смотрите на этого исключительного работника, коим мы все так до-*

вольны! — и пожмет тебе руку, и приколет медаль тебе на грудь — За Служение Превыше Долга — медаль все подтвердит, и все возликуют и захлопают в ладоши... Это человеческая природа — такие мечты, пусть и мудрее держать их при себе. Как и все мы, сеньор Дага думал, что он особенный, но эту мысль при себе не оставил. Он хотел выделиться. Хотел, чтобы его признали.

Тут он умолкает. На лице у мальчика — ни намека на то, что он понял хоть слово. Сегодня у него день бестолковости, или он просто упрямится?

— Сеньор Дага захотел похвалы и медали, — говорит он. — Мы не дали ему медаль, о которой он мечтал, и он забрал вместо нее деньги. Он взял, что, как он считал, заслужил. Вот и все.

— Почему он не получил медаль? — говорит мальчик.

— Потому что, если бы мы все получали медали, они бы ничего не значили. Потому что медали нужно заслуживать. Как и деньги. Медаль не получишь только за то, что ее хочешь.

— Я бы дал сеньору Даге медаль.

— Ну, может, надо, чтобы ты был казначеем. Тогда мы все получим медали и столько денег, сколько хотим, и на следующей неделе в денежном ящике ничего не останется.

— В денежном ящике всегда есть деньги, — говорит мальчик. — Поэтому он и называется денежным ящиком.

Он вскидывает руки.

— Если собираешься говорить глупости, я не буду с тобой спорить.

Глава 7

Через несколько недель после того, как они явились в Центр, прибывает письмо из Новилльского *Ministerio de Reubicación*, уведомляющее его, что ему с семьей выделили квартиру в Восточной деревне, заселение осуществить не позднее полудня следующего понедельника.

Восточная деревня, известная в округе как Восточные кварталы, — жилой массив к востоку от парковой зоны, многоквартирные дома, разделенные обширными газонами. Они с мальчиком его уже изучили, равно как и район-близнец — Западную деревню. Корпуса в деревне устроены одинаково, все четырехэтажные. На каждом этаже — по шесть квартир, окнами на квадрат, в котором размещаются общественные удобства: детская площадка, бассейн-«лягушатник», велотренажер, натянута веревка для белья. Восточная деревня считается лучше Западной, и они могут считать, что им повезло, раз их отправили сюда.

Переезд из Центра осуществлен легко, поскольку у них нет имущества, а друзей они не завели. Их соседи были с одной стороны — старик, ковьялющий в халате и разговаривающий сам с собой, а с другой — необщительная пара, делающая вид, что не понимает испанского, на котором он объясняется.

Новая квартира — на втором этаже, скромная по размерам и скромно меблированная: две кровати, стол, стулья, комод с выдвижными ящиками, стальные полки. В маленьком закутке — электроплитка на подставке и раковина с водопроводной водой. За ширмой — душ и туалет.

На первый ужин в Кварталах он готовит мальчику его любимую еду — блины с маслом и вареньем.

— Нам здесь понравится, правда? — говорит он. — Будет новая глава в нашей жизни.

Сообщив Альваро, что ему нездоровится, он с легким сердцем берет отгулы. Он зарабатывает их больше необходимого, тратить деньги здесь мало на что есть, и он не понимает, зачем ему изнурять себя без надобности. Кроме того, постоянно есть ново-прибывшие, которые ищут случайную работу и могут заменить его в доках. И поэтому бывают такие утра, когда он просто валяется лениво в кровати, задремывает и просыпается, наслаждаясь солнечным теплом, что льется в окна их нового дома.

«Я препоясываю чресла, — говорит он себе. — Я препоясываю чресла перед следующей главой в этом предприятии». Под следующей главой он подразумевает поиск матери мальчика, поиск, который он все еще не понимает, с чего начать. «Я собираюсь с силами, строю планы».

Пока он расслабляется, мальчик играет на улице в песочнице или на качелях — или же бродит на бельевой площадке, напевает самому себе, заворачивается в кокон сохнувшего белья, затем раскручивается и распутывается. Эта игра, похоже, совсем ему не прискучивает.

— Не уверен, что нашим соседям понравится, как ты висишь на их свежестыранном белье, — говорит он. — Почему оно тебя так тянет?

— Мне нравится, как оно пахнет.

В следующий раз пересекая двор, он тайком прижимается лицом к простыне и глубоко вдыхает. Запах чистый, теплый, уютный.

В тот же день, поглядев в окно, он видит, как мальчик лежит на газоне голова к голове с другим мальчиком, постарше. Вроде задушевно разговаривают.

— Я гляжу, у тебя новый друг, — замечает он за обедом. — Кто это?

— Фидель. Он умеет играть на скрипке. Он показал мне свою скрипку. Можно мне тоже скрипку?

— Он живет в Кварталах?

— Да. Можно мне тоже скрипку?

— Посмотрим. Скрипки стоят много денег, и тебе нужен будет учитель, ты же не можешь просто взять скрипку и заиграть на ней.

— Фиделя учит его мама. Она говорит, что и меня может научить.

— Хорошо, что ты завел нового друга, я за тебя рад. А уроки скрипки я, наверное, должен сначала обсудить с мамой Фиделя.

— Можно прямо сейчас пойти?

— Попозже пойдем, когда ты поспишь.

Квартира Фиделя — на дальней стороне двора. Не успевает он постучать, как дверь распахивается, и перед ним Фидель — коренастый, кудрявый, улыбчивый.

Квартира у них не больше и не такая солнечная, однако более уютная — может, из-за ярких штор с рисунком вишневых цветков и таких же покрывал.

Мать Фиделя выходит ему навстречу: угловатая, даже костлявая молодая женщина с выдающимися вперед зубами, волосы заправлены за уши. При первом взгляде на нее он смутно разочарован, хотя причин для этого никаких.

— Да, — подтверждает она, — я сказала вашему сыну, что он может заниматься музыкой вместе с

Фиделито. А потом мы поглядим, есть ли в нем способности и желание развиваться дальше.

— Вы очень добры. Вообще-то Давид мне не сын. У меня нет сына.

— А где его родители?

— Его родители... Это сложный вопрос. Я объясню, когда у нас будет побольше времени. Об уроках: ему нужна своя скрипка?

— С начинающими я обычно занимаюсь на блок-флейте. Фидель, — она тянет сына к себе, тот нежно обнимает ее, — Фидель учился на блок-флейте целый год, а потом взялся за скрипку.

Он обращается к Давиду:

— Слышишь, мой мальчик? Сначала учишься играть на блок-флейте, а потом на скрипке. Согласен?

Мальчик кроит гримасу, бросает косой взгляд на нового друга, молчит.

— Это серьезное начинание — учиться на скрипача. Многого не добьешься, если душа не лежит. — Он поворачивается к матери Фиделя. — Можно спросить, сколько вы берете?

Она смотрит на него удивленно.

— Я не беру, — говорит она. — Я это делаю ради музыки.

Ее зовут Елена. Он предполагал другое. Он бы предположил имя Мануэла или даже Лурдес.

Он приглашает Фиделя и его мать прокатиться на автобусе до Нового леса — Альваро советовал этот маршрут («Когда-то была плантация, а теперь она вся заросла, вам там понравится»). С конечной остановки мальчики убегают по тропе, а они с Эленой не спеша идут следом.

— У вас много учеников? — спрашивает он.

— О, я не настоящий учитель музыки. Просто нескольким детям помогаю освоиться.

— На что вы живете, если не берете денег?

— Я шью. Делаю то-сё. Получаю небольшой грант от Асистенции. Мне хватает. Есть вещи поважнее денег.

— Вы имеете в виду музыку?

— Музыку, да, а еще то, как человек живет. Как человеку жить.

Хороший ответ, серьезный ответ, философский ответ. Он на мгновение умолкает.

— Вы много общаетесь? — спрашивает он. — В смысле, — отваживается он, — у вас есть мужчина в жизни?

Она хмурится.

— У меня есть друзья. Некоторые — женщины, некоторые — мужчины. Я не делаю различий.

Тропинка сужается. Она идет впереди, он отстает, разглядывает, как колышутся ее бедра. Он предпочитает женщин поплотнее. И все же Елена ему нравится.

— А я от этого различия отказаться не могу, — говорит он. — Да и не хотел бы.

Она замедляет шаг, чтобы он смог ее догнать, смотрит на него прямо.

— Никто не должен отказываться от того, что для него важно, — говорит она.

Мальчики возвращаются, пыхтя после бега, пышут здоровьем.

— У нас есть попить? — спрашивает Фидель.

Разговор возобновляется лишь в автобусе по дороге домой.

— Не знаю, как у вас, — говорит он, — но у меня прошлое не умерло. Подробности размываются, но

ощущение, какова была жизнь когда-то, все еще вполне живо. Взять, к примеру, мужчин и женщин: вы говорите, что уже превзошли такие мысли, но я-то нет. Я все еще чувствую себя мужчиной, а вас — женщиной.

— Согласна. Мужчины и женщины различаются. У них разные роли.

Мальчишки на сиденье впереди шепчутся и хихикают. Он берет руку Элены в свою. Она не вырывает ее. И все же непостижимым языком тела ее рука дает ответ. Она умирает в его ладони, как рыба, вынутая из воды.

— Можно я спрошу? — говорит он. — Вы уже ничего не чувствуете к мужчинам?

— Я не чувствую, — отвечает она медленно и осторожно. — Напротив, я чувствую благую волю, большую благую волю. И к вам, и к вашему сыну. Тепло и благую волю.

— Под благой волей вы имеете в виду, что желаете нам блага? Я пытаюсь понять. Вы к нам благоволите?

— Да, точно.

— Должен сказать, что благую волю мы встречаем здесь постоянно. Все желают нам блага, все готовы быть к нам добры. Мы прямо-таки в облаках благой воли. Но все это несколько абстрактно. Можно ли утолить наши нужды одной лишь благой волей? Не в природе ли нашей желать чего-то более осязаемого?

Элена неторопливо отнимает руку.

— Вы, может, и хотите чего-то большего, чем благая воля, но лучше ли благой воли то, чего вы хотите? Вот каким вопросом стоит задаться. — Она умолкает. — Вы все время говорите о Давиде «мальчик». Почему не по имени?

— Имя Давид ему дали в лагере. Ему не нравится, он говорит, что это не настоящее его имя. Я стараюсь без необходимости его так не называть.

— Сменить имя довольно просто, между прочим. Идете в регистрационную контору и заполняете бланк на смену имени. И все. Никаких вопросов. — Она склоняется вперед. — О чем это вы тут шепчетесь? — спрашивает она у мальчиков.

Ее сын улыбается в ответ, прижимает палец к губам, дает понять, что дела у них тайные.

Автобус высаживает их рядом с Кварталами.

— Я бы пригласила вас на чашку чая, — говорит Елена, — но, к сожалению, Фиделито пора купать и кормить ужином.

— Понимаю, — говорит он. — До свиданья, Фидель. Спасибо за прогулку. Хорошо получилось.

— Вы с Фиделем, кажется, ладите, — отмечает он, когда они остаются одни.

— Он мой лучший друг.

— То есть у Фиделя к тебе благая воля, да?

— Много благой воли.

— А ты? Ты тоже чувствуешь благою волю?

Мальчик энергично кивает.

— А что-нибудь еще?

Мальчик смотрит на него растерянно.

— Нет.

Вот тебе пожалуйста — устами младенца. Из благой воли происходят дружба и счастье, происходят приятельские пикники в парковых зонах и приятельские вечерние прогулки в лесу. А из любви — или, по крайней мере, из желания более ярких проявлений ее — происходит томление, сомнение и боль душевная. Проще некуда.

И чего он, вообще-то, хочет от Элены — женщины, с которой он едва знаком, матери нового друга ребенка? Он надеется ее соблазнить, потому что не целиком утрачены еще воспоминания о том, что соблазнение — нечто, чем занимаются мужчины и женщины? Настаивает ли он на главенстве личного (желания, любви) над вселенским (благой волей, благоволением)? И почему он постоянно задает себе вопросы, а не просто живет, как все остальные? Все это — часть сильно запоздалого перехода от старого и удобного (личного) к новому и тревожному (вселенскому)? Может, этот допрос самого себя — лишь стадия роста у каждого новоприбывшего, стадия, которую люди вроде Альваро, Аны и Элены успешно преодолели? Если так, скоро ли он переродится новым, совершенным человеком?

Глава 8

— Вы давеча говорили мне, что благая воля — универсальный бальзам на наши раны, — говорит он Элене. — Но вы разве не скучаете по простому старому физическому прикосновению?

Они в парковой зоне, рядом с полем, на котором идет с десятков футбольных матчей, без всякого порядка. Фиделя и Давида пустили в одну такую игру, хотя они слишком маленькие для нее. Они прилежно носятся с другими игроками, но мяч им никогда не пасуют.

— Любой растящий ребенка не испытывает недостатка в физическом прикосновении, — отвечает Элена.

— Под физическим прикосновением я понимаю другое. Я имею в виду любить и быть любимым. Я имею в виду спать с кем-нибудь по ночам. Не скучаете по такому?

— Скучаю ли? Я не из тех, кто страдает воспоминаниями, Симон. То, о чем вы говорите, кажется очень далеким. А если под сном с кем-то вы подразумеваете секс — еще и странным. Странно о таком беспокоиться.

— Но ведь ничто не делает людей ближе, чем секс. Секс мог бы сделать вас и меня ближе. К примеру.

Элена отворачивается.

— Фиделито! — кричит она и машет. — Иди сюда! Нам пора!

Ему кажется, или щеки у нее вспыхнули?

Что правда, то правда: Элена привлекает его лишь едва. Ему не нравится ее костлявость, ее тяжелая нижняя челюсть и торчащие зубы. Но он мужчина, она — женщина, а дружба детей все равно их связывает. И вот, хоть вежливые отставки следуют одна за другой, он продолжает позволять себе некоторые вольности, вольности, которые, кажется, скорее забавляют ее, нежели злят. Хочешь не хочешь, он постепенно соскальзывает в грезы о том, что какой-нибудь зигзаг удачи приведет Элену в его объятия.

Зигзаг удачи принимает вид отключения электричества. Электричество по городу отключают нередко. Обычно о нем объявляют за сутки и устраивают либо в четных, либо в нечетных квартирах. В Кварталах они случаются в целом здании, по расписанию.

В этот вечер, о котором идет речь, объявления не было, но в дверь стучит Фидель и спрашивает,

можно ли ему поделаться домашнее задание у них, поскольку в их квартире нет света.

— Вы уже поели? — спрашивает он у мальчика.

Фидель качает головой.

— Давай-ка сбегай к себе, — говорит он. — Скажи своей маме, что я вас приглашаю на ужин.

Ужин, который он им предлагает, — всего лишь хлеб и суп (перловка с тыквой, сваренная с банкой фасоли, — ему еще предстоит найти лавку, торгующую специями), но получается хорошо. Домашнее задание Фиделя вскоре готово. Мальчики усаживаются с иллюстрированными книжками, но тут вдруг, словно срубленный под корень, Фидель засыпает.

— У него так с младенчества, — говорит Элена. — Ничто его не разбудит. Отнесу его домой и уложу. Спасибо вам за ужин.

— Не ходите вы в ту темную квартиру. Оставайтесь на ночь. Фидель может поспать с Давидом. Я на стуле. Я привык.

Это вранье — он не привык спать на стуле и сомневается, что человек способен заснуть на их кухонных стульях с прямой спинкой. Но он не дает Элене возможности отказаться.

— Где ванная, вы знаете. Вот вам полотенце.

Когда он сам отправляется в ванную, она уже лежит в постели, а мальчики спят рядышком. Он заворачивается в лишнее одеяло и выключает свет.

Некоторое время царит тишина. Затем она заговаривает во тьме:

— Если вам неудобно — а я уверена, что так и есть, — я могу подвинуться.

Он ложится к ней в постель. Тихонько, скрытно занимаются они сексом, не забывая, что дети спят на расстоянии вытянутой руки.

Все не то, на что он надеялся. Она не вкладывается в это душой, он это сразу чувствует, а его резерв накопленного желания, как выясняется, — иллюзия.

— Понимаешь, что я имела в виду? — шепчет она, когда все кончено. Она проводит пальцем ему по губам. — Это нас не двигает вперед, правда?

Права ли она? Стоит ли ему принять этот опыт близко к сердцу и попрощаться с сексом, как, похоже, сделала Елена? Быть может. И все-таки даже просто обнимать женщину, пусть она и не ослепительная красавица, — волнующе.

— Не соглашусь, — бормочет он в ответ. — Вообще-то, я считаю, что заблуждаешься. — Он умолкает. — Ты когда-нибудь спрашивала себя, не слишком ли высока цена, которую мы платим за эту новую жизнь, — забвение?

Она не отвечает, но поправляет белье на себе и отворачивается от него.

Хоть они и не живут вместе, после той общей ночи ему нравится думать о себе и Элене как о паре — или как о без пяти минут паре, а значит, их сыновья — братья. Или сводные братья. Они все больше привыкают ужинать вчетвером, на выходных ходят по магазинам или на пикники, или делают вылазки за город. И хотя они с Эленой больше не ночуют вместе, она время от времени, когда мальчиков нет рядом, позволяет ему заниматься с ней любовью. Он начинает привыкать к ее телу, к торчащим бедренным костям и маленьким грудям. Ясно, что у нее к нему почти нет сексуального чувства, но ему нравится думать, что их занятия любовью — терпеливая протяженная реанимация, возвращение к жизни женского тела, которое, считай, умерло — неведомо почему.

Приглашая его заняться любовью, она нисколько не кокетничает.

— Если хочешь, можем сейчас, — обычно говорит она, закрывает дверь и раздевается.

Такая обыденность когда-то, быть может, его и оттолкнула бы, как унизила бы ее безответность. Но он решает, что не будет чувствовать ни отвержения, ни унижения. Он примет все, что она ему предлагает, со всей возможной готовностью и благодарностью.

Обычно она обозначает занятия любовью «делать это», но иногда, когда хочет подразнить его, употребляет слово *descongelar* — «оттаять»:

— Если хочешь, можем попробовать еще раз меня оттаять.

Это слово выскочило из него в некий миг бесшабашности.

— Дай я тебя оттаю!

Представление о том, что ее можно оттаять обратно к жизни, ей и тогда показалось, и кажется теперь беспредельно забавным.

Между ними растет если не близость, то дружба, которая кажется ему довольно крепкой, вполне надежной. Возникла бы между ними дружба в любом случае — на том основании, что дружат их дети, и они по многу часов проводят вместе, — или же «занятие этим» подействовало хоть как-то, сказать трудно.

Вот так, спрашивает он себя, здесь, в этом новом мире возникают семьи — на дружбе, а не на любви? Ему такие отношения неведомы — дружба с женщиной. Но он видит их преимущества. Он даже, хоть и осторожно, таким отношениям радуется.

— Расскажи мне об отце Фиделя, — просит он Элену.

— Я мало что о нем помню.

— Но отец же точно был.

— Конечно.

— Он не был похож на меня?

— Не знаю. Не могу сказать.

— Ты, чисто гипотетически, могла бы рассматривать такого, как я, в мужьях?

— Такого, как ты? Как ты в каком отношении?

— Ты бы вышла замуж за кого-то вроде меня?

— Если ты так спрашиваешь, выйду ли я за тебя замуж, тогда ответ — да, вышла бы. Это на пользу и Фиделю, и Давиду. Когда ты хочешь это сделать? Регистрационная контора работает только по будням. Можешь отпроситься с работы?

— Уверен, что могу. Наш бригадир — очень участливый человек.

После этого странного предложения и его странного принятия (в связи с которым он ничего не предпринимает) в Элене он начинает чувствовать некую настороженность, между ними — новое напряжение. Но все равно не жалеет, что спросил. Он нащупывает путь. Создает новую жизнь.

— Как бы ты отнеслась к тому, что я встречаюсь с другой женщиной?

— Под «встречаюсь» ты имеешь в виду секс?

— Может быть.

— И кого ты имеешь в виду?

— Никого в особенности. Просто изучаю возможности.

— Изучаешь? Разве не пришло тебе время остепениться? Ты уже не молод.

Он молчит.

— Ты спросил, как бы я отнеслась. Тебе краткий ответ или полный?

— Полный. Полнейший.

— Хорошо. Наша дружба мальчикам на пользу, с этим мы оба согласны. Они сблизились. Они воспринимают нас как хранителей — даже как единого хранителя. Для них было бы не здорово, если б наша дружба закончилась. И я не вижу причин, почему это должно случиться, если ты всего лишь встречаешься с некой гипотетической другой женщиной... Однако подозреваю, что с этой женщиной ты захочешь поставить тот же эксперимент, какой ставишь на мне, и в ходе этого эксперимента потеряешь связь со мной и Фиделем... Следовательно, я собираюсь облечь в слова то, что, я надеялась, ты поймешь сам. Ты хочешь встречаться с той другой женщиной, потому что я не обеспечиваю того, что тебе нужно, а именно: бурю страсти. Одной дружбы тебе недостаточно. Без сопровождающей бури страсти она какая-то ущербная... На мой слух, это старый способ мышления. В старом способе мышления не важно, сколько у тебя есть, чего-то такого все время не хватает. Название, которое ты предпочитаешь дать этому *чему-то такому*, — страсть. Но тем не менее я готова поспорить, что если завтра тебе предложат всю страсть, какую ты хочешь, — ведро страсти, — ты скоро обнаружишь, что не хватает чего-то такого еще. Эта бесконечная неудовлетворенность, это стремление к *чему-то такому*, чего не хватает, — способ мышления, от которого мы избавлены, по моему мнению. *Ничего такого*. Ничто, которого не хватает, — иллюзия. Ты живешь иллюзией... Вот. Ты просил полного ответа, и я его тебе дала. Хватит? Или ты еще чего-то хочешь?

Стоит теплый день, это день полного ответа. Негромко играет радио, они лежат на кровати у нее в квартире, полностью одетые.

— С моей стороны... — начинает он, однако Елена прерывает его: — Тихо, — говорит она, — хватит разговоров — по крайней мере, на сегодня.

— Почему?

— Потому что дальше мы начнем пререкаться, а я этого не хочу.

И вот они лежат рядом молча, слушают, как курлычут чайки, кружа над двором, как, играя, смеются мальчишки, поет радио, непрекращающаяся уравновешенная мелодичность которого когда-то его успокаивала, а сегодня просто раздражает.

Он хочет сказать, *со своей стороны*, что жизнь здесь, на его вкус, слишком спокойна, слишком лишена взлетов и падений, драмы и напряжения, — слишком похожа, вообще-то, на музыку из радиоприемника. *Anodina* — так это, кажется, будет по-испански?

Он вспоминает, как спросил однажды у Альваро, почему по радио не бывает новостей. «Новостей о чем?» — уточнил Альваро. «О том, что происходит в мире», — ответил он. «Ой, — сказал Альваро, — а что-то происходит?» Как и прежде, он заподозрил иронию. Но нет, нисколько.

Альваро не применяет иронию. Елена тоже. Елена — интеллигентная женщина, но она не видит в мире двойственности, никакой разницы между тем, чем вещи кажутся, и тем, что они есть. Интеллигентная и к тому же милая женщина, которая из скуднейших материалов — шитья, уроков музыки, домашних дел — собрала себе новую жизнь, жизнь, в которой, как она утверждает, — справедливо ли? —

всего хватает. То же и с Альваро и грузчиками: у них нет тайных желаний, которые он мог бы уловить, нет нужды в другой жизни. Он один — исключение, неудовлетворенный, белая ворона. Что с ним не так? Это, как говорит Елена, просто старый способ мышления и чувствования, что еще не отмер в нем, но уже корчится в последних судорогах?

Всему здесь не хватает положенного веса — вот что он хотел бы в конце концов сказать Элене. Музыка, которую мы слышим, не хватает веса. Нашим занятиям любовью не хватает веса. Нашей пище, нашей унылой диете из хлеба, не хватает вещественности — не хватает вещественности животной плоти, со всей тяжестью кровопролития и жертвы, стоящей за ней. Самым словам нашим не хватает веса, эти испанские слова — они не от души.

Музыка подходит к изящному завершению. Он встает.

— Мне пора, — говорит он. — Помнишь, как ты недавно сказала мне, что не страдаешь воспоминаниями.

— Да?

— Да, сказала. Когда мы смотрели футбол в парке. Так вот, я — не как ты. Я страдаю воспоминаниями — или их тенями. Я знаю, мы все должны быть очищены, попав сюда, это правда, и у меня самого репертуар небогат. Но тени все равно не уходят. От этого я и страдаю. Только слово «страдать» я не применяю. Я держусь за них — за эти тени.

— Это хорошо, — говорит Елена. — Всякие люди бывают.

Фидель и Давид вбегают в комнату, они раскраснелись и пышут жизнью.

— У нас есть печенье? — спрашивает Фидель.

- В банке на буфете, — говорит Елена.
- Мальчики исчезают в кухне.
- Вам хорошо? — кричит Елена.
- Угу, — говорит Фидель.
- Это хорошо, — говорит Елена.

Глава 9

— Как продвигаются занятия музыкой? — спрашивает он у мальчика. — Тебе нравится?

— Угу. Знаешь, что? Когда Фидель вырастет, он собирается купить себе малюсенькую скрипочку, — показывает, какую: всего-навсего две ширины ладони, — и клоунский костюм, и будет играть на скрипке в цирке. Можно мы пойдем в цирк?

— Когда цирк приедет в город, пойдем — все вместе. Можем позвать Альваро и, может, Эухенио.

Мальчик надувает губы.

— Не хочу, чтоб Эухенио с нами шел. Он про меня говорит нехорошо.

— Он сказал всего лишь, что в тебе дьявол, а это просто так говорится. Он имел в виду, что в тебе есть искра, которая помогает тебе в шахматах. Бесенок.

— Мне он не нравится.

— Ладно, Эухенио не позовем. А чему ты учишься на уроках музыки, кроме гамм?

— Пению. Хочешь, спою?

— Конечно. Я не знал, что Елена учит пению. Одни сюрпризы с ней.

Они едут в автобусе в пригород. Хотя рядом еще несколько пассажиров, мальчик не стесняется петь. Чистым детским голосом он выводит:

*Wer reitet so spät durch Nacht und Wind?
Es ist der Vater mit seinem Kind;
Er hat den Knaben wohl in dem Arm,
Er faßt ihn sicher, er hält ihn warm¹.*

— Все. Это по-английски. Можно я выучу английский? Не хочу больше говорить на испанском. Терпеть не могу испанский.

— Ты очень хорошо говоришь по-испански. И поешь красиво. Может, станешь певцом, когда вырастешь.

— Нет. Я буду фокусником в цирке. Что означает «*wer reitet so*»?

— Не знаю. Я ж не говорю по-английски.

— Можно мне в школу?

— Придется тебе немного подождать — до следующего дня рождения. Тогда пойдешь в школу вместе с Фиделем.

Они сходят на остановке с вывеской «*Terminal*», откуда автобус едет обратно. На карте, которую он взял на автобусной станции, показаны маршруты и дороги в холмы; он собирается идти по вьющейся тропинке, ведущей к озеру, рядом с которым на карте поставлена звездочка, означающая живописный вид.

Они сходят с автобуса последними, и по тропе, кроме них, никто не гуляет. Места вокруг пустынно.

¹ Кто скачет, кто мчится под холодной мглой?

Ездок запоздалый, с ним сын молодой.

К отцу, весь издрогнув, малютка приник;

Обняв, его держит и греет старик.

(Пер. с нем. В. А. Жуковского.) —

Здесь и далее прим. переводчика.

Хотя с виду земля здесь плодородна и обильно зеленеет, нигде нет и следа человеческого жилья.

— Как здесь мирно, за городом! — говорит он мальчику, хотя, по правде сказать, эта пустота кажется ему скорее заброшенной, нежели мирной. Лучше б здесь были животные — коровы, овцы или свиньи, занятые своими делами, — он мог показать их мальчику. Да хоть бы кролики.

Время от времени они видят летящих птиц, но так далеко и высоко в небе, что не различить, что это за птицы.

— Я устал, — объявляет мальчик.

Он всматривается в карту. Они на полпути к озеру, прикидывает он.

— Я тебя понесу немного, — говорит он, — пока к тебе не вернутся силы. — Он закидывает мальчика на плечи. — Пой, как только увидишь озеро. Оттуда поступает вода, которую мы пьем. Пой, когда увидишь. Вообще-то давай пой, если увидишь любую воду. Или местных жителей.

Они идут дальше. Но либо он неверно понял карту, либо сама карта с ошибкой: после того как тропа резко забирает в гору, а потом так же круто спускается, она внезапно заканчивается у кирпичной стены и ржавых ворот, затянутых плющом. Рядом с воротами — побитая погодой табличка, нарисованная краской. Он раздвигает плющ.

— «*La Residencia*», — читает он.

— Что такое резиденция? — спрашивает мальчик.

— Резиденция — это дом, большой дом. Но вот эта резиденция может оказаться просто развалиной.

— Можно посмотреть?

Они дергают ворота, но те не поддаются. Только они собираются уходить, как ветерок едва доносит

до них смех. Они идут на звук, проламываясь сквозь густой подлесок, и добираются до места, где кирпичная стена сменяется высоким забором из проволочной сетки. По ту сторону забора — теннисный корт, а на корте — трое игроков: двое мужчин и женщина. Они одеты в белое, на мужчинах — рубашки и брюки, на женщине — длинная юбка, блузка с поднятым воротом и кепка с зеленым козырьком.

Мужчины высокие, широкоплечие, узкобедрые; похоже, они братья, может, даже близнецы. Женщина играет вместе с одним против другого. Все трое — опытные игроки, это сразу видно: умелые и легконогие. Играющий в одиночку особенно хорош — он без усилий справляется с двоими.

— Что они делают? — спрашивает мальчик.

— Это игра, — отвечает он вполголоса. — Называется теннис. Тут нужно постараться послать мяч так, чтобы противник его не отбил. Как забить гол в футболе.

Мяч стучает в забор. Двинувшись за ним, женщина замечает их.

— Здравствуйте, — говорит она и улыбается мальчику.

Что-то шевелится у него внутри. Кто эта женщина? Ее улыбка, голос, повадки — что-то в них смутно знакомо.

— Доброе утро, — говорит он, горло пересохло.

— Давай быстрее! — кричит ее партнер. — Играем!

Больше никаких слов. Более того, когда ее партнер подходит через минуту, чтобы забрать мяч, он взглядывает на них сердито, словно давая понять, что им здесь не рады — даже просто как зрителям.

— Я пить хочу, — шепчет мальчик.

Он протягивает ему флажку с водой, прихваченную из дома.

— А больше у нас ничего нет?

— А чего ты хочешь — нектара? — шипит он в ответ и сразу жалеет о своем раздражении. Он достает из сумки апельсин и проковыривает дырку в кожуре. Мальчик жадно сосет.

— Так лучше? — спрашивает он.

Мальчик кивает.

— Мы пойдем к Резиденции?

— Это и есть Резиденция. Теннисный корт, видимо, — ее часть.

— Можно мы войдем?

— Можно попробовать.

Они оставляют игроков позади и ныряют в подлесок, идут вдоль забора, пока не добираются до проселочной дороги, которая приводит их к железным воротам. За решеткой, сквозь деревья, им немножко видно величественное здание из темного камня.

Ворота хоть и закрыты, но не заперты. Они проскальзывают внутрь и идут по аллее по шиколотку в опавших листьях. Знак со стрелкой указывает на арочный вход, он ведет во внутренний двор, в центре которого стоит мраморная статуя — женщина, больше чем в натуральную величину, или, быть может, ангел в ниспадающем одеянии, смотрит на горизонт, в руках — горящий факел.

— Добрый день, сударь, — раздается голос. — Чем могу помочь?

Говорящий — пожилой мужчина, морщинистое лицо, спина согбенна. На нем черная поношенная форма; он появился из маленького кабинета или сторожки у входа.

— Да. Мы только что приехали из города. Можно ли поговорить с одним из жильцов этого дома — с дамой, которая играет в теннис на корте за зданием?

— Желает ли помянутая дама говорить с вами, сударь?

— Думаю, да. Мне нужно обсудить с ней одно важное дело. Семейное дело. Но мы можем подождать, пока закончится игра.

— Как зовут даму?

— Этого я не могу вам сказать, потому что не знаю. Но могу описать ее. Я бы сказал, ей примерно тридцать, среднего роста, темноволосая, волосы убирает от лица. С ней двое молодых людей. Она вся в белом.

— В «Ла Резиденсии» несколько дам с такой общей внешностью, сударь, и некоторые из них играют в теннис. Теннис — довольно распространенное развлечение.

Мальчик дергает его за рукав.

— Скажи ему про собаку, — шепчет он.

— Про собаку?

Мальчик кивает.

— С ними была собака.

— Мой юный друг утверждает, что с ними была собака, — повторяет он. Сам он никакой собаки не запомнил.

— А! — говорит привратник. Он уходит в свое обиталище и тянет за собой стеклянную дверь. В неярком свете они видят, что он роется в бумагах. Потом снимает трубку, набирает номер, слушает, кладет трубку, возвращается.

— Простите, сударь, никто не отвечает.

— Потому что она сейчас на теннисном корте. Можно мы просто пойдем на корт?

— Простите, сударь, но это не позволено. Наши владения — не для посетителей.

— Тогда можно мы подождем здесь, пока она не закончит играть?

— Можно.

— Можно нам погулять по саду, пока мы ждем?

— Можно.

Они углубляются в заросший сад.

— Кто эта дама? — спрашивает мальчик.

— Ты ее не узнал?

Мальчик качает головой.

— Ты не почувствовал странное шевеление в груди, когда она с нами заговорила, когда поздоровалась, — сердце не екнуло, словно ты ее уже когда-то видел, в другом месте?

Мальчик с сомнением качает головой.

— Я спрашиваю, потому что эта дама, вероятно, — как раз та, которую мы ищем. По крайней мере, у меня такое чувство.

— Она будет моей мамой?

— Я точно не знаю. Надо ее спросить.

Они завершают круг по саду. Вернувшись к домику привратника, он стучит в стекло.

— Вас не затруднит позвонить даме еще раз? — просит он.

Привратник набирает номер. На сей раз есть ответ.

— Вас ждет у ворот некий господин, — слышит он, говорит привратник. — Да... да... — Привратник поворачивается к ним. — Вы сказали, семейное дело, верно, сударь?

— Да, семейное.

— А имя?

— Имя не имеет значения.

Привратник закрывает дверь и возобновляет разговор. Наконец он появляется.

— Дама встретится с вами, сударь, — говорит он. — Однако есть некоторая трудность. Дети в «Ла Резиденсию» не допускаются. Боюсь, вашему мальчику придется подождать здесь.

— Странно. Почему дети не допущены?

— Никаких детей в «Ла Резиденсии», сударь. Таково правило. Я их не устанавливаю, а только применяю. Ему придется остаться здесь, пока вы будете наносить семейный визит.

— Побудешь с этим господином? — спрашивает он мальчика. — Я вернусь как можно скорее.

— Не хочу, — говорит мальчик. — Я хочу с тобой.

— Я понимаю. Но, уверен, как только дама услышит, что ты ждешь здесь, она захочет выйти и увидеть тебя. Ты готов принести большую жертву и остаться здесь с этим господином, ненадолго?

— Ты вернешься? Честно?

— Конечно.

Мальчик молчит, прячет взгляд.

— Вы не могли бы сделать исключение в нашем случае? — спрашивает он привратника. — Он будет вести себя очень тихо, никого не потревожит.

— Простите, сударь, никаких исключений. Что бы с нами стало, делай мы исключения? Вскоре все бы стали исключением, и тогда не осталось бы правил, верно?

— Можешь поиграть в саду, — говорит он мальчику. Привратнику: — Можно ему поиграть в саду, да?

— Разумеется.

— Иди и влезь на дерево, — говорит он мальчику. — Тут много деревьев, самое то — полазать. Я вернусь, не успеешь глазом моргнуть.

Следуя указаниям привратника, он пересекает двор, минует вторые ворота и стучит в дверь со словом «*Una*» на ней. Нет ответа. Он входит.

Он в фойе. Стены обклеены белыми обоями с узором из светло-зеленых лир и лилий. Скрытые лампы озаряют все белым светом, снизу вверх. Диван из белого кожзаменителя и два кресла. На столике у двери — полдюжина бутылок и бокалы всех мыслимых форм.

Он присаживается, ждет. Минуты идут. Он встает и заглядывает в коридор. Никаких признаков жизни. От нечего делать он рассматривает бутылки. Сливочный херес, сухой херес. Вермут. Содержание алкоголя по объему — 4%. «Обливедо». Где этот Обливедо?

И тут вдруг — она, все еще в теннисном облачении, плотнее, чем показалась на корте, почти дебелая. Вносит тарелку, ставит ее на столик. Не приветствуя его, усаживается на диван, закидывает под длинной юбкой ногу на ногу.

— Вы хотели меня видеть? — говорит она.

— Да. — Сердце у него торопится. — Спасибо, что пришли. Меня зовут Симон. Вы меня не знаете, и я не имею значения. Я пришел от имени другого человека, с предложением.

— Присядете? — говорит она. — Еды? Бокал хереса?

Дрожкой рукой он наливает бокал хереса и берет хлипкий треугольный сэндвич. Огурец. Он усаживается напротив нее, выпивает сладкий напиток. Тот сразу ударяет ему в голову. Напряжение растет, слова спешат.

— Я привел сюда кое-кого. Ребенок, которого вы видели на корте. Он ждет снаружи. Привратник не разрешил ему войти. Потому что он ребенок. Вы сходите со мной к нему?

— Вы привели познакомиться со мной ребенка?

— Да. — Он встает и наливает себе еще бокал этого освободительного хереса. — Простите, должно быть, это смущает — незнакомец, прибывший без приглашения. Но я передать вам не могу, до чего это важно. Мы...

Дверь внезапно распахивается, и вот перед ними мальчик, запыхался, сопит.

— Иди сюда, — подзывает он мальчика. — Ты узнаешь даму? — Он поворачивается к ней. Лицо ее тревожно застывает. — Можно, он возьмет вас за руку? — И, обращаясь к мальчику: — Иди, возьми даму за руку.

Мальчик совершенно замирает.

Тут на сцене появляется очевидно расстроенный привратник.

— Простите, сударь, — говорит он, — но это против правил, и я вас предупреждал. Я вынужден просить вас уйти.

Он поворачивается к женщине за поддержкой. Разумеется, она не обязана подчиняться привратнику и его правилам. Но она ни словом не возражает.

— Смиловитвьесь, — говорит он привратнику. — Мы прибыли издалека. Может, давайте все пойдем в сад? Это все равно будет против правил?

— Нет, сударь. Но имейте в виду: ровно в пять ворота закроются.

Он обращается к женщине:

— Мы можем выйти в сад? Прошу вас! Дайте мне возможность объясниться.

Он молча ведет ребенка за руку, и все трое проходят через двор в заросший сад.

— Когда-то, похоже, это было великолепное имение, — отмечает он, стараясь разрядить обстановку, пытаясь изобразить разумного взрослого. — Какая жалость, что сад запущен.

— У нас всего один полностью занятый садовник. Он не справляется.

— А вы? Вы здесь давно живете?

— Сколько-то. Вот по этой дорожке мы придем к пруду с золотыми рыбками. Вашему сыну может понравиться.

— Вообще-то я ему не отец. Я за ним присматриваю. Вроде как хранитель. На время.

— Где его родители?

— Его родители... Вот поэтому я сегодня здесь. У мальчика нет родителей — в обычном смысле. На судне по пути сюда произошла ошибка. Письмо, которое могло бы все объяснить, куда-то подевалось. В результате родители потерялись или, точнее сказать, он потерялся. Они с матерью оказались разлучены, и мы пытаемся ее найти. Его отец — отдельная история.

Они добрались к обетованному пруду, в котором и впрямь золотые рыбки, и маленькие, и большие. Мальчик встает на колени у края и пытается пригласить их листом осоки.

— Позвольте мне уточнить, — говорит он тихо и быстро. — У мальчика нет матери. Мы ищем ее с тех пор, как сошли на берег. Не подумаете ли вы его взять?

— Взять его?

— Да, быть ему матерью. Быть его матерью. Вы возьмете его в сыновья?

— Я не понимаю. Вернее, не понимаю совсем. Вы предлагаете мне усыновить вашего мальчика?

— Не усыновить. Быть его матерью, настоящей матерью. У нас у всех по одной матери, у каждого. Вы будете ему одной-единственной матерью?

До сего момента она слушала внимательно. Теперь же начинает озираться несколько испуганно, словно надеясь, что кто-нибудь — привратник, кто-то из ее партнеров по теннису, кто угодно — придет ей на помощь.

— А что с настоящей матерью? — спрашивает она. — Где она? Жива ли?

Он думал, что ребенок слишком занят золотыми рыбками и не слушает. Однако тот вдруг встречает:

— Она не умерла!

— Тогда где же она?

Ребенок молчит. Молчит и он сам. Потом произносит:

— Пожалуйста, верьте мне — просто примите на веру, — тут все непросто. Мальчик без матери. Что это означает, я не могу вам объяснить, потому что не могу объяснить даже себе. И тем не менее я обещаю вам, если вы просто скажете «да», без задней мысли и без дальнейшей, все вам станет ясно — ясно как день. По крайней мере, я в это верю. Так вот: примете ли вы этого ребенка как своего?

Она смотрит на запястье, где нет часов.

— Поздновато, — говорит она. — Братья будут меня ждать. — Она поворачивается и быстро идет обратно по тропе к резиденции, юбка шуршит по траве.

Он бежит за ней.

— Пожалуйста! — говорит он. — Еще миг. Вот. Давайте я запишу вам его имя. Его зовут Давид. Он

значится под этим именем, он его получил в лагере. Вот где мы живем, сразу за городом, в Восточной деревне. Пожалуйста, подумайте. — Он сует бумажку ей в руку. Она уходит.

— Она меня не хочет? — спрашивает ребенок.

— Хочет, конечно. Ты такой красивый, умный мальчик, кто ж тебя не захочет? Но ей сначала надо привыкнуть к этой мысли. Мы заронили семя ей в ум. Теперь нужно набраться терпения и дать ему вырасти. Поскольку вы друг другу нравитесь, оно наверняка прорастет и расцветет. Тебе нравится эта дама, правда? Ты же видишь, какая она добрая, — добрая и кроткая.

Мальчик молчит.

Когда они добираются до конечной остановки автобуса, уже почти темно. В автобусе мальчик засыпает у него на руках; его, спящего, приходится нести от остановки до квартиры.

Посреди ночи он просыпается от глубокого сна. Мальчик стоит у его кровати, слезы ручьем льются у него по лицу.

— Я есть хочу! — хныкает он.

Он встает, разогревает молоко, мажет маслом кусок хлеба.

— Мы будем там жить? — спрашивает мальчик с набитым ртом.

— В «Ла Резиденсии»? Вряд ли. Мне там нечего делать. Я стану как те пчелы, что болтаются по улью и ждут времени еды. Но это мы можем обсудить утром. Уйма времени.

— Я не хочу там жить. Я хочу жить здесь, с тобой.

— Никто не заставляет тебя жить, где тебе не хочется. А теперь пошли спать.

Он сидит с ребенком, гладит его тихонько, пока тот не засыпает. *Я хочу жить с тобой.* А что, если это желание горестно воплотится? Хватит ли его на то, чтобы быть ребенку и отцом, и матерью, вырастить его во благе, работая все время в порту?

Он молча клянет себя. Что ж он не объяснил свое дело спокойнее, разумнее! Нет, конечно, он должен вести себя как сумасшедший, набрасываться на бедную женщину со своими просьбами и запросами. Возьмите ребенка! Будьте ему одной-единственной матерью! Лучше б он нашел способ сунуть ребенка ей в руки, тело к телу, плоть к плоти. Тогда воспоминания, что залегают глубже любой мысли, могли бы пробудиться, и все бы обошлось. Но увы, он, этот великий миг, оказался для нее слишком внезапным, как и для него самого. Он явился ему, как звезда, и он его упустил.

Глава 10

Оказывается, не все потеряно. После полудня мальчик взбегает по лестнице в большом возбуждении.

— Они здесь, они здесь! — кричит он.

— Кто здесь?

— Дама из Резиденции! Дама, которая будет моей мамой! Она приехала на машине.

На даме, прибывшей к их двери, — довольно официальное темно-синее платье, забавная шляпка с броской золотой булавкой и — он глазам своим не верит — белые перчатки, словно она приехала навестить адвоката; и приехала она не одна. С ней вы-

сокий, мускулистый молодой человек, который так умело играл против двух противников на корте.

— Мой брат Диего, — объясняет она.

Диего кивает ему, но не произносит ни слова.

— Пожалуйста, присаживайтесь, — говорит он гостям. — Если вы не против — на кровать... Мы пока не купили мебель. Могу я предложить вам стакан воды? Нет?

Дама из «Ла Резиденсии» устраивается на кровати плечом к плечу с братом; она нервно щиплет перчатки, откашливается.

— Будьте любезны повторить, что вы сказали вчера, — говорит она. — Начните с начала, с самого начала.

— Если я начну с самого начала, мы тут останемся на весь день, — отвечает он, пытаясь говорить так, чтобы это прозвучало легко, так, чтобы, главное, это прозвучало здравомысляще. — Позвольте мне сказать вот что. Мы, Давид и я, прибыли сюда, как и все, ради новой жизни, нового начала. Я хочу для Давида — и сам он хочет для себя — нормальной жизни, как у любого другого малыша. Но — разумно предположить — чтобы вести нормальную жизнь, ему нужна мать, ему нужно родиться у матери, так сказать. Я прав, верно? — говорит он, повернувшись к мальчику. — Ты же этого хочешь. Ты хочешь себе свою маму.

Мальчик энергично кивает.

— Я всегда был уверен — не спрашивайте, почему, — что я узнаю мать Давида, как только увижу: и вот я увидел вас и знаю, что был прав. Неслучайно мы пришли к «Ла Резиденсии». Какая-то рука вела нас.

Он видит, что крепкий орешек — это Диего: не женщина, чьего имени он не знает и не хочет спрашивать, а Диего. Женщина бы не приехала сюда, если бы не была готова поддаться.

— Какая-то незримая рука, — повторяет он. — Поистине.

В него впивается взгляд Диего. «Врун!» — говорит этот взгляд.

Он глубоко вдыхает.

— Вы, я вижу, сомневаетесь. «Как этот ребенок, которого я прежде никогда не видела, может быть моим?» — спрашиваете вы себя. Молю вас: оставьте сомнения, слушайте, что говорит вам сердце. Посмотрите на него. Посмотрите на мальчика. Что говорит вам сердце?

Женщина не дает ответа, совсем не смотрит на мальчика, а поворачивается к брату, словно говоря: «Видишь? Как я тебе и говорила. Ты слышишь это невероятное, это безумное предложение? Что мне делать?»

Брат заговаривает низким голосом:

— Есть тут где нам с вами поговорить один на один?

— Конечно. Пойдемте на улицу.

Он ведет Диего вниз, через двор, через газон, к лавке в тени дерева.

— Садитесь, — говорит он. Диего не внимлет приглашению. Он садится сам. — Чем могу?

Диего ставит ногу на скамью и склоняется к нему.

— Во-первых, кто вы такой и что вам надо от моей сестры?

— Кто я такой, не имеет значения. Я не важен. Я своего рода слуга. Я присматриваю за ребенком.

И мне от вашей сестры ничего не надо. Мне нужна мать ребенка. Есть разница.

— Кто этот ребенок? Почему вы его подобрали? Он ваш внук? Где его родители?

— Он мне не внук и не сын. Мы с ним не родня. Нас свело вместе случайно, на судне, когда он потерял документы, которые вез на себе. Но почему это все имеет значение? Мы все прибываем сюда, все мы — вы, я, ваша сестра, мальчик — очищенными от прошлого. Мальчик оказался под моей опекой. Может, это не та судьба, которую я себе выбрал, но я ее принимаю. Со временем он стал на меня полагаться. Мы сблизились. Но я не могу быть ему всем на свете. Я не могу быть ему матерью... Ваша сестра — простите, не знаю ее имени — его мать, его природная мать. Я не могу объяснить, как это происходит, но это так, вот так просто. И в глубине души она это знает. С чего бы ей иначе ехать сюда? Снаружи она, может, спокойна, но внутри, я вижу, она в восторге, это великий дар, дар ребенка.

— Детям в «Ла Резиденцию» нельзя.

— Никто не посмеет разлучить мать с ее ребенком, не важно, что там говорит свод правил. Да и вашей сестре не обязательно жить в «Ла Резиденсии». Она может забрать эту квартиру. Она — ее. Я ее отдам. Найду себе другое место, где жить.

Склонившись вперед, словно желая говорить доверительно, Диего внезапно бьет его по голове. Ошарашенный, он пытается заслониться — и получает второй удар. Они не сильные, но сотрясают его.

— Зачем вы это делаете? — восклицает он, вставая.

— Я не дурак! — сквозь зубы цедит Диего. — Ты думаешь, я дурак? — И вновь он грозно заносит руку.

— Ни секунды я не считаю вас дураком. — Нужно успокоить этого молодого человека, он, разумеется, досадует — кто бы не досадовал? — на это дикое вмешательство в свою жизнь. — Это необычная история, понимаю. Но задумайтесь о ребенке. Его нужды превыше всего.

Его призыв не имеет действия: Диего жжет его тем же яростным взглядом. Он разыгрывает последнюю карту.

— Ну же, Диего, — говорит он, — загляните к себе в сердце! Если в нем есть благая воля, конечно же вы не станете отлучать дитя от матери!

— Не тебе сомневаться в моей благой воле, — говорит Диего.

— Тогда докажите! Идем со мной, покажите ребенку, на какую благую волю вы способны. Идем! — Он встает и берет Диего за руку.

Их встречает странное зрелище. Сестра Диего стоит на коленях на кровати спиной к ним, подмяв под себя мальчика — тот лежит навзничь под ней — платье задралось и слегка оголило крупные, даже тяжелые бедра.

— Где паучок, где паучок?.. — воркует она высоким, тоненьким голосом. Пальцы скользят по груди ребенка к его ремню, она щекочет его, а он извивается от беспомощного смеха.

— Мы вернулись, — оглашает он громко. Она скатывается с кровати, лицо горит.

— Мы с Инес играем, — говорит мальчик.

Инес! Вот оно, имя! И в имени — суть!

— Инес! — говорит брат и сухо манит ее за собой. Разгладив платье, она торопится за ним. Из коридора доносится яростный шепот.

Инес возвращается, брат — за ней.

— Мы хотим, чтобы вы проговорили все это еще раз, — говорит она.

— Вы хотите, чтобы я повторил свое предложение?

— Да.

— Хорошо. Я предлагаю вам стать матерью Давида. Я никак на него не претендую (он претендует на меня, но это другое дело). Я подпишу любые бумаги, какие вы мне предложите, чтобы это подтвердить. Вы и он сможете жить вместе как мать и дитя. Это может случиться сразу же, как только пожелаете.

Диего в отчаянии фыркает.

— Это все чепуха! — восклицает он. — Ты не можешь быть матерью этого ребенка, у него уже есть мать, мать, у которой он родился! Без разрешения его матери ты не можешь его усыновить. Послушай меня!

Они с Инес обмениваются безмолвными взглядами.

— Я хочу его, — говорит она, обращаясь не к нему, а к брату. — Я хочу его, — повторяет она. — Но мы не можем остаться в «Ла Резиденсии».

— Как я уже сказал вашему брату, вы можете переехать сюда. Хоть сегодня. Я тут же уйду. Это будет ваш новый дом.

— Я не хочу, чтобы ты уходил.

— Я буду недалеко, мой мальчик. Я пойду к Элене и Фиделю. Вы с мамой сможете навещать меня, когда захотите.

— Хочу, чтобы ты остался здесь, — говорит мальчик.

— Это очень приятно, но я не хочу вставать между тобой и твоей мамой. Отныне вы с ней будете вместе. Будете семьей. Я не могу быть частью этой семьи. Но я буду помощником — слугой и помощником. Даю слово. — Он обращается к Инес: — Договорились?

— Да. — Теперь, приняв решение, Инес делается вполне властной. — Мы вернемся завтра. Привезем собаку. Ваши соседи не будут возражать против собаки?

— Не посмеют.

К прибытию Инес и ее брата на следующее утро он успеваеет подмести, отмыть плитку, сменить белье; его собственные пожитки сложены и готовы к отбытию.

Диего возглавляет процессию, неся большой чемодан на плече. Он бросает его на кровать.

— Это еще не все, — зловеще объявляет он. Так и есть: еще сундук, даже больше чемодана, и стопка постельного белья, в которой есть и обширное пуховое покрывало.

Он, Симон, с отбытием не тянет.

— Веди себя хорошо, — говорит он мальчику. — Он не ест огурцы, — говорит он Инес. — И не выключайте свет, когда он засыпает — он не любит спать в темноте.

Она никак не показывает, что услышала.

— Тут холодно, — говорит она, потирая ладони. — Тут всегда так холодно?

— Я куплю электрический камин. Привезу завтра-послезавтра. — Он протягивает Диего руку, тот неохотно ее пожимает. Затем он забирает свой узел и уходит, не оборачиваясь.

Он объявил, что поживет у Элены, хотя на самом деле не собирался. Он направляется в порт, в выходной день пустынный, и складывает пожитки в сарай рядом со Вторым причалом, где работники хранят свою одежду. Потом возвращается пешком в Кварталы и стучит в дверь к Элене.

— Привет, — выкликает он, — мы можем потолковать?

За чаем он описывает ей новое положение дел.

— Я уверен, Давид расцветет — теперь есть мать, чтобы за ним присматривать. Нехорошо это, если бы я растил его в одиночку. Нельзя, чтоб ребенок так быстро становился маленьким мужчиной. Ребенку нужно детство, правда?

— Я ушам своим не верю, — отвечает Элена. — Ребенок — не цыпленок, которого можно сунуть под крыло какой-то чужой курице, чтоб она его растила. Как ты мог отдать Давида кому-то, кого никогда прежде не видел, какой-то женщине, которая, может, действует по мимолетному капризу и потеряет интерес к концу недели и захочет его вернуть?

— Пожалуйста, Элена, не суди эту Инес, пока ты с ней не познакомилась. Не каприз у нее — напротив, я верю, что ее влечет сила мощнее ее самой. Я рассчитываю на тебя, на твою помощь, помощь ей. Она на неведомой земле — у нее нет опыта материнства.

— Я твою Инес не сужу. Если она попросит помощи, я ее окажу. Но она не мать твоему мальчику, и тебе стоит перестать ее так называть.

— Елена, она *мать* ему. Я прибыл в эти края, не имея при себе ничего, кроме неколебимой убежденности: я узнаю мать мальчика, как только ее увижу. И, увидев Инес, я понял, что это она.

— Последовал интуиции?

— Больше того. Убежденности.

— Убежденность, интуиция, заблуждение — какая разница, если оно не подвергается сомнению? Тебе не пришло в голову, что если бы мы все жили по интуиции, мир бы погряз в хаосе?

— Я не понимаю, из чего это следует. И что плохого в некотором хаосе время от времени, если из него происходит хорошее?

Элена пожимает плечами.

— Я не хочу ввязываться в этот спор. Твой сын сегодня пропустил занятие. И это не впервые. Если он собирается бросить музыку, пожалуйста, поставь меня в известность.

— Это дальше не мне решать. И, повторяю, он мне не сын, я ему не отец.

— Правда? Ты все отказываешься от этого, но поди знай. Больше ничего не скажу. Где ты собираешься ночевать? В лоне свежееобретенной семьи?

— Нет.

— Хочешь спать здесь?

Он поднимается из-за стола.

— Спасибо, но я все устроил иначе.

С учетом голубей, что гнездятся в желобе под крышей и беспрестанно возятся и воркуют, он в ту ночь спит довольно неплохо — на постели из мешков, в своем маленьком укрытии. За работу берется без завтрака, но трудится весь день и в конце чувствует себя хорошо, хоть и слегка эфемерно, слегка призрачно.

Альваро спрашивает про мальчика, и его так трогает забота Альваро, что он на миг раздумывает, не рассказать ли ему благую весть, новость, что нашлась мать мальчика. Но потом, вспомнив отклик Элены на эту же новость, осекается и врет: учительница забрала Давида на большой музыкальный конкурс.

— Музыкальный конкурс? — говорит Альваро с сомнением. — Это какой же? И где проходит?

— Понятия не имею, — отвечает он и меняет тему.

Жалко будет, кажется ему, если мальчик потеряет связь с Альваро и никогда больше не увидит своего друга Эль Рея, тягловую лошадь. Он надеется, когда связь между ними укрепитя, Инес позволит мальчику навещать порт. Прошлое — под плащаницей облаков забвения, и он уже не уверен, правда ли его воспоминания или же просто истории, которые он сочиняет; однако он уверен, что будь он ребенком, ему понравилось бы, если б ему разрешили отправиться утром в компании взрослых мужчин и целый день помогать им грузить и разгружать большие корабли. Пайка действительности ребенку только на пользу, думается ему, — если только пайка эта не слишком внезапна и не слишком велика.

Он собирается зайти в «Наранхас» за провиантом, но слишком поздно: когда приходит к лавке, она уже закрыта. Голодный и одинокий, он вновь стучит в дверь Элены. Дверь открывает Фидель в пижаме.

— Привет, малыш Фидель, — говорит он, — можно я войду?

Элена сидит за столом, шьет. Она не здороваается, даже не поднимает взгляд от работы.

— Привет, — говорит он. — Что-то не так? Что-то случилось?

Она качает головой.

— Давид больше не может сюда приходить, — говорит Фидель. — Новая дама говорит, что ему нельзя.

— Новая дама, — говорит Элена, — объявила, что твоему сыну не разрешается играть с Фиделем.

— Почему?

Она жмет плечами.

— Дай ей время обжиться, — говорит он. — Ей вновь быть матерью. Вполне ожидаемо, что она поначалу ведет себя несколько чужаковато.

— Чужаковато?

— Чужаковато в суждениях. Чрезмерно осторожно.

— Например, запрещает Давиду играть с друзьями?

— Она не знает вас с Фиделем. Как узнает — сразу поймет, какое вы хорошее влияние.

— И как же ты предлагаешь нам познакомиться?

— Вы точно друг на друга наткнетесь. Вы же соседи, в конце концов.

— Посмотрим. Ты ел?

— Нет. Когда я сюда добрался, магазины уже закрылись.

— Ты про «Наранхас». «Наранхас» закрыт по понедельникам, я тебе, по-моему, об этом говорила. Могу предложить тарелку супа, если ты готов есть то же, что и вчера. Где ты теперь живешь?

— У меня есть комната рядом с портом. Простенькая, но на время сойдет.

Элена разогревает кастрюлю с супом, режет хлеб. Он старается есть медленно, хотя на самом деле аппетита у него волчий.

— На ночь тебе не остаться, боюсь, — говорит она. — И ты знаешь, почему.

— Конечно. Я и не прошу. У меня вполне удобное новое жилище.

— Тебя выгнали, да? Из твоего же дома. Так и есть, я же вижу. Бедняга. Отрезан от своего мальчика, которого так любишь.

Он встает из-за стола.

— Так должно быть, — говорит он. — Так все устроено. Спасибо за еду.

— Приходи и завтра. Я тебя накормлю. Хотя бы так. Накормлю и утешу. Но думаю, что ты совершил ошибку.

Он откланивается. Лучше бы ему идти сразу в порт. Но он медлит, затем проходит через двор, взбирается по лестнице и тихо стучит в дверь своей старой квартиры. Под дверью — полоска света: Инес явно не спит. Подождав долго, он стучит еще раз.

— Инес? — шепчет он.

Между ними — расстояние с ладонь, он слышит ее:

— Кто там?

— Это Симон. Можно войти?

— Чего вы хотите?

— Можно его повидать? На минутку.

— Он спит.

— Я его не разбужу. Просто хочу увидеть.

Молчание. Он пробует дверь. Заперта. Через мгновение выключается свет.

Глава 11

Поселившись в порту, он, наверное, нарушает какие-нибудь правила. Его это не тревожит. Однако он не хочет, чтобы Альваро это обнаружил — по доброте душевной бригадир почувствует, что должен предложить ему кров. И поэтому каждое утро, прежде чем выбраться из сарая, он старательно прячет немногие свои пожитки на балках, чтобы никто не увидел.

Блюсти чистоту и опрятность непросто. Он ходит мыться в спортзал в Восточной деревне, вручную стирает одежду и развешивает ее на веревках в Восточных кварталах. Угрызений совести на этот счет у него нет — в конце концов, он все еще в списке жильцов, однако из благоразумия, не желая наткнуться на Инес, он навещает Кварталы после заката.

Проходит неделя, все силы он отдает работе. В пятницу, набив карманы деньгами, он стучит в дверь своей старой квартиры.

Дверь распаивает улыбающаяся Инес. Увидев его, она вянет лицом.

— А, это вы, — говорит она. — Мы как раз собираемся выходить.

Из-за ее спины появляется мальчик. Станный у него вид. И не только потому, что на нем новая белая рубашка (вообще-то скорее блузка, чем рубашка — перед в рюшах, и она свисает ему на штаны): он вцепляется в юбку Инес, не отвечает на его приветствие и смотрит на него большими глазами.

Что-то случилось? Не чудовищная ли ошибка — вручить его этой женщине? И почему он терпит эту диковатую девчачью блузку — он же так привязался

к своему костюму маленького мужчины, к пальтишке, кепке и шнурованным ботинкам? Ботинки меж тем тоже заменены туфлями — голубыми туфлями с ремешками вместо шнурков и медными пуговицами по бокам.

— Удачно я вас поймал в таком случае, — говорит он, стараясь поддерживать легкий тон. — Я, как обещал, принес электрообогреватель.

Инес с сомнением косится на маленький односпиральный обогреватель.

— В «Ла Резиденсии» у нас открытый огонь в каждой комнате, — говорит она. — Человек каждый вечер приносит дрова и разводит огонь. — Она задумчиво умолкает. — Это так приятно.

— Простите. Должно быть, жить в Кварталах вам грустно. — Он поворачивается к мальчику. — Так у вас, значит, сегодня прогулка. И куда вы собрались?

Мальчик не отвечает впрямую, а поглядывает на свою новую маму, словно говоря: «Скажи ему сама».

— Мы собираемся на выходные в «Ла Резиденсию», — говорит Инес. И словно в подтверждение ее слов по коридору идет Диего, облаченный в теннисное белое.

— Мило, — говорит он. — Я думал, в «Ла Резиденсию» с детьми нельзя. Думал, это правило.

— Это правило, — говорит Диего. — Но в эти выходные у персонала отгул. Проверять некому.

— Проверять некому, — отзывается эхом Инес.

— Что ж, я зашел просто посмотреть, все ли в порядке, и, может, помочь с покупками. Вот мой небольшой вклад.

Не поблагодарив ни словом, Инес принимает деньги.

— Да, у нас все хорошо, — говорит она. Прижимает ребенка к себе. — У нас был большой обед, а потом мы поспали и теперь собираемся на машине — знакомиться с Боливаром, а утром будем играть в теннис и купаться.

— Прекрасно, — говорит он. — И рубашка у нас славная к тому же, как я погляжу.

Мальчик не отвечает. Палец у него во рту, и он по-прежнему смотрит на него большими глазами. Ему все больше кажется, что тут что-то не так.

— Боливар — это кто? — спрашивает он.

Мальчик впервые заговаривает.

— Боливар — это немецкая рычалка.

— Овчарка, — говорит Инес. — Боливар — наш пес.

— Ах да, Боливар, — говорит он. — Который был с вами на теннисном корте, да? Не хочу устраивать панику, Инес, но овчарки с детьми, как известно, не очень ладят. Надеюсь, вы будете осторожны.

— Боливар — добрейшая собака на свете.

Он знает, что не нравится ей. До сего момента он считал: это потому, что она перед ним в долгу. Но нет, эта неприязнь более личная и острая, а значит — менее податливая. Какая жалость! Ребенок научится смотреть на него как на врага — врага их детско-материнского блаженства.

— Чудесно вам развлечься, — говорит он. — Может, я заеду в понедельник. Расскажите мне тогда все. Идет?

Мальчик кивает.

— До свиданья, — говорит он.

— До свиданья, — говорит Инес. От Диего — ни слова.

Он бредет в порт, чувствуя, что в нем что-то кончилось, чувствуя себя стариком. У него была одна большая задача, и эта задача выполнена. Мальчик доставлен матери. Подобно жалким насекомым, чья единственная функция — передать семя самке, он теперь может истаять и умереть. Нет больше такого, вокруг чего строить свою жизнь.

Он скучает по мальчику. Проснуться завтра утром, имея впереди пустые выходные, — все равно что пробудиться после хирургической операции и обнаружить, что ему удалили конечность — конечность, а может, даже сердце. Весь день он слоняется по округе, убивая время. Бродит по пустому порту; блуждает туда-сюда через парковую зону, где орды детей бросают мячи или бегают за воздушными змеями.

Он все еще живо помнит ощущение потной мальчишеской ладонки. Любил ли его мальчик, он не знает, но точно нуждался в нем, доверял ему. Место ребенка — с матерью, он и на миг не усомнился бы в этом. Но если мать нехороша? Если Елена права? Из каких сложных личных потребностей эта Инес, из чьей истории он не знал и точки, ухватилась за возможность занять себе ребенка? Может, есть мудрость в законе природы, гласящем, что, прежде чем появиться в мире живой душой, эмбрион, будущее существо, должен быть выношен положенное время в материнской утробе. Может, подобно неделям самосозерцания, какое птица-мать сидит на яйцах, время затворничества и погруженности в себя необходимо не только зверьку, чтобы превратиться в человека, но и женщине — чтобы сделаться из девы матерью.

Как-то проходит день. Он размышляет, не зайти ли к Элене, потом в последнюю минуту передумывает — не сможет вынести ожидающий его там допрос. Он не ел — нет аппетита. Он устраивается на постели из мешков, ему нейдет, он ворочается.

Полуночь, с рассветом, он уже на автостанции. До первого автобуса — час. С конечной остановки он идет по тропе в гору, до «Ла Резиденсии», к теннисному корту. На корте никого. Он устраивается ждать.

В десять утра второй брат — тот, которому он не имел удовольствия быть представленным, — приходит на корт и принимается натягивать сетку. Он не обращает внимания на постороннего, что сидит на самом виду менее чем в тридцати шагах.

Мальчик замечает его сразу. С заплетающимися ногами (бегун из него неуклюжий) он бросается через корт.

— Симон! Мы будем играть в теннис! — кричит он. — Хочешь тоже поиграть?

Он трогает пальчики ребенка сквозь сетку.

— Теннисист из меня так себе, — говорит он. — Я лучше посмотрю. Тебе все нравится? Тебя хорошо кормят?

Мальчик энергично кивает.

— Я пил чай на завтрак. Инес говорит, что я уже большой и могу пить чай. — Он оборачивается и кричит: — Я же могу пить чай, правда, Инес? — и тут же, не умолкая, продолжает вздохнуть: — И я дал Боливару еду, и Инес сказала, что мы можем погулять с Боливаром после игры.

— Боливар — овчарка? Пожалуйста, будь осторожен с Боливаром. Не дразни его.

— Овчарки — лучшие собаки. Когда они ловят вора, они его ни за что не отпускают. Хочешь посмотреть, как я играю в теннис? Я пока не очень хорошо умею, мне надо тренироваться. — Он разворачивается волчком и бросается туда, где Инес что-то обсуждает с братьями. — Давайте тренироваться!

Его одели в короткие белые шортики. В них и в белой рубашке он теперь весь в белом — кроме голубых туфель с ремешками. Но теннисная ракетка, которую ему выдали, слишком велика: он даже двумя руками едва может ею взмахнуть.

Овчарка Боливар трусит через корт и устраивается в тени. Боливар — самец, с могучими плечами и черным воротником. Внешне мало чем отличается от волка.

— Иди сюда, парень! — кричит Диего. Он встает у мальчика за спиной, берется за ракетку поверх рук мальчика. Другой брат посылает мяч. Они замахиваются вместе — и точно попадают по мячу. Брат кидает следующий. И опять они его отбивают. Диего отходит назад.

— Его нечему учить, — кричит он сестре. — У него дар от природы.

Брат кидает третий мяч. Мальчик машет тяжелой ракеткой и промахивается, едва не упав от усилия.

— Поиграйте вдвоем, — кричит Инес братьям. — А мы с Давидом покидаем мячики.

С уверенной легкостью братья гоняют мяч туда-сюда через сетку, а Инес с мальчиком исчезают за маленькой деревянной беседкой. На него, *el viejo*, безмолвного наблюдателя, попросту не обращают внимания. Яснее не скажешь, насколько ему не рады.

Глава 12

Он поклялся держать свои горести при себе, но когда Альваро во второй раз спрашивает, что случилось с мальчиком («Я скучаю по нему — все мы скучаем»), история выплескивается наружу целиком.

— Мы отправились искать его мать и — вообрази! — нашли ее, — говорит он. — Теперь они воссоединились и очень счастливы вместе. К сожалению, Инес видит себе его жизнь так, что в ней нет места досугам в порту с мужчинами. В ней есть место красивой одежде, хорошим манерам и регулярному питанию. Что разумно, думаю.

Конечно, это разумно. Какое у него право жаловаться?

— Должно быть, это для тебя удар, — говорит Альваро. — Малец — особенный. Всем это видно. И вы с ними были близки.

— Да, были. Но меня с ним не разлучают. Просто мать чувствует, что им проще восстановить связь, если я пока побуду в сторонке. Что, опять же, вполне разумно.

— Само собой, — говорит Альваро. — Но это не принимает в расчет настоянья сердца, верно?

Настоянья сердца: кто бы мог подумать, что Альваро способен такое сказать? Человек сильный и правдивый. Товарищ. Почему бы честно не излить Альваро душу? Но нет.

— Я не имею права ничего требовать, — слышит он себя. *Лицемер!* — Кроме того, права ребенка всегда превыше прав взрослых. Разве это не законодательная норма? Права ребенка — вестника будущего.

Альваро оделяет его скептическим взглядом.

— Никогда не слышал про такую норму.

— Тогда закон природы. Своя рубашка ближе к телу. Место дитя — с матерью. В особенности мало-го дитя. По сравнению с этим мои притязания — слишком общие, очень искусственные.

— Ты его любишь. А он любит тебя. Это не искусственное. Закон этот — вот что искусственное. Он должен быть с тобой. Ты ему нужен.

— Хорошо ты говоришь, Альваро, но вправду ли я ему нужен? Может, правда в том, что это он нужен мне. Может, я опираюсь на него больше, чем он на меня. Кто знает, как мы выбираем, кого любить? Это все — великая тайна.

В тот вечер его навещает неожиданный гость: юный Фидель приезжает в порт на велосипеде, при нем — записка от руки: *«Мы тебя ждали. Надеюсь, ничего такого не стряслось. Хочешь прийти сегодня на ужин? Элена»*.

— Передай матери: «Спасибо, буду», — говорит он Фиделю.

— Вы здесь работаете? — спрашивает Фидель.

— Да. Помогаю выгружать и загружать суда вроде этого. Прости, что не могу взять тебя на борт, — это немного опасно. Вот подрастешь, тогда может быть.

— Это галеон?

— Нет, у него нет парусов, так что галеоном не считается. Мы их зовем угольными пароходами. Это значит, что они жгут уголь, чтобы работали двигатели, которые приводят его в движение. Завтра будут разгружать уголь на обратном пути. Это на Десятом причале, не здесь. Я не участвую. И рад тому. Скверная работенка.

— Почему?

— Потому что от угля остается черная пыль, ты весь в ней, даже волосы. А еще потому что уголь очень тяжело таскать.

— Почему Давиду нельзя со мной играть?

— Ему не нельзя, Фидель. Просто его мама хочет побыть с ним вместе. Она его долго не видела.

— По-моему, вы говорили, что она его вообще никогда не видела.

— Это так только говорится. Она видела его во сне. Она знала, что он будет. Она его ждала. И вот теперь он есть, и она очень радуется. Сердце ее переполнено.

Мальчик молчит.

— Фидель, мне надо работать дальше. Увидимся с тобой и с твоей мамой вечером.

— Ее зовут Инес?

— Маму Давида? Да, ее зовут Инес.

— Она мне не нравится. У нее пес.

— Ты ее не знаешь. А когда узнаешь, она тебе понравится.

— Нет. Это злой пес. Я его боюсь.

— Я видел эту собаку. Ее зовут Боливар, и я согласен, что тебе лучше держаться от него подальше. Это немецкая овчарка. Овчарки бывают непредсказуемы. Странно, что она привезла его в Кварталы.

— Она кусается.

— Может.

— И где именно ты живешь? — спрашивает Элена. — Ты отказался от своей хорошей квартиры.

— Я тебе говорил — я нашел комнату возле порта.

— Да, но где именно? В общежитии?

— Нет. Не имеет значения, где она и какая. Для моих нужд достаточно.

— Там есть на чем готовить?

— Мне не нужно готовить. Я бы не стал готовить, даже если б было на чем.

— Значит, живешь на хлебе и воде. Я думала, тебя мутит от хлеба и воды.

— Хлеб — пища насущная. У кого есть хлеб, тот ни в чем не нуждается. Элена, пожалуйста, прекрати меня допрашивать. Я вполне способен о себе позаботиться.

— Сомневаюсь. Очень сомневаюсь. Люди из центра прибытия не могут выделить тебе новую квартиру?

— Центр знает лишь то, что я счастливо обитаю в своей старой квартире. Вторую они мне не предлагают.

— А Инес — ты же говорил, у нее есть комнаты в «Ла Резиденсии»? Почему они с ребенком не могут жить там?

— Потому что в «Ла Резиденсию» нельзя с детьми. «Ла Резиденсия» — своего рода курорт, насколько я могу судить.

— Я знаю «Ла Резиденсию». Я там была. Ты в курсе, что она привезла с собой собаку? Одно дело — держать маленькую собачку в квартире, но это же здоровый волкодав. Это негигиенично.

— Это не волкодав, а немецкая овчарка. Признаюсь, мне самому с ней нервно. Я предупредил Давида, чтоб был осторожней. И Фиделя тоже предупредил.

— Я, разумеется, не позволю Фиделю даже приближаться к ней. Ты уверен, что все правильно сделал, отдав ребенка такой женщине?

— Женщине с собакой?

— Бездетной женщине за тридцать. Женщине, которая все время занимается спортом с мужчинами. Женщине, которая держит собак.

— Инес играет в теннис. Множество женщин играют в теннис. Это удовольствие. Оно держит в форме. И у нее всего одна собака.

— Она рассказывала тебе о своем происхождении, о своем прошлом?

— Нет. Я не спрашивал.

— Так вот, мое мнение таково: ты не в своем уме — отдал ребенка чужому человеку, у которого, может, сомнительное прошлое, откуда тебе знать?

— Это чепуха, Элена. У Инес нет прошлого — такого, что имело бы значение. Ни у кого из нас нет прошлого. Мы все здесь начинаем заново. С чистого листа, с девственной страницы. И Инес — не чужой человек. Я признал ее, как только увидел, а это означает, что у меня есть какое-то предварительное знание о ней.

— Ты прибываешь сюда без воспоминаний, с чистого листа, но при этом заявляешь, что опознаешь лица из прошлого. Бессмыслица.

— Верно, воспоминаний у меня нет. Но образы все еще живы, тени образов. Как это — я не могу объяснить. Живо и кое-что глубже, я называю это памятью о памяти. Я знаю Инес не из прошлого, а откуда-то еще. Словно ее образ запечатлен где-то во мне. Я в ней не сомневаюсь, не имею задних мыслей. И во всяком случае у меня нет сомнений, что она — истинная мать мальчика.

— Какие же сомнения у тебя есть?

— Я надеюсь, что она будет ему хороша.

Глава 13

Оглядываясь на тот день — день, когда Элена прислала сына в порт позвать его, — он понимает: вот миг, когда они, кого он представлял себе двумя кораблями в почти безветренном океане, чуть дрейфуя, быть может, но все же дрейфуя более-менее навстречу друг другу, начали дрейф врозь. Многого в Элене ему все еще нравится, не в последнюю очередь — ее готовность выслушивать его жалобы. Но крепнет чувство, что между ними должно быть что-то такое, чего там нет; и если Элена этого чувства не разделяет, если верит, что все на месте, она не может быть тем, чего ему не хватает в жизни.

Сидя на скамейке у Восточных кварталов, он пишет записку Инес.

Я сдружился с женщиной, которая живет через двор, в Корпусе «С». Ее зовут Элена. У нее есть сын по имени Фидель, он стал Давиду лучшим другом и благотворно на него влияет. Для мальчика у Фиделя доброе сердце, сами увидите.

Давид берет у Элены уроки музыки. Уговорите его вам спеть. Он чудесно поет. У меня есть чувство, что ему надо продолжать заниматься, но, разумеется, решать вам.

А еще Давид ладит с моим старшим на работе, Альваро, он тоже хороший друг. Когда есть хорошие друзья, сам делаешься лучше, как мне кажется. Следовать путями блага — не того ли мы оба желаем Давиду?

Если я как-то могу помочь вам [в заключение пишет он] — только намекните. Я почти весь день в порту, на Втором причале. Фидель отнесет записку, Давид тоже дорогу знает.

Он кладет записку в почтовый ящик Инес. Ответа не ждет, и его не следует. У него нет отчетливого понимания, что Инес за женщина. Она из тех, что готовы принять благонамеренный совет, к примеру, или же из тех, кто раздражается, когда чужие люди говорят ей, как жить, и выкидывают их сообщения в мусорку? Проверяет ли она вообще почтовый ящик?

В подвале Корпуса «F» Восточной деревни, в том же Корпусе, где располагается общественный спортзал, есть пекарня, которую он про себя именует Комиссариатом. Двери ее открыты утром по будням, с девяти до полудня. Помимо хлеба и другого печеного там продают простые продукты вроде сахара, соли, муки и масла для жарки — по уморительно низким ценам.

Он покупает в Комиссариате упаковку супа в банках и относит его в свое укрытие в порту. Вечерняя трапеза, когда он один, — хлеб и фасолевый суп, холодный. Он привыкает к однообразию.

Поскольку большинство жильцов Кварталов ходит в Комиссариат, он предполагает, что его будет навещать и Инес. Он заигрывает с мыслью поболтать рядом как-нибудь утром в надежде увидеть ее и мальчика, но оставляет эту затею. Слишком унижительно будет, если она наткнется на него среди полок, а он там шпионит за ней.

Он не хочет превращаться в призрак, не способный оставить в покое своих преследуемых. Он готов принять, что Инес лучше всего удастся укрепить доверие между собой и мальчиком, если он на время предоставит их друг другу. Но его донимает страх, от которого он не в силах отмахнуться: ребенку может быть одиноко и несчастно, вдруг он тоскует по нему? Он не может забыть их последнюю встречу и глаза ребенка, полные немой растерянности. Он хочет увидеть мальчика таким, каким он был раньше, — в кепке и черных ботинках.

Время от времени он поддается соблазну и слоняется на задах Кварталов. В одно такое посещение он замечает Инес, она снимает белье с веревки. Он не уверен, но она кажется ему усталой — усталой и, вероятно, грустной. А ну как у нее все скверно?

Он узнает одежду мальчика на веревке, включая блузку с передом в рюшах.

В другой — и, как оказывается, в последний — тайный визит он видит, как семейное трио — Инес, ребенок и собака — выходит из Кварталов и направляется по траве к парковой зоне. Его изумляет, что мальчик, облаченный в свое серое пальтишко, не идет сам, а его везут в коляске. Зачем пятилетнего ребенка возить? И как он вообще такое позволяет?

Он догоняет их в самой глухой части парка, где через ручей, задушенный камышами, перекинут деревянный пешеходный мостик.

— Инес! — окликает он.

Инес останавливается, оборачивается. Собака тоже оборачивается, вострит уши, дергает за поводок.

Приближаясь, он натягивает улыбку.

— Какое совпадение! Я шел в магазин и увидел вас. Как ваши дела? — И тут же, не дожидаясь ее ответа: — Привет, — говорит он ребенку, — ты, я гляжу, катаешься. Как юный принц.

Взгляд ребенка встречается с его, они смотрят друг другу в глаза. Его переполняет покой. Все хорошо. Связь меж ними не прервана. Однако мальчик опять сосет палец. Знак не обнадеживает. Палец во рту означает неуверенность, означает смятенную душу.

— Мы гуляем, — говорит Инес. — Нужен свежий воздух. В квартире очень душно.

— Я знаю, — говорит он. — Она скверно продумана. Я держу окна открытыми день и ночь. В смысле, держал.

— Я так не могу. Не хочу простудить Давида.

— Ой, он не так-то легко простужается. Он крепкий парень — правда?

Мальчик кивает. Пальто застегнуто на все пуговицы — наверняка для того, чтобы разносимые по воздуху микробы до него не добрались.

Долгое молчание. Он хотел бы подойти ближе, но собака не ослабляет бдительности.

— Где вы взяли это, — он показывает рукой, — транспортное средство?

— На семейной вещевой базе.

— На семейной вещевой базе?

— В городе есть вещевая база, где можно приобрести вещи для детей. Мы и колыбельку ему купили.

— Колыбельку?

— С бортиками. Чтобы он не выпал.

— Странно. Он все время спал на кровати, сколько я помню, и никогда не падал.

Он договаривает, но уже понимает, что зря сказал. Губы у Инес туго сжимаются, она разгоняет коляску и ушла бы, если бы собачий поводок не запутался в колесах и его не пришлось бы разматывать.

— Простите, — говорит он. — Я не хочу вмешиваться.

Она не достаивает его ответом.

Обдумывая потом эту встречу, он размышляет, почему у него к Инес как к женщине вообще никаких чувств — ни малейшего, хотя с внешностью у нее все в порядке. Это оттого, что она к нему враждебна, и так было с самого начала? Или она непривлекательна просто потому, что отказывается быть привлекательной, отказывается открываться? Может, она и впрямь, как утверждает Елена, девственница — или такой тип, во всяком случае? Все, что он знал о девственницах, утеряно в облаках забвения. Удушает ли ореол девственности желание в мужчине или же, наоборот, обостряет его? Он думает об Ане из Центра переселения, которая кажется ему девственницей довольно свирепой разновидности. Ану он точно счел привлекательной. Что есть в Ане, чего нет в Инес? Или вопрос следует формулировать наоборот: что есть в Инес, чего нет в Ане?

— Я наткнулся вчера на Инес и Давида, — говорит он Элене. — Ты часто их встречаешь?

— Я ее вижу в Квартале. Мы не разговаривали. Не думаю, что она хочет общаться с жильцами.

— Полагаю, если привык жить в «Ла Резиденсии», должно быть трудно обживаться в Кварталах.

— Жизнь в «Ла Резиденсии» не делает ее лучше нас. Мы все начинали с нуля, ни с чего. Это простая удача, что она там оказалась.

— Как ты думаешь, она справляется с материнством?

— Она очень опекает ребенка. На мой взгляд — избыточно. Она следит за ним, как ястреб, не пускает играть с другими детьми. Сам знаешь. Фидель не понимает. Его это обижает.

— Жаль. А что еще ты видела?

— Братья с ней проводят помногу времени. У них есть машина — из маленьких, на четыре места, с крышей, которую можно убирать назад, кабриолет называется, кажется. Они уезжают и возвращаются затемно.

— И пес?

— И пес. Инес повсюду с ним. Мне от него не по себе. Он как свернутая пружина. Того и гляди упадет на кого-нибудь. Уповаю, лишь бы не на ребенка. Ее нельзя уговорить, чтоб надевала на него намордник?

— Исключено.

— Что ж, я считаю, это безумие — держать свирепую собаку рядом с маленьким ребенком.

— Он не свирепый, Элена, просто немного непредсказуемый. Непредсказуемый, но преданный. А это, видимо, для Инес важнее всего. Верность — королева добродетелей.

— Правда? Я бы так не сказала. Я бы сказала, это средненькая добродетель, вроде сдержанности. Такая добродетель хороша в солдате. Инес сама напоминает мне сторожевую собаку — нависает над Давидом, стережет его от вреда. С чего вообще ты

выбрал такую женщину? Ты ему был лучшим отцом, чем она — матерью.

— Это неправда. Ребенок не может расти без матери. Ты же сама говорила: от матери ребенок берет сущность, от отца — лишь замысел. Как только замысел передан, отца можно упразднить. А тут я даже не отец.

— Ребенку материнская утроба нужна, чтобы прийти в мир. После того как он покинул утробу, мать как даритель жизни — такая же истраченная сила, как и отец. Дальше ребенку нужны любовь и забота, которые мужчина может обеспечить так же, как и женщина. Твоя Инес ничего не понимает в любви и заботе. Она как маленькая девочка с куклой — необычайно ревнивая и самовлюбленная маленькая девочка, которая никому не дает трогать ее игрушку.

— Чепуха. Ты бросаешься осуждать Инес, а сама с ней едва знакома.

— А ты? Ты хорошо ее знал, прежде чем отдать ей своего ценного подопечного? Удостоверяться в ее материнских навыках было не обязательно, как ты сказал, ты мог полагаться на интуицию. Ты бы тут же узнал настоящую мать, с первого взгляда. Интуиция? На таком вот основании определять будущее ребенка?

— Мы это уже проходили, Элена. Что плохого в природной интуиции? Чему еще нам остается доверять?

— Здравому смыслу. Логике. Любой разумный человек предупредил бы тебя, что тридцатилетняя девственница, привыкшая к праздной жизни, защищенная от действительности, охраняемая двумя бандитского вида братцами, надежной матерью не

будет. А также любой разумный человек навел бы справки об этой Инес, изучил бы ее прошлое, оценил характер. Любой разумный человек установил бы испытательный срок — чтобы убедиться, что у ребенка и его няньки все ладится.

Он качает головой.

— Ты по-прежнему не понимаешь. Моя задача состояла в том, чтобы доставить ребенка его матери. Не *какой-нибудь* матери, женщине, которая прошла некую проверку материнства. Не важно, хороша ли Инес как мать по моим или твоим меркам. Суть в том, что она *его* мать. Он теперь со *своей* матерью.

— Но Инес не *его* мать! Она его не зачала! Она его не вынашивала в утробе! Она не привела его в мир в крови и боли! Ее ты просто выбрал случайно. Кто знает, может, она напомнила тебе твою мать.

Он вновь качает головой.

— Я уверился, как только увидел Инес. Если мы не доверяем голосу, который говорит внутри: «Это оно!» — тогда и доверять больше нечему.

— Не смей меня! Внутренний голос! Люди теремят свои сбережения на бегах, подчиняясь внутреннему голосу. Люди бросаются в чудовищные любовные приключения, повинуюсь внутренним голосам. Я...

— Я не влюблен в Инес, если ты об этом. Совсем.

— Ты, может, и не влюблен в нее, но беспричинно зациклен на ней, что еще хуже. Ты убежден, что она — судьба твоего ребенка. А правда в том, что Инес не имеет никакого отношения, ни мистического, ни иного, ни к тебе, ни к твоему мальчику. Она просто случайная женщина, на которую ты направил какие-то свои личные одержимости. Если этому ре-

бенку была судьба, как ты утверждаешь, воссоединиться с этой женщиной, чего же ты не предоставил судьбе свести их? С чего ты решил влезть в это действо?

— Потому что для осуществления судьбы недостаточно рассиживать, Элена, недостаточно просто замыслить и ждать потом, чтобы все воплотилось. Кто-то должен принести замысел в мир. Кто-то должен действовать от имени судьбы.

— Именно это я и сказала. Ты прибываешь сюда с каким-то своим представлением, что есть мать, и цепляешь его на эту женщину.

— Эта дискуссия уже не разумна, Элена. Я тут слышу одну враждебность — враждебность, предубежденность и ревность.

— Нет тут ни враждебности, ни предубежденности, а называть это ревностью — еще большая бессмыслица. Я пытаюсь помочь тебе понять, откуда берется эта твоя священная интуиция, которой ты доверяешь превыше собственных органов чувств. Она происходит из тебя. Ее источник — в твоём прошлом, которое ты забыл. Ничего общего с мальчиком и его благополучием она не имеет. Интересуйся ты благополучием мальчика, ты бы тут же забрал его обратно. Эта женщина ему вредна. Он от ее заботы не растет, а наоборот. Она превращает его в младенца... Ты мог бы забрать его хоть сегодня. Вот просто пойти и забрать. У нее на него нет никаких законных прав. Она совершенно чужой человек. Ты мог бы забрать своего ребенка, вернуть себе квартиру, а та женщина отправилась бы к себе в «Ла Резиденцию», где ей самое место — к братьям и теннису.

Почему ты так не сделаешь? Или ты боишься? Ее братьев, ее собаки?

— Елена, остановись. Пожалуйста, остановись. Да, мне боязно с ее братьями. Да, я нервничаю рядом с ее псом. Но я отказываюсь выкрадывать ребенка не поэтому. Я отказываюсь, и все. Что, ты думаешь, я делаю в этих краях, где я никого не знаю, где не могу излить душу, потому что все человеческие отношения приходится поддерживать на ломаном испанском? Я прибыл сюда день за днем таскать тяжелые мешки, как вьючное животное? Нет, я прибыл, чтобы доставить ребенка его матери, и теперь дело сделано.

Элена смеется.

— Испанский у тебя лучше, когда ты выходишь из себя. Может, стоило бы выходить из себя почаще. Что до Инес, давай согласимся, что не согласны. А вообще вот что: мы с тобой здесь не для счастливой полной жизни. Мы здесь ради наших детей. Нам с тобой испанский не родной, а Давиду с Фиделем будет родным. Это будет их язык. Они будут говорить на нем, как местные, от души. И нечего пренебрежительно относиться к работе в порту. Ты прибыл в эту страну нагишом, и ничего у тебя не было, кроме рабочих рук. Тебе могли отказать, но не отказали — приняли. Тебя могли бросить под звездами, но нет — тебе дали крышу над головой. Тебе есть за что быть благодарным — еще как.

Он молчит. Наконец заговаривает.

— Проповедь окончена?

— Да.

Глава 14

Четыре пополудни, последние мешки с сухогруза на Втором причале сложены в телегу. Эль Рей и его напарница стоят в упряжи, безмятежно жуя что-то из торб.

Альваро потягивается и улыбается.

— Еще одну работу сделали, — говорит он. — От этого хорошо, верно?

— Видимо. Но я все спрашиваю себя, зачем городу еженедельно столько зерна.

— Это пища. Мы не можем без пищи. И тут не только для Новиллы. Это и для внутренних областей. Вот что такое портовый город: приходится обслуживать и внутренние области.

— И все же зачем это все, в конечном счете? Суда привозят зерно из-за моря, мы сгружаем его с судов, кто-то еще перемалывает его и печет, и рано или поздно оно съедается и превращается в... как это назвать?... отходы, которые текут обратно в море. От чего тут хорошо? Как это вписывается в более широкую картину? Я не вижу картину шире, замысла возвышеннее. Просто потребление.

— Ты сегодня в скверном настроении! Ясное дело, никакого возвышенного замысла для оправдания того, что мы — часть жизни, не требуется. Жизнь хороша сама по себе; помогать пище двигаться, чтобы собрат твой мог жить, — вдвойне хорошо. Как можно это оспаривать? И вообще — что ты имеешь против хлеба? Вспомни, что сказал поэт: хлебом солнце входит в наше тело.

— Не хочу спорить, Альваро, но, объективно говоря, я... все мы, грузчики, только и делаем, что перетаскиваем что-то из точки «А» в точку «Б», мешок

за мешком, день за днем. Если б весь наш пот проливался во имя какой-нибудь высшей цели, было бы другое дело. Но питаться, чтобы жить, и жить, чтобы питаться, — это способ бактерий, не...

— Не чего?

— Не человека. Не венца творения.

Обычно философским дискуссиям посвящаются обеденные перерывы: умираем ли мы или бесконечно перерождаемся? Дальние планеты вращаются вокруг Солнца или вокруг друг друга? Этот мир — лучший ли из всех возможных? — но сегодня несколько грузчиков не расходятся по домам, а подходят ближе, послушать обсуждение. К ним теперь обращается Альваро.

— Что скажете, товарищи? Нужен ли нам высший замысел, как требует наш друг, или хорошо и то, что мы делаем свою работу как следует?

Молчание. Люди с самого начала обращались с ним, Симоном, уважительно. Кому-то из них он по возрасту в отцы годится. Но и бригадира они уважают, даже почитают. Им явно не хочется выбирать, за кого им быть.

— Если тебе не нравится наша работа, если ты не считаешь ее хорошей, — говорит один, — это Эухенио, — какую же работу ты хотел бы выполнять? Хотел бы трудиться в конторе? Думаешь, в конторе лучше работа? Или, может, на фабрике?

— Нет, — отвечает он. — Категорически нет. Пожалуйста, не поймите меня превратно. Наша работа сама по себе — хорошая и честная. Но мы с Альваро обсуждаем другое. Мы обсуждаем цель наших трудов, конечную цель. Мне бы и в голову не пришло порицать наш труд. Напротив — он много для меня значит. Вообще, — тут он теряет нить рассуждения,

но она уже и не важна, — я себя не мыслю где бы то ни было еще, только здесь, рядом с вами. Все время, проведенное здесь, я чувствую исключительно товарищескую поддержку и товарищескую любовь. Она скрашивает мои дни. Она претворила...

Эухенио нетерпеливо прерывает его:

— Значит, ты ответил на свой же вопрос. Вообрази, что нет у тебя работы. Вообрази, что ты целыми днями сидишь на уличной скамейке, делать тебе нечего, ждешь, когда пройдут часы, и нет рядом товарищей, с кем пошутить, нет товарищеской доброй воли, чтоб поддержала тебя. Без труда, совместного труда, товарищество невозможно, в нем нет сути. — Он оглядывается по сторонам. — Не так ли, товарищи?

Слышится ропот одобрения.

— Ну а футбол? — откликается он, пробуя другой подход, хоть и без уверенности. — Конечно же, мы любим и поддерживаем друг друга, в точности как футбольная команда, которая играет вместе, вместе выигрывает и проигрывает. Если товарищеская любовь — высшее благо, зачем мы таскаем эти тяжелые мешки с зерном, почему бы не пинать мяч?

— Потому что одним футболом не проживешь, — говорит Альваро. — Чтобы играть в футбол, надо быть живым, а чтобы быть живым, нужно питаться. Нашим трудом мы даем людям возможность жить. — Он качает головой. — Чем больше об этом думаю, тем глубже убежден, что труд нельзя сравнивать с футболом, они из разных философских пространств. Не понимаю, истинно не понимаю, зачем тебе потребно так осуждать наш труд.

Все взгляды устремлены на него. Гробовая тишина.

— Поверь, я не собираюсь осуждать наш труд. Чтобы доказать свою искренность, я завтра приду на работу на час раньше и урежу себе обеденный перерыв. Я буду перетаскивать ежедневно столько же мешков, сколько любой здешний работник. Но все равно не брошу спрашивать: зачем мы это делаем? Для чего?

Альваро шагает к нему, обхватывает мускулистой рукой.

— Героические трудовые подвиги не обязательны, друг мой, — говорит он. — Мы знаем, к чему твоя душа лежит, нет нужды оправдываться. — Другие тоже подходят похлопать его по спине или обнять. Он улыбается всем и каждому, слезы подступают к глазам, никак не унять улыбку.

— Ты же еще не видел наш главный склад, верно? — говорит Альваро, все еще держа его за руку.

— Нет.

— Впечатляющее заведение, скажу я тебе. Чего бы не заглянуть? Можешь съездить прямо сейчас, если хочешь. — Он поворачивается к вознице, сгорбившемуся на сиденье, ждущему, когда грузчики завершат разговор. — Можно нашему товарищу с тобой прокатиться? Да, конечно, можно. Давай. — Он помогает ему усесться рядом с возницей. — Может, тебе проще будет ценить нашу работу, когда помотришь на склад.

Склад находится дальше от порта, чем он предполагал: на южном берегу, у излучины, где река начинает сужаться. Добираются они туда почти час иноходью — у возницы есть хлыст, но он его не применяет, а лишь иногда бодрит лошадей, поцокивая; за все время не произнесено ни слова.

Склад стоит уединенно, в поле. Он огромен, как футбольное поле, в два этажа, с громадными раздвижными дверями, в которые груженная повозка проходит легко.

Рабочий день, похоже, завершен: разгружать некому. Пока возница ставит повозку рядом с платформой для разгрузки и принимается распрягать лошадей, он проходит вглубь здания. Свет сочится через зазоры между стеной и кровлей, озаряет мешки, сложенные на метры в высоту, горы и горы зерна, уходящие во тьму. Он берется было подсчитывать, но путается. Миллион мешков, не меньше, а может, и несколько миллионов. Будет ли в Новилле столько мельников, чтобы перемолоть все это зерно, столько пекарей, чтобы испечь, столько ртов, чтобы потребить?

Под ногами сухо хрустит просыпанное зерно. Что-то мягкое тыкается ему в щиколотку, он безотчетно лягается. Писк. Внезапно он различает тихий шепот вокруг себя, повсюду, словно шум бегущей воды. Он вскрикивает. Пол рядом с ним набрякает жизнью. Крысы! Везде крысы!

— Тут кругом крысы! — кричит он и спешит назад, сообщить вознице и сторожу. — По полу рассыпано зерно, полчища крыс! Отвратительно!

Двое обмениваются взглядами.

— Да, крыс тут определенно хватает, — говорит сторож. — И мышей. Даже не счесть.

— И вы ничего с этим не делаете? Это антисанитарно! Они гнездятся в еде, заражают ее!

Сторож пожимает плечами.

— А что делать? Где зерно, там грызуны. Так устроен белый свет. Мы пытались подселить кошек,

но крысы стали бесстрашные, да и все равно их слишком много.

— Это не довод. Можно расставить крысоловки. Можно разложить яд. Можно окуривать здание.

— Нельзя пускать ядовитые газы в хранилище пищи — где ваш здравый смысл? И мне, уж простите, надо закрываться.

Поутру он первым делом заводит про это разговор с Альваро.

— Ты хвалишь склад, а сам-то был там? Он кишит крысами. Как гордиться работой, которой мы кормим мышей? Это не просто бессмысленно — это безумно.

Альваро оделяет его добродушной улыбкой, которая выводит его из себя.

— Где корабли, там и крысы. Где склады, там крысы. Где наш биологический вид процветает, там процветают и крысы. Крысы — разумные существа. Можно сказать, наша тень. Да, они потребляют сколько-то зерна, которое мы сгружаем. Да, на складе есть потери. Но потери есть везде: в полях, в поездах, на судах, на складах, в подсобках у пекарей. Незачем огорчаться из-за потерь. Потери — часть жизни.

— Но это не значит, что мы не можем с ними бороться! Зачем хранить зерно тоннами, тысячами тонн в обжитом крысами здании? Почему не ввозить ровно столько, сколько нам нужно, помесечно? И почему нельзя организовать сами морские поставки эффективнее? Зачем применять лошадей и телеги, когда можно грузовики? Почему зерно прибывает в мешках и его нужно перетаскивать на людских спинах? Почему его нельзя просто засыпать в трюм с одного конца и откачать насосом с другого?

Альваро призадумывается, а потом отвечает:

— А что станет со всеми нами, Симон, если зерно просто откачивать, как ты предлагаешь? Что станет с лошадьми? С Эль Реем?

— Для нас в порту не будет больше работы, — отвечает он. — Это я понимаю. Но мы бы могли найти работу на сборке насосов или водить грузовики. Мы бы все имели работу, как и прежде, просто другую работу, которая требует ума, а не одной грубой силы.

— То есть ты бы хотел освободить нас от жизни в животном труде. Ты хочешь, чтобы мы ушли из порта и нашли какую-нибудь другую работу, где нам не придется вскидывать груз на плечи, ощущая, как слои зерна в мешке смещаются и принимают форму нашего тела, слушая, как оно хрустит, где мы потеряем связь с самой сутью — с пищей, которая питает нас и дает нам жизнь... Отчего ты так убежден, что нас необходимо спасти, Симон? Ты думаешь, что мы живем, как грузчики, потому что слишком бестолковы для чего-то другого — слишком бестолковы, чтобы собирать насос или водить грузовик? Разумеется, нет. Ты нас уже знаешь. Ты наш друг, наш товарищ. Мы не бестолковы. Если б нас нужно было спасать, мы бы сами уже себя спасли. Нет, это не мы бестолковы, а твое умное рассуждение, на которое ты полагаешься, — вот что бестолково, оно дает тебе неправильные ответы. Это наш порт, наш причал — так? — Он смотрит по сторонам, и работники бормочут согласно. — Тут не место умствования, здесь только суть.

Он ушам своим не верит. У него в голове не помещается, что человек, изрекающий подобную мракобесную чушь, — его друг Альваро. И остальные, похоже, крепко сплотились вокруг него — умная молодежь, с которой он каждый день обсуждает ис-

тину и видимость, правду и ложь. Не люби он их, он попросту ушел бы — ушел бы и предоставил их бессмысленному труду. Но они — его товарищи, которым он желает добра, и его долг — попытаться убедить их, что они идут по ложному пути.

— Послушай себя, Альваро, — говорит он. — *Только суть*. Ты думаешь, что суть остается самой собой, вечно, неизменно? Нет. Все течет. Ты забыл, когда пересек океан и прибыл сюда? Воды океана текут и в своем течении меняются. Нельзя войти в одну и ту же воду. Как рыба живет в море, так и мы живем во времени и должны меняться вместе с ним. Не важно, насколько твердо мы следуем почтенной традиции грузчиков, — нас в конце концов победит переменчивость. Переменчивость подобна приливу. Можешь строить дамбы, но перемены все равно просочатся сквозь щели.

Люди окружили их с Альваро полукольцом. В их лицах он не видит враждебности. Напротив — он чувствует, что его безмолвно подталкивают, подталкивают к наилучшему доводу.

— Я не пытаюсь спасти вас, — говорит он. — Во мне нет ничего особенного, и я не претендую на роль спасителя кого бы то ни было. Как и вы, я пересек океан. Как и вы, я прибыл без всякого прошлого. Какое бы ни было, оно осталось в прошлом. Я просто новый человек в новых краях, и это хорошо. Но я не оставил образа истории, мысли о переменах без начала и конца. От образов нас не очистить — даже временем. Образы — повсюду. Вселенная полна их. Без них не было бы вселенной, потому что бытия бы не было... Образ справедливости, к примеру. Мы все желаем жить в условиях справедливого воздаяния — воздаяния, при котором честный труд при-

носит соответствующее вознаграждение; это благое желание, благое и достойное восхищения. Но то, что мы делаем здесь, в порту, не дает такого воздаяния. Наше занятие — всего лишь видимость героического труда. И продолжение этой видимости зависит от полчищ крыс — крысы работают день и ночь, пожирая тонны зерна, которое мы разгружаем, чтобы освободить на складе место для дальнейшего зерна. Без крыс бессмысленность нашей работы была бы налицо. — Он умолкает. Люди безмолвны. — Неужели ты не понимаешь? — говорит он. — Ты слепой?

Альваро озирается по сторонам.

— Дух агоры, — говорит он. — Кто ответит нашему красноречивому другу?

Один грузчик поднимает руку. Альваро кивает ему.

— Наш друг приводит спутанное представление о действительном, — говорит юноша легко и уверенно, как отличник. — Чтобы показать его заблуждение, давайте сравним историю с климатом. Климат, в котором мы живем, — больше нас. Климат никому из нас не подвластен. Но не величие есть свойство климата, которое делает его действительным. Действительным климат делают его действительные проявления. Эти проявления — ветер и дождь. Так, идет дождь — мы мокнем, дует ветер — с нас слетают шапки. Дождь и ветер преходящи, это действительность второго порядка, доступная нашим органам чувств. Над ними в иерархии действительного находится климат... Теперь рассмотрим историю. Если история, подобно климату, — высшая действительность, тогда у истории должны быть проявления, которые мы бы ощущали органами чувств. Но каковы эти проявления? — Он оглядывается. —

У кого-нибудь сдувало ли шапку историей? — Молчание. — Ни у кого. Потому что у истории нет проявлений. Потому что история — не действительна. Потому что история — это миф.

— Точнее сказать, — теперь говорит Эухенио, который вчера хотел знать, не предпочел бы он, Симон, конторский труд, — потому что история не имеет проявлений в настоящем. История — лишь закономерности, наблюдаемые нами в прошлом. У нее нет возможности проникнуть в настоящее... Наш друг Симон говорит, что мы должны заставить машины выполнять нашу работу, потому что так велит история. Но не история велит нам отказаться от нашего честного труда, а лень и ее притягательность. Лень действительна в том же смысле, в каком история недействительна. Мы ее чувствуем. Мы чувствуем ее проявления всякий раз, когда ложимся на траву, закрываем глаза и клянемся, что ни за что не встанем, даже по свистку, — так сладостно наше удовольствие. Кто из нас, прохладаясь на травке в солнечный день, скажет: «Я чувствую, что история в костях моих велит мне встать»? Нет: это лень мы чувствуем в костях своих. И потому есть такое устойчивое выражение: *Еда не достается лежа*.

Эухенио говорит и все более распаляется. Может, из страха, что он не остановится и дальше, товарищи прерывают его аплодисментами. Он умолкает, и Альваро хватается за эту возможность высказаться.

— Не знаю, хочет ли наш друг Симон ответить, — говорит он. — Наш друг отмахнулся от нашего труда как от бессмысленной видимости, что некоторые могли бы счесть обидным. Если это замечание — просто от недомыслия и если, далее подумав, он ре-

шит взять свои слова обратно или дополнить, уверен, мы оценим это решение.

Он озирается. Ветер явно не в его сторону. Есть ли у него воля сопротивляться?

— Конечно, я заберу свое бездумное высказывание, — говорит он, — и, более того, извинюсь за любую обиду, которое оно нанесло. Об истории же скажу следующее: мы сегодня можем отказываться ее учитывать, но это не навечно. И поэтому у меня есть предложение. Давайте соберемся здесь, на причале, через десять лет — или даже через пять — и посмотрим, по-прежнему ли вручную разгружают зерно и складывают его в мешки в сарае, дабы кормить врагов наших — крыс. Предполагаю, что так не будет.

— А если ты ошибаешься? — говорит Альваро. — Если через десять лет мы по-прежнему будем выгружать зерно в точности так же, как ныне, согласишься ли ты, что история недействительна?

— Разумеется, — отвечает он. — Я склоню голову перед силой действительности. Назову это смирением перед приговором истории.

Глава 15

Некоторое время после его речи против крыс он ощущает, что отношения на работе несколько напряжены. Хотя товарищи его по-прежнему добры, рядом с ним все как-то помалкивают.

И, конечно, вспоминая свою несдержанность, он краснеет от стыда. Как мог он принизить работу, которой его друзья так гордятся, работу, к которой его допустили, и он за это признателен?

Но постепенно все опять делается проще. Как-то утром, в перерыв, Эухенио подходит к нему с бу-
мажным пакетом.

— Печенье, — говорит он. — Возьми. Возьми два. Подарок от соседей. — Он благодарит за угощение (печенья вкусны, чувствуется имбирь, а может, и корица), Эухенио добавляет: — Знаешь, я тут подумал о том, что ты недавно сказал, и, может, ты и прав. С чего бы нам кормить крыс, если они нас никак не кормят? Есть люди, которые едят крыс, но я-то нет. А ты?

— Нет, — говорит он. — Я тоже не ем крыс. Мне куда больше нравятся твои печенья.

В конце рабочего дня Эухенио возвращается к тому же разговору.

— Я тревожился, не обидели ли мы тебя, — говорит он. — Поверь, никакой враждебности. Мы все к тебе исключительно с благой волей.

— Я совсем не обижен, — отвечает он. — У нас всего лишь философское разногласие, не более.

— Философское разногласие, — соглашается Эухенио. — Ты живешь ведь в Восточных кварталах, верно? Я тебя провожу до автобусной остановки. — И вот, чтобы поддержать легенду о том, что он живет в Кварталах, ему приходится прогуляться с Эухенио до автобусной остановки.

— Меня заботит один вопрос, — говорит он Эухенио, пока они ждут номер 6. — Совершенно не философский. Как ты и другие проводите свободное время? Я знаю, многие увлекаются футболом, а по вечерам? У вас, кажется, нет жен и детей. А подружки есть? Ходите ли вы по клубам? Альваро говорит, что есть такие клубы, куда можно пойти.

Эухенио заливается краской.

— Я ничего о клубах не знаю. Я в основном хожу в Институт.

— Расскажи. Его при мне упоминали, но я понятия не имею, что там происходит.

— В Институте проходят занятия. Лекции, фильмы, дискуссионные группы. Тебе туда нужно. Тебе понравится. Это не только для молодежи, есть и взрослые люди, и это бесплатно. Знаешь, как туда попасть?

— Нет.

— Это на Новой улице, рядом с большим перекрестком. Высокое белое здание со стеклянными дверями. Ты, небось, много раз проходил мимо и не знал. Заглядывай завтра вечером. Можешь вступить в нашу группу.

— Хорошо.

Как выясняется, курс, на который записан Эухенио вместе с тремя другими грузчиками, — по философии. Он садится в задний ряд, отдельно от товарищей, чтобы незаметно уйти, если станет скучно.

Появляется учитель, все умолкают. Это женщина средних лет, одетая, на его вкус, довольно неинтересно, седые волосы коротко стрижены.

— Добрый вечер, — говорит она. — Вернемся к тому, на чем закончили на прошлой неделе, и продолжим изучать стол — стол и его ближайшего родственника — стул. Как вы помните, мы обсуждали различные виды столов, существующие на свете, и различные виды стульев. Мы задавались вопросом, каково единство, стоящее за этим разнообразием, что делает все столы столами, а все стулья — стульями.

Он тихо встает и выходит.

Коридор пуст, если не считать фигуры в длинном белом балахоне, торопящейся ему навстречу. Фигура приближается, и он узнает, что это не кто-нибудь — Ана из Центра.

— Ана! — окликает он ее.

— Здравствуйте, — отвечает Ана, — простите, не могу задерживаться, опаздываю. — Но все же останавливается. — Я вас знаю, верно? Забыла ваше имя.

— Симон. Мы познакомились в Центре. Со мной был маленький мальчик. Вы любезно предоставили нам укрытие в нашу первую ночь в Новилле.

— Ну конечно! Как поживает ваш сын?

Белый балахон оказывается белым баннным халатом; она босая. Странное облачение. Тут, в Институте, есть бассейн?

Она замечает его странный взгляд и смеется.

— Я работаю моделью, — говорит она. — Два вечера в неделю. Натурному классу.

— Натурному классу?

— Это класс рисования. С живой природы. Я в этом классе — модель. — Она потягивается и словно бы зевает. Пола халата у горла распахивается, он улавливает проблеск груди, которая так ему понравилась. — Приходите тоже. Если желаете изучать человеческое тело, лучше способа не придумаешь. — И добавляет, еще до того, как он успевает преодолеть растерянность: — До свиданья. Я опаздываю. Передавайте привет сыну.

Он бредет по пустому коридору. Институт больше, чем кажется снаружи. Из-за закрытой двери доносится музыка: под аккомпанемент арфы скорбно поет женщина. Он останавливается у доски объявлений. Институт предлагает длинный список разных курсов. Архитектурное рисование. Бухгалтерское

дело. Математический анализ. Множество курсов по испанскому: испанский для начинающих (двенадцать блоков), средний уровень испанского (пять блоков), уровень испанского повышенной сложности, сочинение на испанском, устная испанская речь. Надо было прийти сюда, а не мучиться с языком в одиночку. Испанской литературы не наблюдается. Но, может, она есть в испанском повышенной сложности.

Никаких других языковых курсов. Ни португальского. Ни каталанского. Ни галисийского. Ни баскского.

Ни эсперанто. Ни волапюка.

Он ищет рисование с натуры. Вот оно: рисование с натуры, с понедельника по пятницу, с 7 до 9 вечера, суббота с 2 до 4 вечера, запись на каждый блок — 12 чел., блок 1 — заполнен, блок 2 — заполнен, блок 3 — заполнен. Явно востребованный курс.

Каллиграфия. Ткачество. Лозоплетение. Искусство букета. Гончарное дело. Кукольное дело.

Философия. Основы философии. Философия: избранные темы. Философия труда. Философия повседневной жизни.

Звонок с урока. Студенты появляются в коридоре, сначала стружкой, затем шквалом, не только молодежь, но и люди его возраста и старше, в точности как говорил Эухенио. Неудивительно, что с сумерками город превращается в морг! Они все здесь, в Институте, занимаются саморазвитием. Все стремятся стать лучше — как граждане, как люди. Все, кроме него.

Голос зовет его. Это Эухенио, машет ему среди людского потока.

— Иди сюда! Мы собираемся пойти поесть! Давай с нами!

Он спускается за Эухенио по лестнице в ярко освещенный кафетерий. Там уже длинная очередь ждущих обслуживания. Он берет поднос и приборы.

— Сегодня среда, значит, макароны, — говорит Эухенио. — Ты любишь макароны?

— Да.

Подходит их очередь. Он протягивает тарелку, и рука за стойкой плюхает на нее здоровенную порцию спагетти. Вторая рука добавляет томатного соуса сверху.

— Возьми рогалик, — говорит Эухенио. — Если захочешь дозаправиться.

— Где оплачивать?

— Нигде. Это бесплатно.

— Как прошло занятие? — спрашивает он. — Вы разобрались, что такое стул?

Он задумывает этот вопрос как шутку, но молодой человек смотрит на него непонимающе.

— Ты не знаешь, что такое стул? — спрашивает он наконец. — Посмотри. Ты на нем сидишь. — Он поглядывает на спутников. Они хохочут.

Он пытается смеяться с ними, чтобы не портить веселье.

— В смысле, — говорит он, — вы определили, что составляет... не знаю, как это сказать...

— *Sillicidad*, — подсказывает Эухенио. — Твой стул, — он взмахивает рукой, — воплощает *sillicidad*, включает его в себя, или овеществляет его, как любит говорить наш преподаватель. Так ты понимаешь, что это стул, а не стол.

— Или табурет, — добавляет его спутник.

— Ваш преподаватель не говорил вам, — говорит он, Симон, — о человеке, который, когда его спросили, как он понимает, что стул — это стул, пнул стул и сказал: «Вот как, сударь»?

— Нет, — говорит Эухенио. — Но так и нельзя понять, что стул — это стул. Так можно понять, что это — предмет. Предмет пинка.

Он молчит. По правде сказать, он тут не к месту, в Институте. Философствование лишь раздражает его. Ему плевать на стул и его стуловость.

В спагетти не хватает приправ. Томатный соус — просто томатная паста, подогретая. Он ищет взглядом солонку, но их нет. Нет и перца. Но хоть спагетти для разнообразия. Все лучше, чем вечный хлеб.

— Так что же, на какие курсы думаешь записаться? — спрашивает Эухенио.

— Еще не решил. Нужно ознакомиться со списком. Предложение богатое. Я подумываю о рисовании с натуры, но там битком.

— То есть в наш класс ты не хочешь. Жалко. Ты ушел, а обсуждение стало интереснее. Мы говорили о бесконечности и ее опасностях. А что, если есть стул совершеннее совершенного стула — и так далее до бесконечности? Но рисование с натуры тоже интересно. Можешь в этом семестре записаться просто на рисование — обычное. Тогда у тебя в следующем семестре будет преимущество при записи на рисование с натуры.

— Рисование с натуры очень востребовано, — объясняет другой участник разговора. — Людям интересно изучать тело.

Он ищет в сказанном иронию, но ее нет, как нет соли.

— Если интересно человеческое тело, почему бы не прослушать тогда курс анатомии? — спрашивает он.

Собеседник не соглашается.

— Анатомия рассказывает о частях тела. А если интересно изучать целое, нужно что-то типа рисования с натуры или скульптуры.

— Под целым вы понимаете?..

— Я понимаю тело, как таковое, а затем — тело как идеальную форму.

— Разве повседневный опыт не учит нас этому? В смысле, неужели несколько ночей, проведенных с женщиной, не научат нас всему, что необходимо знать о теле, как таковом?

Юноша вспыхивает и озирается, призывая на помощь. Он клянет себя. Дурацкие у него шутки!

— Что касается тела как идеальной формы, — продолжает он, — то нам в этом смысле придется подождать следующей жизни, чтобы его увидеть. — Он отодвигает в сторону недоеденные спагетти. С него хватит, слишком это вязко. — Мне пора, — говорит он. — Доброго вечера. Увидимся завтра в порту.

— Доброго вечера. — Они не пытаются его задержать. И правильно. Кем он кажется им, молодым образованным людям, работающим чистым идеалистам? Чему могут они научиться у горькой вони, источаемой им?

— Как поживает твой мальчик? — спрашивает Альваро. — Мы скучаем по нему. Ты подобрал ему школу?

— Он еще до школы не дорос. Он с матерью. Она не хочет, чтобы он много со мной общался. Пока на него претендуют двое взрослых, ему придется делить свою любовь на двоих, говорит она.

— Но на нас всегда претендуют двое: отец и мать. Мы же не пчелы и не муравьи.

— Может, и так. Но в любом случае я Давиду не отец. Его мать — мать, а я — не отец. В этом разница. Альваро, для меня это болезненная тема. Давай о чем-нибудь другом?

Альваро хватается его за руку.

— Давид — необычайный мальчик. Поверь, я наблюдал за ним, я знаю, о чем говорю. Ты уверен, что действуешь в его лучших интересах?

— Я препоручил его матери. Он под ее опекой. И почему ты считаешь, что он необычайный?

— Ты говоришь, что препоручил его, но хочет ли он сам быть препорученным? И почему мать вообще его бросила?

— Она его не бросала. Они оказались разлучены. Они какое-то время жили в разных сферах. Я помог ему найти ее. Он ее нашел, и они воссоединились. Это теперь природные отношения — матери и сына. А между мной и им — не природные отношения. Вот и все.

— Если твое к нему отношение не природное, что же это за отношение?

— Умозрительное. Между нами умозрительные отношения. Как с тем, кто заботится о нем умозрительно, однако без природного долга о нем заботится. И что ты имеешь в виду, когда говоришь, что он необычайный?

Альваро качает головой.

— Природные, умозрительные... Это все бессмыслица, по мне. Как отец и мать вообще сходятся вместе, по-твоему? Отец и мать будущего ребенка? Потому что у них природный долг друг перед другом? Нет, конечно. Их пути пересекаются случайно, и они влюбляются друг в друга. Что может быть менее природно, более условно? Из их случайного соединения на свете появляется новое существо, новая душа. Кто в этом раскладе кому и что должен? У меня нет ответа, да и у тебя, думаю, тоже... Я наблюдал за тобой и твоим мальчиком, Симон, и видел: он полностью тебе доверяет. Он любит тебя. А ты любишь его. Так зачем его отдавать? Зачем отрезать себя от него?

— Я себя от него не отрезал. Его мать отрезала его от меня — это ее право. Если б я мог выбирать, я бы все еще был с ним. Но я не могу выбирать. Я не имею права выбирать. Я не имею никаких прав в этом деле.

Альваро молчит, он словно замкнулся в себе.

— Скажи мне, где я могу найти эту женщину, — говорит он наконец. — Я хочу с ней потолковать.

— Будь осторожен. У нее есть брат, а он тот еще фрукт. Не водись с ним. Там вообще-то два брата, второй — такой же неприятный, как и первый.

— Я сам разберусь, — говорит Альваро. — Где ее найти?

— Ее зовут Инес, она вселилась в мою квартиру в Восточных кварталах: Корпус «В», номер 202 на втором этаже. Не говори, что это я тебя подослал, потому что это неправда. Я тебя не подсылаю. Это не мой замысел вообще, он твой.

— Не тревожься, я ей дам ясно понять, что это мой замысел и ты здесь ни при чем.

На следующий день в обеденный перерыв Альваро подзывает его.

— Я поговорил с твоей Инес, — говорит он без обиняков. — Она согласна, чтобы ты виделся с мальчиком, но не прямо сразу. С конца месяца.

— Чудесная новость! Как тебе удалось уговорить ее?

Альваро отмахивается.

— Это не важно. Она говорит, что ты можешь брать его на прогулки. Она уведомит тебя, когда. Она попросила твой номер телефона. Я его не знал и дал ей свой. Сказал, что буду передавать сообщения.

— Слов нет, как я тебе благодарен. Пожалуйста, уверь ее, что я не буду расстраивать мальчика, — в смысле я не буду расстраивать их отношения.

Глава 16

Инес призывает его раньше ожидаемого. На следующее же утро Альваро подзывает его.

— В твоей квартире чрезвычайное происшествие, — говорит он. — Инес позвонила, когда я выходил из дома. Хотела, чтобы я пришел, но я сказал ей, что не управлюсь по времени. Не волнуйся, это не с мальчиком, просто канализация. Тебе пригодятся инструменты. Возьми ящик в сарае. Она сама не своя.

Инес встречает его на пороге, облаченная (зачем? — день не холодный) в плотное пальто. Она и впрямь сама не своя — вне себя от ярости. Туалет забился, говорит она. Администратор здания зашел, но отказался что-либо предпринимать, потому что (сказал он) она тут незаконный жилец, он не от-

личит ее (сказал он) от куска мыла. Она позвонила братьям в «Ла Резиденсию», но от них — сплошь отговорки, потому что братья слишком брезгливые (сказала она едко), чтоб руки марать. И вот нынче утром она пошла на крайние меры и позвонила его коллеге Альваро, который человек рабочий и наверняка разбирается в трубах. И вот теперь пришел он, а не Альваро.

Она говорит и говорит и сердито снует взад-вперед по комнате. Она похудела с тех пор, как они виделись. В уголках рта возникли складки. Он слушает молча, но смотрит на мальчика, который, сидя в кровати, — только что проснулся? — смотрит на него изумленно, словно он вернулся из страны мертвых.

Он улыбается мальчику. «Привет!» — говорит он одними губами.

Мальчик вынимает палец изо рта, но все еще молчит. Волосы у него, от природы кудрявые, отросли. На нем светло-голубая пижама с рисунком из резвящихся слоников и бегемотиков.

Инес не прекращает говорить.

— С этим туалетом одно расстройство — с тех самых пор, как мы сюда въехали, — говорит она. — Не удивлюсь, если виноваты окажутся соседи снизу. Я просила администратора разобраться, но он меня и слушать не стал. Никогда не встречала таких грубиянов. Ему наплевать, что воняет даже в коридоре.

Инес говорит о канализации без стеснения. Ему это кажется странным: может, и не совсем личное это дело, но все же деликатное. Она воспринимает его просто как рабочего, пришедшего ее обслужить, кого она прежде ни разу не видела, — или же она лопочет, чтобы скрыть неудовольствие?

Он проходит через комнату, открывает окно, высовывается. Отводящая труба из туалета врежется прямо в канализационную, проходящую по наружной стене. Тремя метрами ниже — отводок из квартиры под ними.

— Вы разговаривали с людьми из 102-й? — спрашивает он. — Если вся труба забита, у них та же неприятность, что и у вас. Но давайте я сначала гляну в туалете — вдруг поломка очевидна. — Он поворачивается к мальчику. — Ты мне поможешь? Не пора ли тебе вставать, лежебока? Смотри, солнышко уже высоко!

Мальчик возится и одаряет его восторженной улыбкой. На душе у него легчает. Как же он любит этого ребенка!

— Иди сюда! — говорит он. — Ты же еще не слишком взрослый, чтобы меня поцеловать.

Мальчик выскакивает из кровати и бросается обниматься. Он глубоко вдыхает сонный молочный запах ребенка.

— Мне нравится твоя новая пижама, — говорит он. — Пошли посмотрим?

Унитаз почти доверху наполнен водой и отходами. В ящике с инструментом есть моток стальной проволоки. Он сгибает конец проволоки крюком, вслепую тыкает в унитаз и извлекает комок туалетной бумаги.

— Есть у тебя горшок? — спрашивает он мальчика.

— Горшок для пи-пи? — уточняет мальчик.

Он кивает. Мальчик убегает и возвращается с горшком, обтянутым тканью. Мгновением позже влетает Инес, выхватывает горшок и уходит, не проронив ни слова.

— Найди пластиковый пакет, — говорит он мальчику. — Проверь, чтобы в нем дырок не было.

Он вылавливает из забитой трубы немало туалетной бумаги, но вода все равно не сходит.

— Одевайся, пойдем вниз, — говорит он мальчику. К Инес: — Если в 102-й никого сейчас нет, я попробую открыть задвижку на первом этаже. Если засор выше, я ничего не смогу с ним сделать. Это на совести местных властей. Но давайте посмотрим. — Он умолкает. — Кстати, такое может случиться с кем угодно. Никто тут не виноват. Просто не повезло.

Он пытается облегчить Инес жизнь и надеется, что она это понимает. Но она прячет взгляд. Смущена, рассержена — а что там еще, он понятия не имеет.

Вместе с мальчиком они стучат в квартиру 102. Довольно нескоро дверь все же приоткрывается на щелочку. В сумраке он видит темную фигуру, но неясно, мужчина это или женщина.

— Доброе утро, — говорит он. — Простите за вторжение. Я из квартиры над вами, у нас засорился унитаз. Хотел спросить, не случилась ли такая же неприятность и у вас.

Дверь открывается пошире. Это женщина, старая, согбенная, глаза — стеклянисто-серые, из чего следует, что она незряча.

— Доброе утро, — повторяет он. — Унитаз. Все ли у вас с ним в порядке? Засоров нет, *atascos*?

Нет ответа. Она стоит неподвижно, лицо вопросительно повернуто к нему. Она не только слепая, но и глухая?

Мальчик делает шаг вперед.

— *Abuela*, — говорит он. Старуха вытягивает руку, гладит его по волосам, разглядывает лицо. На миг он

доверительно прижимается к ней, потом проскальзывает мимо, вглубь квартиры. Через мгновение возвращается.

— Там чисто, — говорит он. — У нее в туалете чисто.

— Спасибо, сеньора, — говорит он и откланивается. — Спасибо, что помогли. Простите за беспокорство. — И к мальчику: — Тут унитаз чист, следовательно... что?

Мальчик хмурится.

— Там, внизу, вода течет свободно. А наверху, — он указывает на лестничный пролет, — вода не течет. Следовательно что? Следовательно, где забились трубы?

— Наверху, — говорит мальчик уверенно.

— Хорошо! Так куда нам надо идти, чтобы их починить: наверх или вниз?

— Наверх.

— И мы пойдем наверх, потому что вода течет куда — вверх или вниз?

— Вниз.

— Всегда?

— Всегда. Она всегда течет вниз. А иногда вверх.

— Нет. Никогда вверх. Всегда вниз. Такова природа воды. Вопрос вот в чем: как вода попадает в нашу квартиру, не противореча своей природе? Как получается, что мы открываем кран или смываем в унитазе и вода течет?

— Потому что ради нас она течет вверх.

— Нет. Это неправильный ответ. Давай так спросу: как вода попадает в нашу квартиру, *не протекая* вверх?

— С неба. Она падает с неба к нам в краны.

Так и есть. Вода и правда падает с неба.

— Но, — говорит он и вскидывает предупреждающий палец, — как вода попадает на небо?

Натурфилософия. Поглядим, сколько в ребенке натурфилософии.

— Потому что небо вдыхает, — говорит ребенок. — Небо вдыхает, — он делает глубокий вдох и задерживает дыхание, на лице — улыбка, улыбка чистого умственного восторга, а потом резко выдыхает, — и небо выдыхает.

Дверь закрывается. Он слышит, как шелкает задвижка.

— Инес тебе про это рассказывала? Про дыхание небес.

— Нет.

— Ты сам придумал?

— Да.

— И кто же там, на небе, вдыхает и выдыхает и дает дождь?

Мальчик молчит. Сосредоточенно хмурится. Наконец качает головой.

— Не знаешь?

— Не могу вспомнить.

— Не важно. Пошли расскажем твоей маме новости.

Инструменты не пригодятся. Вся надежда — попросту на длину проволоки.

— Может, сходите погуляете? — предлагает он Инес. — То, что я сейчас буду делать, не слишком аппетитно. Не стоит нашему юному другу на это смотреть.

— Я бы лучше вызвала настоящего слесаря, — говорит Инес.

— Если мне не удастся это исправить, я пойду и найду вам настоящего слесаря, честное слово. Так или иначе унитаз мы вам починим.

— Не хочу гулять, — говорит мальчик. — Хочу помогать.

— Спасибо, мой мальчик, ценю. Но тут такая работа, в которой помощь не нужна.

— Я могу подавать тебе мысли.

Он взглядывает на Инес. Что-то несказанное происходит между ними. «Мой умный сынок!» — говорит ее взгляд.

— Это правда, — говорит он. — С мыслями у тебя все хорошо. Но увы — унитазы бесчувственны к мыслям. Унитазы — не из мира мыслей, это грубые предметы, и работа с ними — грубая работа, не более. Так что походи погуляй с мамой, а я пока займусь делом.

— Почему мне нельзя остаться? — говорит мальчик. — Это же просто какашки.

У мальчика в голосе новая нота — нота вызова, и она ему не нравится. Мальчик задирает нос от похвал.

— Унитазы — это унитазы, а какашки — не просто какашки, — говорит он. — Есть вещи, которые не то, что они есть, не всегда. Какашки — из этой категории.

Инес дергает мальчика за руку, краснея от ярости.

— Идем! — говорит она.

Мальчик качает головой.

— Это мои какашки, — говорит он. — Хочу остаться!

— Это были твои какашки. Но ты их выбросил. Избавился от них. Больше они не твои. Ты на них больше не имеешь прав.

Инес фыркает и удаляется в кухню.

— Когда они попадают в трубы, это уже ничьи какашки, — продолжает он. — В канализации они объединяются с какашками других людей и превращаются в просто какашки.

— Тогда чего Инес злится?

Инес. Вот как он ее зовет. Не *мамочка*, не *мама*?

— Ей неловко. Люди не любят говорить о какашках. Какашки воняют. В какашках сплошь бактерии. Ничего хорошего в какашках нет.

— Почему?

— Почему что?

— Это же и ее какашки. Почему она злится?

— Она не злится, она просто чувствительная. Некоторые люди чувствительные, это их природа, тут не спросишь, почему. Но это не обязательно, потому, как я тебе уже сказал, что с некоторого момента это уже ничьи какашки, а просто какашки. Поговори с любым слесарем, он тебе то же самое скажет. Слесарь не смотрит на какашки и не говорит себе: «Как интересно, кто бы мог подумать, что вот эдак сеньор Икс или сеньора Игрек какает!» Слесарь — он как гробовщик. Гробовщик же не говорит про себя: «Как интересно!..» — Тут он умолкает. «Меня несет, — думает он. — Я слишком много говорю».

— А что такое гробовщик? — спрашивает мальчик.

— Гробовщик — человек, который занимается трупами. Он как слесарь. Он следит за тем, чтобы трупы оказывались в должном месте.

«А теперь ты спросишь, что такое трупы?»

— А что такое трупы? — спрашивает мальчик.

— Трупы — тела, которые поражены смертью, они нам больше не нужны. Но о смерти нам бес-

покоиться не надо. После смерти всегда есть другая жизнь. Ты сам видел. Нам, людям, в этом смысле везет. Мы — не какашки, которые сбросили и они смешались с землей.

— А мы как?

— Как мы, если мы не какашки? Мы — как образы. Образы никогда не умирают. Ты это в школе узнаешь.

— Но мы какаем.

— Это правда. В нас есть что-то от совершенства, но мы и какаем. Это потому, что мы двойственной природы. Я не знаю, как это проще сказать.

Мальчик молчит. «Пусть помозгует об этом», — думает он. Опускается на колени перед унитазом, закатывает рукава как можно выше.

— Пойди погуляй с мамой, — говорит он. — Иди.

— А гробовщик? — говорит мальчик.

— Гробовщик? У гробовщика такая же работа, как любая другая. Гробовщик такой же, как мы. У него тоже двойная природа.

— Можно его повидать?

— Не сейчас. Сейчас у нас другие дела. В следующий раз, когда поедем в город, поищем лавку гробовщика. И тогда посмотришь.

— А на трупы можно посмотреть?

— Нет, вот это точно нет. Смерть — дело личное. Профессия гробовщика — она скрытная. Гробовщики не показывают трупы публике. Хватит об этом. — Он тыкает проволокой в глубине унитаза. Как-то надо протолкнуть проволоку по колену сифона. Если засор не в сифоне, тогда в месте соединения труб снаружи. Если оно вот так, он понятия не имеет, как это чинить. Придется сдать и найти слесаря. Или образ слесаря.

Вода, в которой все еще плавают кашки Инес, смыкается вокруг его ладони, запястья, предплечья. Он проталкивает проволоку по сифону. «Антибактериальное мыло, — думает он. — Мне потом понадобится антибактериальное мыло, тщательно промыть под ногтями. Потому что кашки — это кашки, потому что бактерии — это бактерии».

Он чувствует себя сущностью с двойственной природой. Он чувствует себя человеком, пробивающим засор в канализационной трубе с применением простейших инструментов.

Он вытаскивает руку, вытягивает проволоку. Крюк на конце распрямился. Он сгибает его вновь.

— Можно вилкой, — говорит мальчик.

— Она слишком короткая.

— Можно взять длинную с кухни. А ты ее согнешь.

— Покажи, что ты имеешь в виду.

Мальчик трусит прочь, возвращается с длинной вилкой, которая была в их квартире, когда они сюда въехали, и он ни разу ею не пользовался.

— Можно ее согнуть, если ты сильный, — говорит мальчик.

Он гнет вилку в крюк и пропихивает ее в сифон, пока она во что-то не упирается. Попытавшись вытащить вилку, он чувствует сопротивление. Сначала медленно, потом быстрее причина засора являет себя: это кусок ткани с синтетической подложкой. Вода уходит. Он дергает за цепочку. Грохочет чистая вода. Он ждет, еще раз дергает за цепочку. Труба прочищена. Все хорошо.

— Я вот что нашел, — говорит он Инес. Держит предмет на вытянутой руке, с него все еще капает. — Узнаете?

Она заливается краской и стоит перед ним, как провинившаяся шкодница, не знает, куда спрятать взгляд.

— Вы их всегда в унитаз спускаете? Вам не рассказывали, что так ни в коем случае нельзя делать?

Она качает головой. Щеки алеют. Мальчик тревожно дергает ее за юбку.

— Инес! — говорит он. Она рассеянно гладит его по руке.

— Ничего, дорогой мой, — шепчет она.

Он закрывается в ванной, снимает замаранную рубашку, моется в раковине. Антибактериального мыла нет, есть простое из Комиссариата, которым тут все пользуются. Он отжимает рубашку, споласкивает ее заново, опять отжимает. Придется ходить в мокром. Он отмывает руки, ополаскивает подмышки, вытирается. Может, и не так чисто, как хотелось бы, но хотя бы дерьмом не воняет.

Инес сидит на кровати, мальчик прижат к груди, как младенец, она его укачивает. Мальчик дремлет, струйка слюны изо рта.

— Я пойду, — шепчет он. — Зовите, когда понадобится.

Вспоминая об этом визите к Инес, он думает, до чего странная это история в его жизни, до чего непредвиденная. Кто бы мог подумать, когда он впервые узрел эту девушку на теннисном корте, такую уверенную в себе, такую безмятежную, что придет день, и ему придется смывать с себя ее дерьмо! Какие выводы об этом сделали бы в Институте? Нашлось бы у преподавательницы с седыми волосами название для этого — какашковость какашки?

Глава 17

— Если ищешь облегчения, — говорит Элена, — если облегчение упростит тебе жизнь, есть места, куда мужчине можно податься. Тебе друзья не рассказывали? Друзья-мужчины.

— Ни словом. А что именно ты понимаешь под облегчением?

— Сексуальное облегчение. Если ты ищешь сексуального облегчения, я не единственное твое прибежище.

— Жалко, — говорит он холодно. — Мне не приходило в голову, что ты так это воспринимаешь.

— Не обижайся. Таков жизненный факт: мужчинам нужно облегчение, мы все это понимаем. Я всего лишь сообщаю тебе, что можно с этим поделать. Для этого есть места. Спроси у друзей в порту, а если стесняешься, спроси в Центре переселения.

— Ты имеешь в виду бордели?

— Называй их борделями, если тебе так нравится, но ничего недостойного я о них не слышала, там довольно чисто и приятно.

— Дежурные девушки работают в форменной одежде?

Она смотрит на него вопросительно.

— В смысле, они одеты стандартно, как медсестры? В стандартное нижнее белье?

— Это тебе предстоит выяснить самостоятельно.

— И это приемлемая профессия — работать в борделе? — Он понимает, что раздражает ее этими вопросами, но опять у него это настроение — отчаянное, горькое, донимает его с тех пор, как он отдал ребенка. — Девушка может заниматься этим и по-прежнему смотреть людям в глаза?

— Понятия не имею, — говорит она. — Сходи и проверь. А теперь извини, у меня ученик.

Он вообще-то врал, когда сказал Элене, что ничего не знает о местах, куда можно сходить мужчинам. Альваро недавно упоминал клуб для мужчин, расположенный неподалеку от порта, под названием «*Salón Confort*».

Из квартиры Элены он отправляется напрямиком в «*Salón Confort*». На табличке у входа выравнено: «Досуговый и развлекательный центр». «Часы работы: 14:00—2:00. Понедельник — выходной. Система допусков. Членство по одобрению». И, помельче: «Личное консультирование. Облегчение стресса. Физическая терапия».

Он толкает дверь. Оказывается в пустой приемной. Вдоль одной стены — банкетка. На стойке с надписью «РЕГИСТРАТУРА» пусто, лишь телефонный аппарат. Он усаживается и ждет.

Очень нескоро из служебной комнаты появляется хоть кто-то — женщина средних лет.

— Простите, что заставила ждать, — говорит она. — Чем могу помочь?

— Я бы хотел записаться.

— Да, пожалуйста. Заполните вот эти две анкеты, и мне потребуется удостоверение личности. — Она передает ему планшет и авторучку.

Он оглядывает первую анкету. Имя, адрес, возраст, форма занятости.

— У вас наверняка и моряки с судов есть, — замечает он. — Они тоже заполняют анкеты?

— Вы моряк? — спрашивает женщина.

— Нет, я работаю в порту, но я не моряк. Я говорю о моряках, потому что они сходят на берег всего

на ночь-другую. Им тоже нужно записываться к вам, когда они сюда заходят?

— Услугами этого учреждения можно пользоваться только при одобрении членства.

— И сколько времени занимает одобрение?

— Одобрение — это недолго. Но после этого необходимо договориться о приеме с терапевтом.

— Я должен договориться о приеме?

— Необходимо, чтобы кто-то из терапевтов принял вас в свой список. Это займет некоторое время. Зачастую у них в списках нет мест.

— Так, значит, будь я моряком, о ком шла речь, моряком, у которого всего ночь-другая на берегу, мне сюда являться не имело бы смысла. К тому времени, когда мне назначили бы прием, мое судно отплыло бы в моря.

— «*Salón Confort*» работает не ради моряков, сеньор. У моряков есть свои учреждения — там, откуда они сами.

— Дома у них, может, и есть свои учреждения, но они не могут воспользоваться их услугами. Потому что они здесь, а не там.

— Да, разумеется: у нас свои учреждения, у них — свои.

— Понятно, да. Но, уж простите, вы рассуждаете как выпускница городского Института — Институт дальнейшего образования он называется, кажется.

— Ой ли.

— Да. Как выпускница одного философского курса. Может, логики. Или риторики.

— Нет, я не выпускница Института. Итак, вы определились? Будете записываться? Если да, пожалуйста, заполняйте анкеты.

Со второй анкетой у него больше трудностей. «Заявка на личного терапевта», — озаглавлена она. — «Ниже опишите себя и свои нужды».

«Я обыкновенный мужчина с обыкновенными нуждами, — пишет он. — То есть нужды мои не чрезмерны. До недавнего времени я был полностью занят как опекун ребенка. После того как я отказался от ребенка (прекратил опекунство), мне как-то одиноко. Не знаю, чем себя занять». — Он повторяется. Это оттого, что пишет авторучкой. Если б у него был карандаш с ластиком, он мог бы описать себя экономнее. — «Мне нужно дружеское ухо — снять с себя бремя. У меня есть близкий друг-женщина, однако она в последнее время занята другими вещами. В наших с ней отношениях не хватает подлинной близости. На мой взгляд, снять с себя бремя можно лишь в близких отношениях».

Что еще?

«Я изголодался по красоте, — пишет он. — По женской красоте. Как-то изголодался. Я алчу красоты, которая, по моему опыту, пробуждает благоговение и вместе с тем признательность — признательность за удачу обнимать красивую женщину».

Он подумывает, не вычеркнуть ли весь абзац про красоту, но все же оставляет. Если его будут оценивать, пусть оценивают порывы его сердца, а не ясность мысли. Или логику.

«Что не означает, что я не мужчина и не имею мужских нужд», — грубовато завершает он.

Qué tontería! Какая мешанина! Какая нравственная сумятица!

Он сдает обе анкеты. Регистраторша просматривает их — не притворяясь, что не просматривает, — от начала и до конца. Кроме них, в приемной нико-

го. Не час пик. «Красота пробуждает благоговение»: замечает ли он бледнейшую тень улыбки, когда она добирается до этого заявления? Простая и незатейливая ли она регистраторша, или у нее самой есть опыт признательности и благоговения?

— Вы не поставили одну галочку, — говорит она. — «Продолжительность приема: 30 минут, 45 минут, 60 минут, 90 минут». Какую продолжительность предпочитаете?

— Давайте максимальное облегчение: девяносто минут.

— Девяностоминутного приема вам придется подождать. Из-за расписания. Тем не менее я вас записываю на длинный первый прием. Позднее сможете поменять, если пожелаете. Спасибо, на этом все. Будем с вами на связи. Мы письменно известим вас о сроке первого приема.

— Ничего себе процедура. Теперь понятно, почему моряков тут не ждут.

— Да, «Салон» на преходящих не рассчитан. Но состояние преходящего преходяще само по себе. Некто преходящий там, откуда он родом, непреходящ, в точности так же, как любой, чей дом здесь, будет преходящим в других местах.

— *Per definitionem*, — говорит он. — У вас безупречная логика. Буду ждать вашего письма.

В анкете он указал адрес Элены. Проходят дни. Он спрашивает у Элены: письма нет.

Он возвращается в «Салон». На дежурстве та же регистраторша.

— Вы меня помните? — говорит он. — Я был у вас две недели назад. Вы сказали, что напишете. Ничего не получал.

— Сейчас посмотрю, — говорит она. — Вас зовут?.. — Она открывает шкаф с документами и извлекает папку. — Никаких неувязок с самой заявкой, насколько я вижу, нет. Заминка, похоже, в том, чтобы поженить вас с правильным терапевтом.

— *Поженить* меня? Возможно, я недостаточно внятно выразился. Не обращайтесь внимания на то, что я там написал про красоту и все остальное. Я не ищу идеальной пары, мне просто нужно общество, женское общество.

— Понимаю. Попрошу. Дайте пару дней.

Проходят дни. Письма не поступает. Не следовало писать слово «благоговение». Какая девушка, пытаясь заработать пару реалов на стороне, пожелает брать на себя такую ответственность? Правда, может, и хороша, но меньшая правда иногда лучше. Посему: «С какой целью вы записываетесь в “*Salón Confort*”?» Ответ: «Я в городе новенький, и мне не хватает знакомых». Вопрос: «Какого именно терапевта вы ищете?» Ответ: «Молодую и красивую». Вопрос: «Какой продолжительности прием желаете?» Ответ: «Устроит получасовой».

Эухенио, похоже, намерен доказать, что их разногласия насчет крыс, истории и организации труда в порту никак его не задела. Теперь после работы Эухенио чаще обычного увязывается за ним, и ему приходится повторять блеф о шестом автобусе до Кварталов.

— Ты определился с Институтом? — спрашивает Эухенио как-то раз по дороге к автобусу. — Думаешь записываться?

— Боюсь, я последнее время об Институте толком не думал. Пытался записаться в центр развлечений.

— Центр развлечений? Вроде «*Salón Confort*»? За чем тебе записываться в центр развлечений?

— А ты и твои друзья разве не пользуетесь их услугами? Как ты обходишься с — как бы это сказать? — физическими позывами?

— С физическими позывами? Позывами тела? Мы их обсуждали на занятиях. Хочешь, скажу, к какому выводу мы пришли?

— Сделай одолжение.

— Мы начали с того, что заметили: эти самые позывы не имеют определенного предмета. Иными словами, эти позывы влекут нас не к определенной женщине, а к женщине абстрактной, женскому идеалу. Так, чтобы утишить этот позыв, мы отправляемся в так называемый центр развлечений и тем самым оскверняем позыв. Почему? Потому что проявления идеала, обнаруживаемые в таких местах, — низменные подобию. Союз же с низменным подобием оставляет у ищущего разочарование и печаль.

Он пытается представить Эухенио, этого искреннего молодого человека в свиных очках, в объятиях низменного подобию.

— Ты винишь в разочаровании женщин, найденных в «Салоне», — отвечает он, — но, может, стоит рассмотреть сам позыв. Если такова природа желаний — тянуться к тому, что лежит за пределами доступного, должны ли мы удивляться, что оно не утолено? Ваша преподавательница в Институте не сказала вам, что принятие низменных подобий может быть необходимым шагом в восхождении к добру, подлинному и прекрасному?

Эухенио молчит.

— Подумай об этом. Спроси себя, где бы мы были, если б не лестницы. Вот и мой автобус. До завтра, друг мой.

— Может, со мной что-то не так, а я не в курсе? — спрашивает он Элену. — Я о клубе, в который пытался вступить. Почему они мне отказали, как думаешь? Скажи откровенно.

Они сидят у окна в последнем фиолетовом свете вечера, смотрят, как кружат и ныряют ласточки. Компанейские — вот какими они постепенно стали. *Compañeros* по взаимному согласию. Компанейский брак: предложи он, согласится ли Элена? Жить с Эленой и Фиделем у них в квартире уж точно удобнее, чем ютиться в одинокой лачуге в порту.

— Ты же не знаешь наверняка, что они тебе отказали, — говорит Элена. — У них, может, длинная очередь. Хотя мне и удивительно, что ты так настойчив. Попробуй другой клуб. Или чего бы просто не отказаться?

— Отказаться?

— Отказаться от секса. Ты достаточно стар, уже можно. Достаточно стар, чтобы искать удовлетворения в чем-нибудь другом.

Он качает головой.

— Пока нет, Элена. Еще одно приключение, еще одна неудача — и, может, я подумаю насчет ухода на покой. Ты мне не ответила. Есть ли во мне такое, что отталкивает людей? Например, как я разговариваю, это отталкивает? У меня совсем беда с испанским?

— Испанский у тебя не идеальный, но улучшается с каждым днем. Я слышала, что у многих вновь прибывших с испанским все хуже, чем у тебя.

— Мне приятно, что ты так считаешь, но дело в том, что слух у меня не очень хорош. Я часто не могу разобрать, что люди говорят, и мне приходится угадывать. Взять женщину в клубе, к примеру: я думал, она говорит, что хочет женить меня на одной из девушек, которые там работают, но, возможно, я неверно ее услышал. Я сказал ей, что не ищу невесту, а она посмотрела на меня, как на сумасшедшего.

Элена молчит.

— То же и с Эухенио, — продолжает он. — Я подумываю, что моя манера говорить производит впечатление, что я человек, живущий по старинке, не забывший человек.

— На забвение нужно время, — говорит Элена. — Когда хорошенько все забудешь, твоя неуверенность исчезнет и все станет гораздо проще.

— Жду не дождусь того благословенного дня. Дня, когда мне будут рады и в «*Sálon Confort*», и в «*Sálon Relax*», и во всех остальных салонах Новиллы.

Элена внимательно смотрит на него.

— Или цепляйся за свои воспоминания, если тебе так больше нравится. Но тогда не жалуйся мне.

— Элена, пожалуйста, не заблуждайся на мой счет. Я не вижу никакой ценности в своих утомительных старых воспоминаниях. Согласен с тобой: они — лишь бремя. Нет, я неохотно отказываюсь не от самих воспоминаний, а от ощущения, какое есть от жизни в теле с прошлым, в теле, пропитанном прошлым. Понимаешь?

— Новая жизнь есть новая жизнь, — говорит Элена, — а не старая жизнь заново в новых условиях. Посмотри на Фиделя...

— Но что хорошего в новой жизни, — перебивает он, — если мы ею не преобразованы, не преображены, — как я, во всяком случае?

Она ждет продолжения, но он уже все сказал.

— Посмотри на Фиделя, — говорит она. — Посмотри на Давида. Они — не существа памяти. Дети живут в настоящем, а не в прошлом. Почему бы не брать с них пример? Не ждать преображения, а попытаться вновь быть как дети?

Глава 18

Они с мальчиком гуляют по парковой зоне — это их первая прогулка, дозволенная Инес. Мрак души его развеялся, в походке теперь упругость. Когда он с ребенком, годы словно отступают.

— Как поживает Боливар? — спрашивает он.

— Боливар сбежал.

— Сбежал? Вот это да! Я думал, Боливар предан тебе и Инес.

— Я Боливару не нравлюсь. Ему только Инес нравится.

— Но нравиться же может не один человек?

— Боливару нравится только Инес. Он ее пес.

— Ты сын Инес, но тебе нравится не только она. Ты и меня любишь. А еще Диего и Стефано. И Альваро.

— Нет, не люблю.

— Жаль это слышать. Значит, Боливар ушел. И куда же, как ты думаешь?

— Он вернулся. Инес выставила ему еду на улице, и он вернулся. Теперь она его вообще не выпускает.

— Уверен, что это просто потому, что он не привык к своему новому дому.

— Инес говорит, это потому, что он унюхивает собак-дам. Он хочет спариться с собакой-дамой.

— Да, в этом трудность содержания собаки-сударя — он хочет быть с собаками-дамами. Так устроено в природе. Если собаки-судари и собаки-дамы не хотели бы спариваться, не рождалось бы собачек-деток. Так что, может, было бы лучше оставить Боливару немножко свободы. А как у тебя со сном? Ты спишь лучше? Плохие сны больше не приходят?

— Мне снилась лодка.

— Какая лодка?

— Большая. На которой мы видели человека в шляпе. Корсара.

— Кормчего, а не корсара. И что же тебе снилось?

— Она утонула.

— Утонула? А дальше?

— Не знаю. Не могу вспомнить. Приплыли рыбы.

— Ну, я тебе расскажу, что там случилось дальше. Нас с тобой спасли. Нас точно спасли, потому что иначе как бы мы тут очутились? Так что это просто плохой сон. Да и рыбы людей не едят. Рыбы — они безобидные. Они хорошие.

Пора возвращаться. Солнце садится, появляются первые звезды.

— Видишь, вон там звезды, где я показываю, — две большие? Это Близнецы, их так называют потому, что они все время вместе. А вон та звезда, прямо над горизонтом, с красноватым отливом, — то черная звезда, после заката она появляется первой.

— А близнецы — они братья?

— Да. Не помню, как их зовут, но когда-то давным-давно они были знамениты — до того знамениты, что превратились в звезды. Может, Инес вспомнит эту историю. Инес тебе рассказывает истории?

— Она рассказывает мне сказки на ночь.

— Это хорошо. Когда сам научишься читать, тебе больше не придется зависеть ни от Инес, ни от меня, ни от кого-то еще. Сможешь читать какие захочешь истории.

— Я умею читать, просто не хочу. Мне нравится, чтобы Инес мне сказки рассказывала.

— Мне кажется, это как-то непредусмотрительно. Чтение откроет тебе новые окна. А какие тебе Инес рассказывает сказки?

— Сказки про Третьего брата.

— Сказки про Третьего брата? Не слышал таких. Они о чем?

Мальчик останавливается, сплетает пальцы перед собой, вперяется в даль и начинает.

— Когда-то давным-давно жили три брата, и была зима, и шел снег, и мать сказала им, Трое Братьев, Трое Братьев, у меня внутри все болит, боюсь, умру, если кто-то из вас не найдет Мудрую Женщину, которая стережет драгоценную траву исцеления... И тогда Первый Брат сказал, Мать, Мать, я найду Мудрую Женщину. И надел он плащ, и отправился под снегом, и встретил лису, и лиса сказала ему, куда ты идешь, Брат? И брат сказал, я ищу Мудрую Женщину, которая стережет драгоценную траву исцеления, и нет у меня времени с тобой разговаривать, Лиса. И лиса сказала, дай мне поесть, и я покажу тебе путь, а Брат сказал, прочь с дороги, Лиса, и пнул лису, и ушел в лес, и больше о нем никогда

не слышали... И тогда Мать сказала, Брат Второй, Брат Второй, у меня внутри все болит, боюсь, умру, если кто-то из вас не найдет Мудрую Женщину, которая стережет драгоценную траву исцеления... Второй Брат сказал, Мать, Мать, я пойду, и надел плащ, и отправился под снегом, и встретил волка, и волк сказал, дай мне поесть, и я покажу тебе путь к Мудрой Женщине, а Брат сказал, прочь с дороги, и пнул его, и ушел в лес, и больше о нем никогда не слышали... Тогда сказала Мать, Третий Брат, Третий Брат, у меня внутри все болит, боюсь, умру, если ты не принесешь мне драгоценную траву исцеления... И Третий Брат сказал, не бойся, Мать, я найду Мудрую Женщину и принесу драгоценную траву исцеления. И отправился он под снегом и встретил медведя, и медведь сказал ему, дай мне поесть, и я покажу тебе путь к Мудрой Женщине. И Третий Брат сказал, с радостью, Медведь, я дам тебе, о чем просишь. И тогда медведь сказал, дай мне сожрать твое сердце. И Третий Брат сказал, с радостью я отдам тебе свое сердце. И отдал медведю сердце, и медведь сожрал его... И медведь показал ему тайный путь, и пришел он к Мудрой Женщине в дом, и постучал в дверь, и Мудрая Женщина сказала, почему у тебя кровь течет, Третий Брат? И Третий Брат сказал, я отдал свое сердце сожрать медведю, чтобы он показал мне путь, ибо должен я принести драгоценную траву исцеления, чтобы вылечила мою мать... А Мудрая Женщина сказала, вот она, драгоценная трава исцеления, что именуется Эскамелью, и хватило тебе веры отдать свое сердце, мать твоя выздоровеет. Иди по следам крови в лес и найдешь дорогу домой... И Третий Брат нашел дорогу домой и сказал матери, вот, Мать, трава Эскамель, а теперь

прощай, я должен оставить тебя, потому что медведь сожрал мое сердце. И его мать отведала травы Эскамель и тут же выздоровела, и сказала, Сын Мой, Сын Мой, я вижу, как ты сияешь великим светом, и то была правда, он сиял великим светом, и его забрали на небо.

— И?

— Все. Конец сказки.

— То есть последнего брата превратили в звезду, а его мать осталась одна.

Мальчик молчит.

— Мне не нравится эта сказка. Конец у нее слишком грустный. И вообще, нельзя быть третьим братом и оказаться на небе звездой, потому что ты единственный брат, а поэтому первый.

— Инес говорит, у меня могут быть еще братья.

— Правда? И откуда же они возьмутся? Она рассчитывает, что я ей их приведу, как тебя?

— Она говорит, что получит их у себя из живота.

— Ну, ни одна женщина не может заводить детей сама по себе, ей нужна помощь отца, это она должна знать. Таков закон природы — он одинаковый и для нас, и для собак, и для волков с медведями. Но даже если она хочет завести еще сыновей, ты все равно будешь ее первый сын, а не второй и не третий.

— Нет! — Голос у мальчика гневный. — Я хочу быть третьим сыном! Я сказал Инес, и она сказала да. Она сказала, я могу вернуться к ней в живот и выйти заново.

— Инес это сказала?

— Да.

— Ну, если тебе удастся это провернуть, будет чудо. Я никогда прежде не слышал, чтоб такой большой мальчик, как ты, забрался в живот к матери, и

уж подавно не слышал я, чтоб человек оттуда заново появился. Инес, должно быть, имела в виду что-то другое. Может, она хотела сказать, что ты всегда будешь самым любимым.

— Я не хочу быть самым любимым, я хочу быть третьим сыном! Она обещала!

— Единица идет перед двойкой, Давид, а двойка перед тройкой. Инес может обещать что угодно хоть до посинения, но этого ей не изменить. Раз-два-три. Этот закон даже строже, чем закон природы. Это называется закон чисел. И вообще, ты же хочешь быть третьим сыном, потому что третий сын — герой сказок, которые она тебе рассказывает. Есть множество других сказок, где герой — старший сын, а не третий. И даже необязательно, чтобы сыновей было трое. Может быть всего один сын, и не нужно, чтобы его сердце кто-то сожрал. Или у матери может быть дочь и никаких сыновей. Существует множество сказок и много разных героев. Выучился бы читать — узнал бы про это сам.

— Я могу читать, просто не хочу. Мне не нравится читать.

— Это не очень умно. Кроме того, тебе на днях исполнится шесть, а когда тебе будет шесть, придется идти в школу.

— Инес говорит, что мне не нужно идти в школу. Она говорит, что я — ее сокровище. Говорит, что я могу все выучить сам, дома.

— Я согласен, что ты — ее сокровище. Ей очень повезло, что она тебя нашла. Но ты уверен, что хочешь все время сидеть дома с Инес? Если б ты пошел в школу, познакомился бы там с другими детьми твоего возраста. Выучился бы читать как следует.

— Инес говорит, что в школе мне не уделят индивидуального внимания.

— Индивидуального внимания? Что это значит?

— Инес говорит, мне нужно индивидуальное внимание, потому что я умный. Она говорит, что в школе умным детям не достается индивидуального внимания и им скучно.

— И почему же ты думаешь, что ты такой умный?

— Я знаю все числа. Хочешь, скажу, какие? Я знаю 134, знаю 7, знаю... — Он набирает воздуха в грудь. — 4623551, а еще знаю 888, и знаю 92, и знаю...

— Стой! Это не знание чисел, Давид. Знать числа означает уметь считать. Это означает понимать порядок чисел — какие числа сначала, какие потом. Чуть погодя это будет означать умение складывать и вычитать числа — перескакивать с числа на число одним махом, не пересчитывая все промежуточные шаги. Называть числа — не то же самое, что уметь с ними обращаться. Можешь хоть весь день перечислять числа и конца не найдешь, потому что у чисел нет конца. Ты знал об этом? Инес тебе говорила?

— Это неправда!

— Что неправда? Что у чисел нет конца? Что никто не может назвать их все?

— Я могу назвать их все.

— Отлично. Ты говоришь, что знаешь 888. Какое число идет после 888?

— 92.

— Неправильно. Следующее — 889. Какое число больше — 888 или 889?

— 888.

— Неправильно. 889 больше, потому что оно после 888.

— Откуда ты знаешь? Ты там никогда не *был*.

— В каком смысле не *был*? Конечно, я не был в 888. Мне и не нужно там быть, чтобы знать, что 888 меньше 889. Почему? Потому что я разобрался, как устроены числа. Я выучил правила арифметики. Пойдешь в школу — сам выучишь эти правила, и тогда числа уже не будут... — он подыскивает слово, — такой трудностью в жизни.

Мальчик не отвечает, но смотрит на него спокойно. Он ни на миг не сомневается: слова его — не втуне. Нет, их впитали, все до единого, — впитали и отвергли. Почему этот ребенок, такой умный, столь готовый занять свое место в жизни, отказывается понимать?

— Ты повидал все числа, говоришь ты мне, — говорит он. — Тогда назови мне последнее число, самое-пресамое последнее. Только не говори, что это омега. Омега не считается.

— Что такое «омега»?

— Не важно. Просто не говори «омега». Назови мне последнее число, самое последнее.

Мальчик закрывает глаза, глубоко вдыхает. Хмурится от сосредоточенности. Губы двигаются, но он не произносит ни слова.

Пара птиц усаживается на ветку над ними, воркует, готовится к ночевке.

Ему впервые кажется, что, может, это не просто умный мальчик — умных детей на свете много, — а что-то еще, чему сейчас не удастся подобрать названия. Он протягивает руку и слегка трясет мальчика.

— Ну хватит, — говорит он. — Хватит считать.

Мальчик вздрагивает. Глаза распахиваются, с лица исчезают зачарованность и отстраненность, оно кривится.

— Не трогай меня! — кричит он странным, высоким голосом. — Я из-за тебя забываю! Зачем ты заставляешь меня забывать? Я тебя ненавижу!

— Не хотите, чтобы он ходил в школу, — говорит он Инес, — хотя бы разрешите мне научить его читать. Он уже готов, он мгновенно все усвоит.

В общественном центре Восточных кварталов есть крохотная библиотека — пара полок книг: «Учимся плотницкому делу», «Искусство вязания крючком», «Сто и один летний рецепт» и так далее. Но лицом вниз, с ободранным корешком, под другими книгами, лежит «Иллюстрированный Дон Кихот для детей».

Он победно являет Инес свою находку.

— Кто такой Дон Кихот? — спрашивает она.

— Рыцарь в доспехах, из давних времен. — Он открывает книгу на первой иллюстрации: высокий костлявый мужчина с жидкой бородкой, облаченный в доспехи, верхом на усталой кляче; рядом — низкорослый тип на осле. Перед ними дорога, уходящая вдаль. — Это комедия, — говорит он. — Ему понравится. Никто не тонет, никого не убивают, даже лошадь.

Он усаживается у окна, сажает мальчика к себе на колени.

— Мы с тобой будем вместе читать эту книгу, по странице в день, иногда по две. Сначала я буду читать вслух, а потом вместе пройдем по словам, пойдем, как они выстраиваются одно за другим. Договорились?

Мальчик кивает.

— «Жил да был в Ламанче один человек — Ламанча находится в Испании, откуда происходит испанский язык, — один человек, уже не молодой, но еще не старый, кому однажды взбрело в голову, что он может стать рыцарем. Снял он со стены ржавый доспех, надел его, свистнул своего коня, которого назвал Росинантом, и позвал своего друга Санчо, и сказал ему: “Санчо, я собираюсь на поиски рыцарских приключений — поедешь со мной?”» Видишь, вот тут *Санчо* и вот здесь опять *Санчо*, то же самое слово, начинается с заглавной «С». Попробуй запомнить, как это выглядит.

— А что такое «рыцарские приключения»? — спрашивает мальчик.

— Приключения *кабальеро*, рыцаря. Спасение прекрасных дам, попавших в беду. Сражения с людоедами и великанами. Скоро узнаешь. В этой книге полно рыцарских приключений... «Так вот, Дон Кихот и друг его Санчо...», — видишь, «Дон Кихот», с буквы «К», и опять «Санчо», — «... не успели уехать далеко, как увидели у дороги громадного великана с целыми четырьмя руками, на каждой — по кулаку, и великан угрожающе махал ими перед странниками... “Смотри, Санчо, наше первое приключение, — сказал Дон Кихот. — Пока не одолею этого великана, любому путнику здесь опасно”... Санчо растерянно посмотрел на своего друга... “Я не вижу никакого великана, — сказал он. — Я вижу всего лишь ветряную мельницу с четырьмя крыльями, что крутятся на ветру”».

— Что такое «мельница»? — спрашивает мальчик.

— Смотри на картинку. Вот эти четыре руки — крылья мельницы. Крылья кружат на ветру и так поворачивают колесо, колесо вращает здоровенный

камень внутри, называется жернов, и жернов перемалывает пшеницу в муку, чтобы пекарь мог испечь нам хлеб.

— Но это же на самом деле не мельница, так? — говорит мальчик. — Давай дальше.

— «“Это ты, может, видишь мельницу, Санчо, — сказал Дон Кихот, — но просто оттого, что тебя заколдовала ведьма Маладута. Если бы взоры твои не были замутнены, ты бы увидел великана с четырьмя руками, что стоит у дороги”». Хочешь, скажу, что такое ведьма?

— Я знаю про ведьм. Давай дальше.

— «С этими словами Дон Кихот с копьем наперевес дал шпор Росинанту и бросился на великана. Одной рукой великан без труда выбил у Дона Кихота копьё. “Ха-ха-ха, несчастный рыцарь, — рассмеялся он, — ты и впрямь веришь, что можешь меня одолеть?”... Тогда Дон Кихот обнажил меч и опять перешел в атаку. Но так же легко, вторым кулаком, великан отбросил меч в сторону — вместе с рыцарем и его жеребцом... Росинант поднялся на ноги, а вот Дон Кихот так сильно ударился головой, что она у него слегка кружилась. “Увы, Санчо, — сказал Дон Кихот, — лишь целительный бальзам, приложенный к моим ранам рукою дамы сердца моей, прекрасной Дульсинеи, позволит мне пережить рассвет”. — “Чепуха, ваше благородие, — ответил Санчо, — у вас всего лишь шишка на голове, будете как новенький, стоит только увезти вас от этой мельницы”. — “Не от мельницы, а от великана, Санчо”, — сказал Дон Кихот. “От этого великана”, — сказал Санчо».

— Почему Санчо не сражается с великаном? — спрашивает мальчик.

— Потому что Санчо — не рыцарь. Он не рыцарь, а значит, у него нет ни меча, ни копья, только нож для чистки картофеля. Он может только — и мы с тобой завтра это узнаем — водрузить Дона Кихота на своего осла и доставить в ближайший трактир отдохнуть и восстановить силы.

— Но почему Санчо не стукнет великана?

— Потому что Санчо знает, что великан — это, на самом деле, мельница, а с мельницей воевать не выйдет. Мельница — не живое существо.

— Это не мельница, это великан! Он мельница только на картинке.

Он откладывает книгу.

— Давид, — говорит он. — «Дон Кихот» — необычная книга. Даме из библиотеки, одолжившей нам ее, она кажется простой книгой для детей, но на самом деле она совсем не простая. Она представляет нам мир двумя парами глаз — Дона Кихота и Санчо. Дон Кихот считает, что воюет с великаном. Санчо — что с мельницей. Большинство из нас — вероятно, не ты, но все же большинство из нас — согласится с Санчо: это мельница. Включая и художника, нарисовавшего мельницу. И человека, написавшего эту книгу.

— Кто написал эту книгу?

— Человек по имени Беннгели.

— Он живет в библиотеке?

— Не думаю. Не исключено, однако, я бы сказал, маловероятно. И уж точно я его там не видел. Его легко узнать. Он носит длинные одежды и тюрбан на голове.

— Зачем мы читаем книгу Беннгели?

— Беннгели. Потому что я ее нашел в библиотеке. Потому что думал, она тебе понравится. Потому

что это полезно для твоего испанского. Что еще ты хочешь знать?

Мальчик молчит.

— Давай на этом остановимся и продолжим завтра — следующим приключением Дон Кихота и Санчо. Назавтра я рассчитываю, что ты сможешь найти на странице Санчо с большой буквы «С» и Дон Кихота с «К».

— Это не приключения Дона Кихота и Санчо. Это приключения Дона Кихота.

Глава 19

В порт прибыл крупный сухогруз, который Альваро называет «двуутробным»: у него трюмы в носу и в корме. Грузчики делятся на две бригады. Он, Симон, — в бригаде носового трюма.

Утром первого дня разгрузки он слышит из трюма возню на палубе и визг свистка.

— Это пожарный сигнал, — говорит кто-то из его товарищей. — Быстро выбираемся!

Он чувствует дым уже на трапе вверх. Он валит из кормового трюма.

— Все с борта! — вопит Альваро со своего места на мостике рядом с капитаном. — Все на берег!

Как только все грузчики втянули трапы, корабельная команда захлопнула огромные люки трюмов.

— Тушить огонь не будут? — спрашивает он.

— Они его душат, — отвечает товарищ. — Через час-два погаснет. Но груз погибнет, это точно. Хоть рыбам сбрасывай.

Грузчики собираются на пристани. Альваро делает перекличку.

— Адриано... Агустин... Александр...

— Здесь... Здесь... Здесь... — прилетают ответы.

Тут он добирается до Марциано.

— Марциано... — Молчание. — Кто-нибудь видел Марциано? — Молчание. Из-под закрытого люка в безветренный воздух тянется струйка дыма.

Матросы открывают люк. Их тут же окутывает плотный серый дым.

— Закрывай! — командует капитан и говорит Альваро: — Если ваш человек там, с ним уже кончено.

— Мы его не бросим, — говорит Альваро. — Я спущусь.

— Нет, не спуститесь, пока я команду этим судном.

В полдень кормовой трюм открывают еще раз. Дым такой же густой, как и прежде. Капитан приказывает затопить трюм. Грузчиков распускают.

Он пересказывает события дня Инес.

— А про Марциано мы так наверняка и не узнаем, пока они завтра утром не откачают воду из трюма, — говорит он.

— Чего вы не узнаете про Марциано? Что с ним случилось? — спрашивает мальчик, вмешиваясь в разговор.

— Думается, он уснул. Проявил беспечность и надышался дымом. Если вдохнуть много дыма, ослабешь, голова закружится, и уснешь.

— А потом?

— А потом, боюсь, уже в этой жизни не проснешься.

— Умрешь?

— Да, умрешь.

— Если умер, он отправился в следующую жизнь, — говорит Инес. — Так что не о чем беспокоиться. Пора тебя купать. Пойдем.

— А можно Симон меня искупает?

Давно он не видел мальчика нагишом. Он с удовольствием отмечает, как округлилось его тело.

— Встань, — говорит он и смывает остатки мыла с мальчика, вытирает его полотенцем. — Давай быстро тебя вытрем, и потом сразу наденешь пижаму.

— Нет, — говорит мальчик. — Я хочу, чтобы Инес меня вытирала.

— Он хочет, чтобы вы его вытерли, — докладывает он Инес. — Я ему не гожусь.

Вытянувшись на кровати, мальчик позволяет Инес за собой поухаживать: вытереть между пальцами на ногах, между ног. Большой палец во рту, глаза, одурманенные всепоглощающим удовольствием, лениво следят за Инес.

Она присыпает его тальком, как младенца, помогает надеть пижаму.

Пора спать, но он никак не отцепится от истории с Марциано.

— Может, он не умер, — говорит он. — Можно мы пойдем посмотрим — Инес, ты и я? Я не буду вдыхать дым, честное слово. Можно?

— Нет смысла, Давид. Марциано спасать поздно. А трюм залит водой.

— Не поздно! Я могу нырнуть в воду и спасти его, как тюлень. Я умею плавать где угодно. Я тебе говорил, я же фокусник.

— Нет, мой мальчик, нырять в затопленный трюм слишком опасно, даже фокуснику. Ты можешь там застрять и не выплыть. Кроме того, иллюзионисты не спасают других людей, они спасаются сами.

И ты не тюлень. Ты не учился плавать. Пора тебе уже понять, что люди плавают или делаются фокусниками не одним только желанием. Нужно годами упражняться. И вообще, Марциано не хочет, чтобы его спасали и возвращали к жизни. Марциано обрел покой. Он, вероятно, вот прямо сейчас пересекает моря навстречу следующей жизни. У него будет отличное приключение — начать все заново, чистым. Ему не придется больше работать грузчиком и таскать на плечах тяжелые мешки. Он может быть птицей. Он может быть чем пожелает.

— Или тюленем.

— Птицей или тюленем. Или даже большущим китом. В следующей жизни нет никаких ограничений — будь чем хочешь.

— А мы с тобой пойдем в следующую жизнь?

— Только если умрем. А мы не собираемся умирать. Мы собираемся жить долго.

— Как герои. Герои же не умирают, правда?

— Нет, герои не умирают.

— Нам в следующей жизни придется говорить на испанском?

— Точно нет. С другой стороны, может, придется учить китайский.

— А Инес? Инес тоже пойдет?

— Это ей решать. Но, уверен, если ты пойдешь в следующую жизнь, Инес захочет пойти с тобой. Она тебя очень любит.

— Мы увидим Марциано?

— Несомненно. Однако можем не узнать. Будем думать, что ищем птицу, или тюленя, или кита. А Марциано — Марциано будет думать, что ищет бегемота, а на самом деле — тебя.

— Нет, в смысле настоящего Марциано, в порту. Мы увидим настоящего Марциано?

— Когда трюм осушат, капитан отправит людей вытащить тело Марциано. Настоящего же Марциано среди нас больше нет.

— Можно его увидеть?

— Не настоящего Марциано. Настоящий Марциано для нас невидим. А тело, которое он бросил, уже увезут из порта, когда мы туда придем. Работники все сделают, как только рассветет, пока ты еще будешь спать.

— Куда увезут?

— Похоронить.

— А вдруг он не умер? А вдруг его похоронят, а он не мертвый?

— Этого не случится. Люди, которые хоронят мертвых, могильщики, внимательно следят за тем, чтобы не похоронить кого-нибудь живого. Они слушают, не бьется ли сердце. Слушают, не дышит ли человек. Если слышат хоть малейший стук сердца, человека не хоронят. Так что не волнуйся. Марциано упокоился...

— Нет, ты не понимаешь! Вдруг у него в животе дым, но на самом деле он не мертвый?

— В легких. Мы дышим легкими, а не животом. Если Марциано втянул дым в легкие, он точно умер.

— Это неправда! Ты просто так говоришь! Можно мы пойдем в порт до того, как могильщики приедут? Можно сейчас?

— Сейчас, в темноте? Нет, точно не можем. Чего это ты так захотел повидать Марциано, мой мальчик? Мертвое тело не важно. Душа — вот что важно. Душа Марциано — настоящий Марциано, а эта душа уже на пути в следующую жизнь.

— Хочу увидеть Марциано! Хочу высосать из него дым! Не хочу, чтобы его хоронили!

— Давид, если бы мы могли вернуть Марциано к жизни, высосав дым у него из легких, матросы бы давным-давно так и сделали, честное слово. Моряки — они как мы, исполнены благой волей. Но вернуть к жизни людей высасыванием из легких нельзя — во всяком случае после того, как они умерли. Это один из законов природы. Умер — значит умер. Тело не возвращается к жизни. Только душа живет дальше — душа Марциано, моя, твоя.

— Это неправда! У меня нет души! Я хочу спасти Марциано!

— Я не разрешаю. Мы сходим на похороны Марциано, и на похоронах у тебя, как и у всех остальных, будет возможность поцеловать его на прощанье. Вот так все будет, и точка. Я не собираюсь дальше обсуждать смерть Марциано.

— Ты не можешь мне приказывать! Ты мне не отец! Я спрошу Инес!

— Поверь мне, Инес впотьмах не потащится с тобой в порт. Образумься. Я знаю, ты любишь спасать людей, и это восхитительно, однако иногда люди не хотят, чтобы их спасали. Оставь Марциано в покое. Марциано ушел. Будем помнить с тобой хорошее о нем и отпустим его оболочку. Давай-ка укладываемся, Инес хочет рассказать тебе сказку на ночь.

Когда наутро он появляется на работе, откачка кормового трюма почти закончена. Не проходит и часа, и вот моряки уже спускаются, и вскоре тело погибшего товарища грузчиков, что в молчании смотрят с пристани, поднимают на палубу на носилках.

Альваро произносит краткую речь.

— Через день-другой мы сможем как следует попрощаться с нашим другом, ребята, — говорит он. — А пока работаем как обычно. В трюме нечестивое месиво, и наша задача — убраться.

Остаток дня грузчики проводят в трюме по щиколотку в воде, в едкой вони мокрого пепла. Мешки с зерном полопались все до единого, и грузчикам нужно кидать липкую дрянь лопатами в ведра, передавать их на палубу и там вытряхивать за борт. Это безрадостный труд, на месте смерти все работают молча. Вечером он является к Инес вымотанный и в мрачном настроении.

— Не найдется ли у вас чего-нибудь выпить? — спрашивает он.

— Увы, все закончилось. Я вам заварю чаю.

Мальчик валяется на кровати, с головой ушел в книгу. Марциано забыт.

— Привет, — здоровается он. — Как нынче поживает Дон? Что замышляет?

Мальчик не обращает внимания на вопрос.

— Что тут написано? — спрашивает он, тыкая пальцем. — Тут написано *Aventuras*, с большой «А». Приключения Дона Кихота.

— А вот это слово?

— *Fantástico*, с «f». А вот это слово — помнишь большую «К»? — «Кихот». «Кихот» всегда можно узнать по большой «К». Мне казалось, что ты говорил, будто знаешь буквы.

— Я не хочу читать буквы. Я хочу читать историю.

— Это невозможно. История состоит из слов, а слова — из букв. Без букв не будет истории, не будет Дона Кихота. Нужно знать буквы.

— Покажи мне, которое *fantástico*.

Он помещает указательный палец мальчика поверх слова.

— Вот.

Ногти у мальчика чистые и аккуратно постриженные, а вот его рука, когда-то такая же мягкая и чистая, вся в трещинах, запачканная, грязь въелась глубоко.

Мальчик крепко зажмуривается, задерживает дыхание, распахивает глаза.

— *Fantástico*.

— Отлично. Ты научился опознавать слово *fantástico*. Учиться читать можно двумя способами, Давид. Первый — учить слова по одному, как ты сейчас. Второй, побыстрее, — выучить буквы, из которых состоят слова. Их всего двадцать семь. Выучишь их все — сможешь прочитывать неизвестные слова сам, и не нужно будет каждый раз тебе подсказывать.

Мальчик качает головой.

— Я хочу читать первым способом. Где великан?

— Великан, который на самом деле мельница? — Он листает страницы. — Вот великан. — Помещает указательный палец мальчика на слово *gigante*.

Мальчик закрывает глаза.

— Я читаю пальцами, — объявляет он.

— Не важно, как ты читаешь, — глазами или пальцами, как слепой человек, — главное, чтобы ты читал. Покажи мне «Кихота», с «К».

Мальчик тыкает в страницу.

— Вот.

— Нет. — Он сдвигает палец мальчика в правильное место. — Вот Кихот, с большой «К».

Мальчик капризно вырывает руку.

— Это не настоящее его имя, ты что, не знаешь?

— Может, и не мирское имя, под каким его знают соседи, но это имя, которое он сам для себя выбирает, и под этим именем его знаем мы.

— Это не *настоящее* его имя.

— А какое у него *настоящее* имя?

Мальчик внезапно замыкается.

— Иди, — бормочет он. — Я сам буду читать.

— Хорошо, уйду. Когда образумишься, когда решишь, что хочешь как следует учиться читать, — позови меня. Позови и скажи, какое у Дона *настоящее* имя.

— Не скажу. Это тайна.

Инес занята кулинарными делами. Он уходит, она даже не смотрит на него.

До следующего визита проходит день. Мальчик по-прежнему поглощен книгой. Он пытается заговорить с ним, но мальчик раздраженно цыкает и переворачивает страницу быстрым, хлестким движением, будто у него за спиной лежит змея и может его укусить.

На странице — изображение Дона Кихота, обвязанного веревками, его опускают в яму в земле.

— Хочешь, помогу? Рассказать тебе, что происходит? — спрашивает он.

Мальчик кивает.

Он берет книгу в руки.

— Эта часть называется «Пещера Монтесиноса». Наслушавшись о пещере Монтесиноса, Дон Кихот решил увидеть ее прославленные чудеса своими глазами. Он велел своему другу Санчо и ученому — человек в шляпе, должно быть, тот самый ученый, — опустить его в темную пещеру и терпеливо подождать, пока он не подаст знак поднимать

его... Целый час Санчо с ученым сидели и ждали у входа в пещеру.

— Что такое «ученый»?

— Ученый — человек, который прочел много книг и много чего узнал. Целый час Санчо с ученым сидели и ждали, пока наконец не почувствовали, как дергается веревка, и принялись вытягивать, и вот Дон Кихот выбрался на свет.

— Значит, Дон Кихот не умер?

— Нет, не умер.

Мальчик счастливо вздыхает.

— Хорошо, да? — говорит он.

— Конечно, хорошо. Но почему ты подумал, что он умер? Он Дон Кихот. Он герой.

— Он герой, *а еще* он фокусник. Ты связываешь его веревками и кладешь в ящик, а когда открываешь сундук, его там нет — он сбежал.

— А, ты подумал, что Санчо и ученый связали Дона Кихота? Нет, если бы ты читал книгу, а не разглядывал картинки и угадывал, о чем речь, ты бы узнал, что они на веревках опускали его в пещеру, а не связывали его. Идем дальше?

Мальчик кивает.

— «Дон Кихот любезно поблагодарил друзей. А затем вознаградил их рассказом обо всем, что произошло в пещере Монтесиноса. Три дня и три ночи провел он под землей, сказал он, видел много чудесного, не в последнюю очередь водопады, чьи каскады — не капли воды, а сверкающие алмазы, — а еще шествие принцесс в атласных одеяниях и даже — величайшее чудо из чудес — даму Дульсинею верхом на белом скакуне с украшенной драгоценностями уздечкой, и дама остановилась и

милостиво поговорила с ним... “Но, ваше благородие, — сказал Санчо, — вы наверняка путаете, ибо пробыли под землей не три дня и три ночи, а всего-то час, не более”. — “Нет, Санчо, — сказал Дон Кихот серьезно, — три дня и три ночи не было меня. Если вам это показалось часом, не более, это оттого, что вы задремали, пока ждали, и потеряли счет времени”... Санчо собрался возразить, но потом передумал, вспомнив, каким упрямым бывает Дон Кихот. “Да, ваше благородие, — сказал он, глянув на ученого и подмигнув ему, — вы правы: три полных дня и три полных ночи мы продремали до вашего возвращения. Но, молю, расскажите нам еще о даме Дульсинее и что между вами произошло”... Дон Кихот серьезно оглядел Санчо. “Санчо, — сказал он, — о друг-малOVER, когда же ты поймешь, когда поймешь?” И умолк... Санчо почесал голову. “Ваше благородие, — сказал он, — не стану отрицать, трудно поверить, что вы провели три дня и три ночи в пещере Монтесиноса, когда нам показалось, что прошел всего час; и, не стану отрицать, трудно поверить, что в эту самую минуту прямо под нашими ногами — шествие принцесс и дамы, гарцующие на белоснежных скакунах, и все такое. Так если дама Дульсинее одарила ваше благородие каким-нибудь знаком любви своей — рубином ли, сапфиром ли с уздечки своего коня, — какой могли бы вы показать несчастным малOVERам вроде нас, было бы совсем другое дело”... “Рубин или сапфир, — проговорил Дон Кихот. — Я покажу тебе рубин или сапфир — в доказательство того, что я не лгу”. — “Если можно так выразиться, — сказал Санчо. — Если можно так выразиться”. — “А если покажу тебе оный рубин

или сапфир, Санчо, что тогда?” — “Тогда я паду на колени, ваше благородие, поцелую вам руку и взмолюсь простить, что я смел сомневаться. И я буду вашим верным последователем до конца времен”».

Он закрывает книгу.

— И? — говорит мальчик.

— И ничего. Это конец главы. До завтра больше не будет.

Мальчик берет книгу в руки, открывает на том же месте, где Дон Кихот на веревках, вперяется в напечатанный рядом текст.

— Покажи мне, — говорит он тихонько.

— Что показать?

— Покажи конец главы.

Он показывает конец главы.

— Видишь, вот начинается новая глава, под названием «*Don Pedro y las marionetas*», «Дон Педро и куклы». Пещера Монтесиноса позади.

— Но Дон Кихот показал Санчо рубин?

— Не знаю. Сеньор Бененгели не говорит. Может, да, а может, и нет.

— Но на самом деле у него был рубин? На самом деле он пробыл под землей три дня и три ночи?

— Не знаю. Может, для Дона Кихота время не то же самое, что для нас. Может, для нас — мгновение ока, а для Дона Кихота — эпоха. Но если ты веришь, что Дон Кихот вознесся из пещеры с рубинами в карманах, может, тебе стоит написать свою книгу и там про это рассказать. И тогда мы сможем вернуть книгу сеньора Бененгели в библиотеку и почитать твою. Но, увы, прежде чем писать свою книгу, тебе придется научиться читать.

— Я умею читать.

— Нет, не умеешь. Ты умеешь смотреть на страницу, шевелить губами и сочинять в голове истории, но это не чтение. Когда читаешь по-настоящему — читаешь, что написано на странице. Придется отказаться от собственных фантазий. Придется перестать валять дурака. Придется перестать быть младенцем.

Никогда прежде не говорил он с ребенком так прямо, так резко.

— Я не хочу читать по-твоему, — говорит ребенок. — Я хочу читать по-своему. Жил человек с двойной буждой и тырбырмырпырсыр нуждой, когда верхом, то он был конь, когда пешком, то он был понь.

— Это сплошь чепуха. Нет никакого поня. Дон Кихот — это не чепуха. Нельзя выдумывать чепуху и делать вид, что ты это вычитал.

— Можно! Это не чепуха, и я умею читать! Это не твоя книга, а моя! — И он хмуро и яростно листает дальше.

— А вот и нет. Это книга сеньора Бененгели, он подарил ее миру, и принадлежит она всем нам — в одном смысле нам всем, а в другом — библиотеке, но не тебе одному в любом смысле. И перестань рвать страницы. Ты почему так грубо с книгой обращаешься?

— Потому. Потому что если я не поспешу, будет дыра.

— Где будет дыра?

— Между страницами.

— Чепуха. Между страницами дыр не бывает.

— Дыра есть. Она внутри страницы. Ты не видишь, потому что ты вообще ничего не видишь.

— Прекратить немедленно! — говорит Инес.

На миг он думает, что это она ребенку. На миг он думает, что наконец-то она собралась отчитать ребенка за упрямство. Но нет, это его она прожигает взглядом.

— Я думал, вы хотите, чтобы он научился читать, — говорит он.

— Не ценой вот такой перебранки. Найдите другую книгу. Найдите книгу попроще. Этот «Дон Кихот» ребенку труден. Верните ее в библиотеку.

— Нет! — Ребенок крепко вцепляется в книгу. — Не отдам! Это моя книга!

Глава 20

С тех пор как Инес въехала в квартиру, та утратила свой некогда аскетичный вид. Вообще-то даже стала захлавленной — не только из-за обильного имущества Инес. Хуже всего в углу возле кровати мальчика, где стоит картонная коробка, набитая предметами, которые он собирает и приносит в дом: камешки, сосновые шишки, увядшие цветы, кости, ракушки, глиняные черепки и железяки.

— Не пора ли выбросить этот хлам? — спрашивает он.

— Это не хлам, — говорит мальчик. — Это вещи, которые я спасаю.

Он слегка пинает коробку.

— Это мусор. Нельзя спасти все, на что натыкаешься.

— Это мой музей, — говорит мальчик.

— Куча старого хлама — это не музей. У вещей должна быть какая-то ценность, тогда они попадают в музей.

— Что такое «ценность»?

— Если у вещи есть ценность, это означает, что люди в целом дорожат ею и все считают, что эта вещь ценна. Старая битая чашка не имеет ценности. Ею никто не дорожит.

— Я ею дорожу. Это мой музей, а не твой.

Он смотрит на Инес.

— Вы это благословляете?

— Оставьте его в покое. Он говорит, что ему жалко старые вещи.

— Нельзя жалеть старую чашку без ручки.

Мальчик смотрит на него непонимающе.

— У чашки нет чувств. Если ее выкинуть, ей будет все равно. Она не обидится. Если тебе жалко старую чашку, можешь заодно пожалеть... — он отчаянно озирается по сторонам, — небо, воздух, землю под ногами. Все можешь пожалеть.

Мальчик продолжает тарашиться.

— От вещей никто не ждет, что они будут вечные, — говорит он. — У всякой вещи — свой естественный срок. У той старой чашки была славная жизнь, а теперь ей пора на покой, уступить место новой чашке.

На лице у мальчика появляется упрямство, с каким он теперь хорошо знаком.

— Нет! — говорит он. — Пусть она будет у меня! Я тебе не дам ее забрать! Она моя!

Инес уступает ему по всем фронтам, и мальчик мнит о себе все больше. Ни дня не проходит без спора, без криков и топанья ногами.

Он подталкивает ее отдать его в школу.

— Эта квартира делается ему мала, — говорит он. — Ему необходима встреча с миром. Ему нужны

горизонты пошире. — Но она продолжает упорствовать.

— Откуда берутся деньги? — спрашивает мальчик.

— Зависит от того, какие деньги ты имеешь в виду. Монеты делаются на монетном дворе.

— Ты на монетном дворе деньги получаешь?

— Нет, я получаю деньги от казначея в порту. Ты сам видел.

— Почему ты не ходишь на монетный двор?

— Потому что там деньги не раздают просто так. За них надо трудиться. Их надо зарабатывать.

— Почему?

— Потому что так устроен белый свет. Если б ради денег нам не приходилось трудиться, если бы монетный двор просто раздавал всем деньги, в них бы не было никакой ценности.

Он берет мальчика на футбольный матч и платит у турникета.

— Почему надо платить? — спрашивает мальчик. — Раньше не нужно было.

— Это игра чемпионата, последняя в сезоне. В конце игры победители получают торт и вино. Кто-то должен собрать деньги, чтобы купить торт и вино. Если пекарь не получит деньги за торт, он не сможет купить муку, сахар и масло для следующего торта. Такое правило: хочешь торт — плати за него. И то же с вином.

— Почему?

— Почему? Вот тебе ответ на все твои «почему», прошлые, настоящие и будущие: *потому что так устроен белый свет*. Он не для нашего удобства сделан, мой юный друг. Это нам надо к нему приспособиваться.

Мальчик открывает рот, чтобы ответить. Он быстро прижимает палец к его губам.

— Нет, — говорит он. — Больше никаких вопросов. Молчи и смотри футбол.

После игры они возвращаются в квартиру. Инес занята у плиты, в воздухе висит запах горелой пищи.

— Ужин! — кричит она. — Идите мыть руки!

— Мне уже пора, — говорит он. — До свиданья, до завтра.

— Вам надо идти? — говорит Инес. — Не хотите остаться и посмотреть, как он ужинает?

Стол накрыт на одного — на маленького принца. Инес перекладывает из сковородки ему в тарелку две тощие сосиски. Аркой вокруг она размещает половинки вареного картофеля, кружкИ моркови, головки цветной капусты, капает на все это жиром со сковородки. Боливар, спавший все время у открытого окна, встает со своего места и бредет поближе.

— Мм, сосиски! — говорит мальчик. — Сосиски — лучшая еда.

— Давно я не видал сосисок, — говорит он Инес. — Где вы их купили?

— Диего добыл. Он дружит кое с кем в кухне «Ла Резиденсии».

Мальчик режет сосиски на кусочки, режет картошку, энергично жует. Его, похоже, ничуть не беспокоит, что над ним стоят двое взрослых, а на коленях у него — голова пса, который следит за каждым его движением.

— Морковь не забудь, — говорит Инес. — От нее видишь в темноте.

— Как кошка, — говорит мальчик.

— Как кошка, — говорит Инес.

Мальчик ест морковь.

— А от цветной капусты что? — спрашивает он.

— Цветная капуста полезна для здоровья.

— Цветная капуста полезна для здоровья, а от мяса делаешься сильный, да?

— Правильно, от мяса делаешься сильный.

— Мне пора, — говорит он Инес. — От мяса делаешься сильный, но вы бы подумали, прежде чем давать ему сосиски.

— Почему? — говорит мальчик. — Почему Инес надо подумать?

— Потому что неизвестно, что они кладут в сосиски. То, что идет на сосиски, не всегда полезно.

— А что идет на сосиски?

— Ну а ты как думаешь?

— Мясо.

— Да, но какое мясо?

— Кенгуриное.

— Не глупи.

— Слоновье.

— Они кладут свиное мясо в сосиски — не всегда, но иногда, а свиньи — нечистые животные. Они не едят траву, как овцы или коровы. Они едят все, на что набредут. — Он поглядывает на Инес. Она смотрит на него, поджав губы. — Они, к примеру, едят кашки.

— Из унитаза?

— Нет, не из унитаза. Но если они натыкаются в поле на кашку, они ее едят. Не задумываясь. Они всеядные, а это значит, что едят они всё подряд. Даже друг дружку.

— Это неправда, — говорит Инес.

— В сосисках — кашки? — спрашивает мальчик. Откладывает вилку.

— Он говорит чепуху, не слушай его, нет у тебя в сосиске кашек.

— Я не говорю, что у тебя в сосиске прямо кашка, — говорит он. — Но в ней есть кашное мясо. Свины — нечистые животные. Свинына — кашное мясо. Но это мое мнение. Не все с ним согласятся. Решай сам.

— Я не хочу больше, — говорит мальчик и отодвигает тарелку в сторону. — Пусть Боливар доест.

— Доедай — получишь шоколадку, — говорит Инес.

— Нет.

— Надеюсь, вы собой довольны, — напускается на него Инес.

— Это вопрос гигиены. Нравственной гигиены. Едите свинину — становитесь свиной. Отчасти. Не целиком, но отчасти. В вас есть свинья.

— Вы сумасшедший, — говорит Инес. Обращается к мальчику: — Не слушай его, он сошел с ума.

— Я не сумасшедший. Это называется пресушествление. Почему еще, вы думаете, есть людоеды? Людоед — это человек, который относится к пресушествлению серьезно. Едим другого человека — воплощаем этого человека. Вот во что верят людоеды.

— Что такое людоед? — спрашивает мальчик.

— Людоеды — дикари, — говорит Инес. — Не тревожься, тут их нет. Людоеды — это легенда.

— Что такое легенда?

— Это история стародавних дней, которая теперь не правда.

— Расскажите мне легенду. Хочу легенду. Расскажи мне легенду о трех братьях. Или о братьях на небе.

— Я не знаю о братьях на небе. Доедай ужин.

— Не хотите рассказывать о братьях, расскажите о Красной Шапочке, — говорит он. — Расскажите, как волк заглатывает бабушку девочки и превращается в бабушку, волка-бабушку. Пресуществлением.

Мальчик встает, соскребает еду с тарелки в собачью миску и кладет тарелку в мойку. Собака заглатывает сосиски.

— Я буду спасателем, — объявляет мальчик. — Диего собирается учить меня в бассейне.

— Отлично, — говорит он. — А еще кем собираешься быть, кроме спасателя, иллюзиониста и фокусника?

— Никем. Это все.

— Вытаскивать людей из воды, ускользать из ящичков и показывать фокусы — это все удовольствие, а не карьера, не труд жизни. Как ты планируешь зарабатывать на жизнь?

Мальчик бросает взгляд на мать, словно ища подсказки. Затем говорит увереннее:

— Мне не надо зарабатывать на жизнь.

— Нам всем надо зарабатывать на жизнь. Такова людская доля.

— Почему?

— *Почему? Почему? Почему?* Так приличный разговор не ведут. Как ты собираешься питаться, если все время будешь спасать людей, вырываться из цепей и отказываться работать? Где будешь брать еду, которая делает тебя сильным?

— В магазине.

— Ты пойдешь в магазин, и тебе там дадут еду. Просто так.

— Да.

— И что же будет, если люди придут в магазин и заберут всю еду просто так? Что будет, когда магазин опустеет?

Безмятежно, со странной улыбочкой на губах, мальчик отвечает:

— Почему?

— Что «почему»?

— Почему магазин опустеет?

— Потому что, если есть икс батонов хлеба, и ты отдал из них все просто так, у тебя не останется ни батонов, ни денег, на которые закупить еще батонов. Потому что икс минус икс равно ноль. Равно ничто. Равно пустота. Равно пустой желудок.

— Что такое икс?

— Икс — любое число, от десяти до ста или до тысячи. Если у тебя есть что-то, а ты отдал это, у тебя этого больше нет.

Мальчик зажмуривается и странно гримасничает. А потом начинает хихикать. Он хватается за материну юбку, зарывается лицом ей в бедро и смеется, смеется, пока у него лицо не краснеет.

— Что такое, милый? — говорит Инес. Но мальчик не перестает смеяться. — Лучше уйдите, — говорит Инес. — Вы его расстраиваете.

— Я его просвещаю. А если бы вы отправили его в школу, отпала бы необходимость в таких домашних уроках.

Мальчик подружился со стариком из Корпуса «Е», у того на крыше голубятня. Судя по почтовому ящику в фойе, его зовут Паламаки, но мальчик зовет его сеньором Паломой — господином Голубкой. Сеньор Палома разрешает мальчику кормить голубей с

рук. Он даже дает ему личного голубя — белоснежную птицу, которую мальчик называет Бланко.

Бланко — спокойная, даже вялая птица, позволяет мальчику сажать себя на запястье — иногда и на плечо — и так с собой гулять. Голубь не выказывает никакого желания улететь — да и вообще никакого желания летать.

— Мне кажется, у Бланко повреждены крылья, — говорит он мальчику. — Если так, понятно, почему он не летает.

— Нет, — говорит мальчик. — Смотри! — Он подбрасывает птицу в воздух. Она томно машет крыльями, делает круг-другой, после чего усаживается обратно на плечо мальчика и охорашивается.

— Сеньор Палома говорит, что Бланко умеет доставлять записки, — говорит мальчик. — Он говорит, если потеряюсь, я могу привязать записку к лапке Бланко, Бланко прилетит домой, и сеньор Палома придет и найдет меня.

— Сеньор Палома очень добр. Ты уж, пожалуйста, носи с собой карандаш, бумажку и нитку, чтобы привязать записку к лапке Бланко. А что ты напишешь? Покажи, что напишешь, когда захочешь, чтобы тебя спасли.

Они проходят по пустой игровой площадке. В песочнице мальчик садится на корточки, разглаживает песок и начинает писать пальцем. Он читает из-за его плеча: «О», потом «Е», потом значок, который он не может разобрать, затем опять «О», потом «Х», еще раз «Х».

Мальчик встает.

— Читай, — говорит он.

— Мне трудно. Это по-испански?

Мальчик кивает.

— Нет, сдаюсь. Что тут написано?

— Тут написано: «Иди за Бланко, Бланко мой лучший друг».

— Ну конечно. Когда-то Фидель был твоим лучшим другом, а до этого — Эль Рей. Как получилось, что Фидель больше тебе не друг, а его место заняла птица?

— Фидель для меня слишком старый. Фидель грубый.

— Я никогда не видел, чтобы Фидель был груб. Это тебе Инес сказала, что он грубый?

Мальчик кивает.

— Фидель — милейший мальчик. Мне он нравится, и тебе тоже раньше нравился. Я тебе вот что скажу. Фиделю обидно, что ты с ним больше не играешь. По-моему, ты поступаешь с Фиделем плохо. Это ты, вообще-то, с ним груб. По-моему, тебе лучше меньше водиться на крыше с сеньором Паломой и больше — с Фиделем.

Мальчик гладит птицу. Выговор принят без возражений. Или, может, он просто пропускает сказанное мимо ушей.

— Более того, думаю, тебе стоит сказать Инес, что тебе пора в школу. Настаивай на этом. Я знаю, что ты очень умный и сам научился читать и писать, но в настоящей жизни тебе придется писать, как другие люди. Нет смысла отправлять Бланко с сообщением, привязанным к лапке, если его никто не сможет прочесть — даже сеньор Палома.

— Я могу его прочесть.

— Ты можешь, потому что ты же его и написал. Но вся соль записки в том, чтобы другие люди тоже могли ее прочесть. Если потеряешься и пошлешь записку сеньору Паломе, чтобы он пришел и спас

тебя, ему нужно разобрать, что ты написал. Иначе придется тебе привязать к лапке Бланко себя самого, и пусть он несет тебя домой.

Мальчик смотрит на него растерянно.

— Но... — говорит он. А потом понимает, что это шутка, и они оба хохочут и никак не могут остановиться.

Они на детской площадке Восточных кварталов. Он качает ребенка на качелях — так высоко, что тот вопит от страха и удовольствия. А теперь гаснут последние сумерки, они сидят рядом, стараются отдышаться, пьют воду.

— А у Инес в животе могут получиться близнецы? — спрашивает мальчик.

— Конечно, могут. Это не очень обычно, однако возможно.

— Если у Инес будут близнецы, я смогу быть третьим братом. Близнецы всегда должны быть вместе?

— Нет, не должны, но обычно склонны. Близнецы от природы любят друг друга, как звездные близнецы. Будь оно иначе, они бы разбрелись и потерялись в небесах. Но их взаимная любовь держит их вместе. И будет держать до скончания веков.

— Но они же не вместе — звездные близнецы, не по-настоящему вместе.

— Верно, они не привязаны друг к другу в небе, между ними есть малюсенький зазор. Так устроено в природе. Вот, к примеру, возлюбленные. Если бы возлюбленные были все время крепко привязаны друг к другу, им бы уже не нужно было друг друга любить. Они бы стали единым целым. И нечего бы им было желать. Поэтому в природе есть зазоры.

Если бы все было плотно пригнано одно к другому, все во вселенной, не было бы ни тебя, ни меня, ни Инес. Мы бы сейчас не разговаривали, была бы тишина — единство и тишина. И поэтому, в целом, хорошо, что есть зазоры, что мы с тобой — двое, а не один.

— Но мы же можем упасть. Упасть в зазор. В трещину.

— Зазор — это не то же самое, что трещина, мой мальчик. Зазоры — часть природы, часть того, как все устроено. В зазор нельзя упасть и пропасть. Этого просто не случается. Трещина — другое дело. Трещина — разлом в природном устройстве. Ты все говоришь, что нам надо обходить трещины, но что они, эти трещины? Где между нами трещина? Покажи.

Мальчик молчит.

— Близнецы в небе — как близнецы на земле. А еще они как числа. — Может, для ребенка это все слишком сложно? Вероятно. Однако мальчик впитает его слова — нужно на это надеяться, — впитает их, обдумает и, быть может, начнет видеть в них смысл. — Как один и два. Один и два — не одно и то же, между ними есть разница, и это зазор, но не трещина. Благодаря зазорам мы можем считать — перейти от одного к двум и не бояться упасть.

— Можно мы когда-нибудь пойдем их повидать — близнецов в небе? На корабле — можно?

— Думаю, да, — если найдем подходящее судно. Но туда добираться долго. Близнецы очень далеко. Никто никогда их не навещал — по крайней мере, я о таком не слышал. Вот эта, — он топает, — единственная звезда, которую мы, люди, когда-либо посещали.

Мальчик смотрит на него растерянно.

— Это не звезда, — говорит он.

— Звезда. Она просто так не выглядит вблизи.

— Она не светится.

— С близкого расстояния ничего не светится.

А издали все светится. Ты светишься. Я свечусь.

А звезды и подавно.

Мальчику, похоже, это нравится.

— Все звезды — это числа? — спрашивает он.

— Нет. Я говорил, что близнецы — как звезды, но это просто так говорится. Нет, звезды — не числа. Звезды и числа — довольно разные вещи.

— Мне кажется, звезды — числа. Думаю, вон та — 11. — Он тыкает пальцем в небо. — А вон та — 30, а вон та — 33333.

— А, в смысле, можем ли мы присвоить каждой звезде номер? Да, так их можно определять, но это очень скучно, не вдохновенно. Думаю, лучше давать им собственные имена — Медведица, Вечерняя звезда, Близнецы.

— Нет, глупый, я сказал, что любая звезда — это число.

Он качает головой.

— Любая звезда — не число. Звезды в некотором смысле — они как числа, однако в основном они совсем на числа не похожи. Например, звезды рассыпаны по всему небу хаотично, а числа — они как флотилия кораблей, плывущих порядком, и каждый знает свое место.

— Они могут умереть. Числа могут умереть. Что с ними происходит, когда они умирают?

— Числа не могут умереть. Звезды не могут умереть. Звезды бессмертны.

— Числа *могут* умереть. Звезды могут упасть с неба.

— Неправда. Звезды не могут упасть с неба. Те, которые как будто падают, падающие звезды, — не настоящие. А числа — если б числа выпадали из порядка, возникла бы трещина, разлом, а с числами не так. Между числами никогда не бывает трещины. Ни одно число никогда никуда не пропадает.

— Есть трещина! Ты не понимаешь! Ты ничего не помнишь! Число может упасть с неба, как Дон Кихот, когда он упал в трещину.

— Дон Кихот в трещину не падал. Он спустился в пещеру по лестнице, сделанной из веревки. И вообще Дон Кихот тут ни при чем. Он ненастоящий.

— Настоящий! Он герой!

— Прости. Я не это хотел сказать. Конечно, Дон — герой, и конечно, он настоящий. Я хотел сказать вот что: с людьми такое, как с ним, больше не случается. Люди живут себе от начала жизни до ее конца и в трещины не падают.

— Падают! Они падают в трещины, и их больше не видно, потому что они не могут вылезти. Ты сам говорил.

— Теперь ты путаешь трещины и ямы. Ты думаешь, что люди умирают и их хоронят в могилах — в ямах в земле. Могилу делают могильщики при помощи лопат. Это вполне естественно, в отличие от трещины.

Шуршит одежда, и из темноты возникает Инес.

— Я вас зову-зову, — говорит она сердито. — Меня хоть кто-нибудь слышит вообще?

Глава 21

Он приходит в следующий раз, стучит в дверь квартиры, дверь распахивает мальчик — он раскраснелся и возбужден.

— Симон, представляешь! — кричит он. — Мы видели сеньора Дагу! У него волшебная ручка! Он мне показал!

Он почти забыл про Дагу — человека, унизившего Альваро и портового казначея.

— Волшебная ручка! — говорит он. — Интересно. Можно я войду?

Подходит непререкаемый Боливар и обнюхивает ему промежность. Инес склонилась над шитьем: у него возникает мимолетное неприятное видение, какой она будет старухой. Она поясняет, не здороваясь:

— Мы были в городе, в *Асистенсии*, брали пособие на ребенка, и там был этот человек, ваш дружок.

— Он мне не дружок. Я с ним и парой слов не обмолвился.

— У него волшебная ручка, — говорит мальчик. — Внутри там дама, и ты думаешь, что она картинка, а она нет, это настоящая дама, малюсенькая-малюсенькая дама, а если ручку перевернуть, с дамы падает одежда, и она вся голая.

— Мм. А еще что сеньор Дага тебе показал, кроме малюсенькой дамы?

— Он сказал, что он не виноват, что Альваро порезался. Он сказал, что Альваро первый начал. Он сказал, что Альваро виноват.

— Люди всегда так говорят. Всегда первый начал кто-то другой. Всегда кто-то другой виноват. Сеньор

Дага не сказал тебе случайно, что стало с тем велосипедом, который он забрал?

— Нет.

— Ну вот в следующий раз увидите — спроси у него. Спроси, кто виноват, что у казначея нет велосипеда и он вынужден теперь везде ходить пешком.

Молчание. Его удивляет, что Инес нечего сказать о мужчинах, которые отводят мальчиков в сторону и показывают им авторучки с голыми дамами внутри.

— Кто виноват? — спрашивает мальчик.

— В смысле?

— Ты сказал, что всегда кто-то виноват. Это сеньор Дага виноват?

— Что велосипеда больше нет? Да, это он виноват. Но, когда я сказал, что всегда кто-то виноват, я говорил в общем. Когда что-то идет не так, мы сразу говорим, что это не мы виноваты. Мы так считали от начала времен. Оно будто вшито в нас, часть нашей природы. Никогда мы не готовы признать вину.

— Это я виноват? — спрашивает мальчик.

— В чем? Нет, не ты. Ты — всего лишь ребенок, в чем ты тут можешь быть виноват? И все же я считаю, что тебе лучше держаться от сеньора Даги подальше. Он не лучший образец для молодого человека. — Он говорит медленно и серьезно: предупреждение это адресовано в равной мере и Инес, и мальчику.

Через несколько дней, выбравшись из трюма в порту, он с удивлением видит на пристани Инес собственной персоной — она увлеченно беседует с Альваро. Сердце у него екает. Она никогда прежде не появлялась в порту: наверняка скверные новости.

— Мальчик пропал, — говорит Инес, — его украл сеньор Дага. — Она позвонила в полицию, но те не

будут помогать. Никто не поможет. Должен Альваро — и Симон. Нужно найти Дагу — это вряд ли трудно, он же работает с ними — и вернуть ей ребенка.

Женщины — зрелище в порту редкое. Рабочие поглядывают с любопытством на расстроенную даму с растрепанными волосами, в городской одежде.

Постепенно они с Альваро вытягивают из нее всю историю. Очередь в *Асистенцию* была долгой, мальчик маялся, сеньор Дага оказался там, предложил купить мальчику мороженое, а потом не успела она оглянуться, как их обоих не стало, словно исчезли с лица земли.

— Но как вы могли отпустить его с таким человеком? — негодует он.

Она отмечает вопрос, решительно тряхнув головой.

— Взрослеющему мальчику нужен в жизни мужчина. Не может же он все время быть с матерью. И я решила, что он приятный мужчина. Я думала, он искренен. Давида зачаровала его сережка. Он тоже хочет сережку.

— Вы сказали, что купите ему такую?

— Я сказала ему, что он может носить сережку, когда подрастет, не сейчас.

— Я вас оставлю потолковать, — говорит Альваро. — Позовете, если понадобится.

— А вы-то как это допустили? — спрашивает он, когда они остаются одни. — Как вы могли доверить ребенка этому человеку? Может, вы что-то недоговариваете? Может, он и вас зачаровал — золотыми серьгами и голыми дамами в авторучках?

Она делает вид, что не слышит.

— Я ждала-ждала, — говорит она. — А потом поехала на автобусе домой — подумала, может, они вернулись туда. Но я их там не нашла, позвонила брату, он сказал, что свяжется с полицией, но потом перезвонил и сказал, что полиция не поможет, потому что я... потому что у меня нет нужных бумаг на Давида.

Она умолкает, пристально смотрит вдаль.

— Он мне сказал... — говорит она, — он сказал мне, что подарит мне дитя. Он не говорил мне... он не сказал мне, что дитя у меня заберет. — Тут она вдруг принимается беспомощно рыдать. — Он не сказал мне... он не сказал...

Его гнев не угасает, но сердце все равно рвется к ней. Не обращая внимания на грузчиков, он обнимает ее. Она плачет у него на плече.

— Он не сказал мне...

Он сказал мне, что подарит мне дитя. С ума сойти.

— Пойдемте, — говорит он. — Пойдемте, где уединенно. — Он заводит ее за сарай. — Послушайте меня, Инес. Давиду ничто не угрожает, я уверен. Дага не посмеет ничего с ним сделать. Возвращайтесь домой и ждите там. Я выясню, где живет Дага, и навещу его. — Он умолкает. — Что он имел в виду, сказав, что подарит вам дитя?

Она высвобождается из его объятий. Плач утихает.

— А что, по-вашему, это может значить? — спрашивает она, в голосе слышится жесткость.

Полчаса спустя он уже в Центре переселения.

— Мне срочно нужны кое-какие данные, — говорит он Ане. — Вы знаете человека по имени Дага?

Ему за тридцать, носит сережку. Недолго поработал в доках.

— Почему вы спрашиваете?

— Потому что мне надо с ним поговорить. Он забрал Давида у его матери и скрылся. Если вы мне не поможете, придется обратиться в полицию.

— Его зовут Эмилио Дага. Его все знают. Он живет в Городских кварталах. По крайней мере, там зарегистрирован.

— Где именно в Городских кварталах?

Она уходит в картотечное хранилище и возвращается с клочком бумаги, на котором адрес.

— Когда в следующий раз зайдете, — говорит она, — расскажите, как вы нашли его мать. Я бы хотела знать, если у вас будет время.

Городские кварталы — самый вожделенный комплекс, обслуживаемый Центром. Адрес, выданный Аной, — квартира на верхнем этаже главного корпуса. Он стучит. Дверь открывает привлекательная молодая женщина, густо накрашенная, ее покачивает на высоких каблуках. Вообще-то и не женщина совсем — он сомневается, есть ли ей и шестнадцать.

— Я ищу человека по имени Эмилио Дага, — говорит он. — Здесь ли он?

— А то, — говорит девушка. — Заходите. Вы за Давидом пришли?

Внутри все пахнет табачным перегаром. Дага, облаченный в хлопковую футболку и джинсы, босой, сидит лицом к большому окну с видом на город и закат. Он разворачивается на стуле, приветственно скидывает руку.

— Я пришел за Давидом, — говорит он.

— Он в спальне, смотрит телевизор, — говорит Дага. — Вы дядя? Давид! Твой дядя пришел!

Мальчик выбегает из соседней комнаты очень воодушевленный.

— Симон, иди, смотри! Это Мики-Маус! У него собака по имени Платон, он ведет поезд, а индейцы стреляют по нему стрелами. Скорей!

Он не обращает внимания на мальчика, говорит Даге:

— Его мать с ума сходила от беспокойства. Как вы могли так поступить?

Он никогда не видел Дагу так близко. Неукротимая шевелюра, копна золотых кудрей оказывается грубой и сальной. В футболке дыра под мышкой. К своему удивлению, он Даги не боится.

Дага не встает.

— Успокойтесь, *viejo*, — говорит он. — Мы прекрасно провели время. Потом малец поспал. Спал как бревно, словно ангел. А теперь смотрит детскую программу. Что за беда?

Он не отвечает.

— Давид, идем! — говорит он. — Нам пора. Попрощайся с сеньором Дагой.

— Нет! Я хочу смотреть Мики-Мауса!

— В другой раз посмотришь Мики, — говорит Дага. — Честно. Мы его придержим специально для тебя.

— А Платона?

— И Платона. И Платона мы тоже придержим, правда, милая?

— А то, — говорит девушка. — Мы запрем его в мышиный ящик до следующего раза.

— Пошли, — говорит он ребенку. — Твоя мама ужас как изволновалась.

— Она мне не мама.

— Конечно, мама. Она тебя очень любит.

— Кто она, юноша, коли не мама? — спрашивает Дага.

— Она просто дама. У меня нет мамы.

— Есть у тебя мама. Инес твоя мама, — говорит он, Симон. — Давай руку.

— Нет! У меня нет ни мамы, ни отца. Я просто есть.

— Чепуха. У нас у всех есть мама. И у всех есть отец.

— У тебя есть мама? — спрашивает мальчик у Даги.

— Нет, — говорит Дага. — И у меня нет мамы.

— Видишь! — торжествующе говорит мальчик. — Я хочу с тобой остаться, я не хочу к Инес.

— Иди сюда, — говорит Дага. Мальчик трусит к нему. Дага сажает его к себе на колени. Мальчик прижимается к его груди, сует большой палец в рот. — Хочешь со мной остаться? — Мальчик кивает. — Хочешь жить со мной и Фрэнни, втроем? — Мальчик кивает. — Тебе нормально, милая, если Давид будет жить с нами?

— А то, — говорит девушка.

— Он не может выбирать, — говорит он, Симон. — Он всего лишь ребенок.

— Вы правы. Он просто ребенок. Должны решать его родители. Но, как вы слышали, у него нет родителей. Как же мы поступим?

— У Давида есть мать, которая его любит не меньше любой матери на свете. Я, хоть и не отец ему, тоже о нем пекусь. Пекусь о нем, опекаю его и попечительствую ему. Он пойдет со мной.

Дага выслушивает эту краткую речь молча, а затем, к его удивлению, улыбается ему — довольно приятно улыбается, обнажая превосходные зубы.

— Это хорошо, — говорит он. — Забирайте его к его даме-маме. Скажите, что ему было хорошо. Скажите, что со мной ему ничто не угрожает. Тебе же со мной ничто не угрожает, да?

Мальчик кивает, палец по-прежнему во рту.

— Славно — тогда, думаю, тебе пора к этому господину-хранителю. — Он снимает с себя ребенка. — Приходи скорее опять. Обещаешь? Приходи смотреть Мики.

Глава 22

— Почему надо все время говорить по-испански?

— Надо же на каком-то языке разговаривать, мой мальчик, иначе придется лаять или выть, как животные. А раз нам надо разговаривать на каком-то языке, лучше на одном и том же. Разумно?

— Но почему испанский? Терпеть не могу испанский.

— Неправда, можешь ты терпеть испанский. Ты хорошо говоришь по-испански. У тебя испанский лучше моего. Ты просто упрямисься. На каком языке ты хочешь говорить?

— Я хочу говорить на моем личном языке.

— Нет такого — личный язык.

— Есть! *Ла ла фа фа ям йин ту ту.*

— Это белиберда. Она ничего не означает.

— Означает. Для меня означает.

— Может, оно и так, но для меня она не означает ничего. Язык должен что-то значить и для меня, и для тебя, иначе он не считается языком.

Жестом, который он наверняка подцепил от Инес, мальчик пренебрежительно вскидывает голову.

— Ла ла фа фа ям йин! Смотри на меня!

Он смотрит мальчику в глаза. На краткий миг он что-то там видит. У этого нет названия. *Это как* — вот что до него доходит в этот миг. Словно рыба, что вырывается, когда пытаешься ее удержать. Но не как рыба — нет, как *как рыба*. Или как *как как рыба*. До бесконечности. Но вот миг улетел, и он попросту молчит и смотрит.

— Видел? — говорит мальчик.

— Не знаю. Погоди, у меня голова кружится.

— Я вижу, что ты думаешь! — говорит мальчик с торжествующей улыбкой.

— Нет, не видишь.

— Ты думаешь, что я могу колдовать.

— Вовсе нет. Ты понятия не имеешь, что я думаю. Теперь внимание. Я собираюсь сказать кое-что о языке, серьезное, и хочу, чтобы ты проникся этим до глубины души... Каждый прибывает в эту страну чужаком. Я прибыл чужаком. Ты прибыл чужаком. Инес и ее братья когда-то были чужаками. Мы прибыли из разных мест, из разного прошлого, мы искали новой жизни. Но теперь мы все в одной лодке, вместе. И нам приходится ладить друг с другом. Ладить можно при помощи общего языка. Такое правило. Оно хорошее, и мы должны ему подчиняться. Не просто подчиняться, а подчиняться от души, не как мул, который упирается копытами. От души, по доброй воле. Если откажешься, если будешь говорить грубости про испанский и настаивать на своем личном языке — окажешься в личном мире. Там не будет друзей. Тебя будут чураться.

— Что такое «чураться»?

— Тебе негде будет голову преклонить.

— У меня все равно нет друзей.

— Это изменится, как только ты пойдешь в школу. В школе заведешь много новых друзей. Да и есть у тебя друзья. Фидель и Элена тебе друзья. Альваро тебе друг.

— И Эль Рей мне друг.

— И Эль Рей тоже тебе друг.

— И сеньор Дага.

— Сеньор Дага тебе не друг. Сеньор Дага пытается тебя искусить.

— Что такое «искусить»?

— Он пытается увлечь тебя прочь от матери Мики-Маусом и мороженым. Помнишь, как ты заболел от того мороженого, которое он тебе дал?

— Он и огненную воду мне давал.

— В смысле — огненную воду?

— У меня от нее горло жгло. Он говорит, что это лекарство, когда мутно.

— Сеньор Дага носит это лекарство в серебряной фляжечке в кармане?

— Да.

— Пожалуйста, больше никогда не пей из той фляжки, Давид. Это, может, и лекарство, но для взрослых, для детей оно нехорошее.

Он не докладывает Инес про огненную воду, но рассказывает Элене.

— Он оказывает на мальчика влияние, — говорит он ей. — Я не могу с ним тягаться. Он носит серьги, при нем нож, он пьет огненную воду. У него хорошенькая девушка. У него есть Мики-Маус в ящике. Ума не приложу, как образумить мальчика. Инес тоже под чарами этого человека.

— А чего ты ждал? Посмотри на это ее глазами. Она в возрасте, когда женщина без детей — без своих детей — начинает тревожиться. Это вопрос биологии. Она в восприимчивом состоянии, биологически говоря. Удивляюсь, как ты этого не чувствуешь.

— Я так на Инес не смотрю — биологически.

— Ты слишком много думаешь. А тут вообще не в думанье дело.

— Я не понимаю, зачем Инес еще один ребенок, Элена. У нее есть мальчик. Он достался ей в дар, из ниоткуда, просто-напросто подарок. Такого подарка должно быть достаточно любой женщине.

— Да, но он не ее природный ребенок. Она этого никогда не забудет. И если ты что-нибудь не предпримешь, юный Давид, того и гляди, получит себе в отчиму сеньора Дагу, а потом и выводок маленьких сводных братишек и сестренек Дага. А если не Дагу, так какого-нибудь другого мужчину.

— В каком смысле, если я что-нибудь не предприму?

— Если ты сам не дашь ей ребенка.

— Я? Да я и мечтать о таком не могу. Я не из отцов. Я заточен быть дядей, не отцом. Да Инес и не любит мужчин — по крайней мере, у меня такое впечатление. Не любит мужскую шумность, грубость и волосатость. Не удивлюсь, если она попытается не дать Давиду вырасти мужчиной.

— Отцовство — это не карьера, Симон. И не метафизическое предназначение. Тебе не нужно любить женщину, ей не нужно любить тебя. Произведете половой акт, и — о чудо! — через девять месяцев ты отец. Все довольно просто. Любому по плечу.

— Нет, не так. Отцовство — не просто вопрос полового акта с женщиной, так же как и материнство — не просто послужить емкостью для мужского семени.

— Ну, в обычной действительности то, что ты описываешь, считается отцовством и материнством. В мир никак иначе не попадешь — только если зачат семенем какого-нибудь мужчины, выношен в утробе какой-нибудь женщины и прошел ее родовыми путями. Рождаться приходится от мужчины и женщины. Без исключения. Прости, что я вот так запросто. Поэтому спроси себя: «Кто же вложит семя в Инес: мой друг сеньор Дага или я сам?»

Он качает головой.

— Хватит, Элена. Давай сменим тему? Давид говорит, что Фидель на днях кинул в него камень. Что происходит?

— Не камень, а стеклянный шарик. Такого Давиду стоит ожидать, если его мать не позволяет ему дружить с другими детьми, если она внушает ему, что он — эдакое высшее существо. Другие дети будут дружить против него. Я поговорила с Фиделем, отчитала его, но толку не будет.

— Они были лучшими друзьями.

— Были лучшими, пока ты не притащил во все это свою Инес — с ее странными представлениями о воспитании детей. Еще и поэтому тебе нужно занять свое место в том доме.

Он вздыхает.

— Давайте поговорим наедине, — говорит он Инес. — Я вам хочу кое-что предложить.

— А попозже нельзя?

— О чем вы шепчетесь? — кричит мальчик из соседней комнаты.

— Не твое дело. — Опять к Инес: — Пожалуйста, давайте выйдем на минутку, а?

— Вы шепчетесь про сеньора Дагу? — кричит мальчик.

— Нисколько не про сеньора Дагу. Это личное, между мной и твоей мамой.

Инес вытирает руки о фартук. Они выходят из квартиры, пересекают детскую площадку, заходят в парковую зону. Мальчик торчит в окне, наблюдает за ними.

— Я собираюсь сказать кое-что о сеньоре Даге. — Он умолкает, втягивает воздух. — Насколько я понимаю, вы хотите еще одного ребенка. Это так?

— Кто вам сказал?

— Давид говорит, что вы собираетесь подарить ему брата.

— Я рассказывала ему сказку на ночь. Просто к слову пришлось. Это просто мысль такая.

— Ну, мысли могут воплотиться в действительность, так же, как семя может стать плотью и кровью. Инес, я не хочу вас смущать, поэтому скажу попросту, но со всем уважением: если вы подумываете вступить в отношения с женщиной с целью зачатия, рассмотрите меня. Я готов выполнить эту роль. Выполнить роль и удалиться, оставаясь вашим защитником, обеспечивая вас и всех ваших детей. Можете звать меня заступником. Или, если хотите, дядей детей. Я забуду, что произошло между нами, между мной и вами. Все будет вымыто из памяти. Будто и не случилось... Ну вот. Я сказал. Пожалуйста, не отвечайте сразу. Подумайте.

В стгушающих сумерках, молча, они возвращаются в квартиру. Инес уходит вперед. Она явно рассержена или огорчена — почти не смотрит на него. Он винит Элену, что та его подтолкнула, винит и себя. До чего это грубо — так себя предлагать! Будто он предлагает прочистить трубы!

Он догоняет ее, берет за руку, поворачивает к себе.

— Это непроситительно, — говорит он. — Извините меня. Пожалуйста, простите.

Она не произносит ни слова. Будто выточенная из дерева, стоит она, руки вдоль тела, ждет, чтобы он отпустил ее. Он ослабляет хватку, и она бредет дальше.

Из окна над ними они слышат мальчика:

— Инес! Симон! Сюда! Сеньор Дага пришел! Сеньор Дага пришел!

Он ругается про себя. Если она ждала Дагу, почему не предупредила? Что она вообще в нем нашла — с этой его вальяжной походочкой, вонью помады для волос и плоским гнусавым голосом?

Сеньор Дага пришел не один. С ним его миловидная девушка, наряженная в белое платье с ошеломительно красными оборками, тяжелые серьги в форме колес фаэтона, что колышутся под шаг. Инес приветствует ее с ледяной сдержанностью. Дага же чувствует себя как дома, похоже: он валяется на кровати и никак не развлекает свою девушку.

— Сеньор Дага хочет взять нас на танцы, — объявляет мальчик. — Можно мы пойдём танцевать?

— Нам сегодня нужно в «Ла Резиденцию». И ты это знаешь.

— Я не хочу в «Ла Резиденцию»! Там скучно! Я хочу танцы!

— Никаких танцев. Ты еще маленький.

— Я умею танцевать! Я не маленький! Я покажу. — И он кружится по комнате — в мягких голубых туфлях ступает легко и не без изящества. — Вот! Видела?

— Ты не пойдешь на танцы, — говорит Инес твердо. — За нами заедет Диего, и мы отправимся с ним в «Ла Резиденсию».

— Тогда сеньор Дага и Фрэнни тоже поедут!

— У сеньора Даги свои планы. Мы не рассчитываем на то, что он их оставит ради нас. — Она говорит так, будто Даги нет в комнате. — Кроме того, ты отлично знаешь, что в «Ла Резиденсию» посторонним нельзя.

— Я посторонний, — возражает мальчик. — Мне можно.

— Да, но ты — другое дело. Ты мой ребенок. Ты светоч моей жизни.

Светоч моей жизни. Вот это да, сказать такое в присутствии чужих людей!

А вот и Диего, и второй брат — тот, что никогда рта не открывает. Инес встречает их с облегчением.

— Мы готовы. Давид, собирайся.

— Нет! — говорит мальчик. — Не хочу ехать. Хочу праздник. Можно нам праздник?

— Не время для праздника, нам нечего предложить гостям.

— Это неправда! У нас есть вино! В кухне! — И он вмиг вскарабкивается на кухонный шкафчик и тянется к верхней полке. — Видите! — кричит он, победно показывая бутылку. — У нас есть вино!

Побагровев, Инес пытается отнять у него бутылку.

— Это не вино, это херес, — говорит она, но мальчик от нее ускользает.

— Кто хочет вина? Кто хочет вина? — распевает он.

— Я! — говорит Диего.

— И я! — говорит его молчаливый брат.

Оба смеются — к досаде своей сестры. Сеньор Дага присоединяется:

— И я!

Емкостей для питья на шестерых не находится, и мальчик идет по кругу с бутылкой и стаканом, наливает каждому и торжественно дожидается, пока стакан не опорожнят.

Подходит к Инес. Та хмурится и отвергает стакан.

— Пей, — повелевает мальчик. — Я нынче царь и велю тебе пить!

Инес пригубливает по-дамски.

— Теперь я, — объявляет мальчик, и никто не успевает его остановить — он подносит бутылку к губам и делает щедрый глоток. Мгновение он торжественно оглядывает собравшихся. А затем давится, кашляет и плюется. — Гадость какая! — Он задыхается. Бутылка падает у него из рук, сеньор Дага ловко спасает ее.

Диего с братом валяются от хохота.

— Что с тобой, Царь благородный? — вопит Диего. — Ты как в чаду, и пьешь ты шатко?¹

Мальчик отдышался.

— Еще! — кричит он. — Еще вина!

Если Инес не собирается предпринять хоть что-нибудь, пора вмешаться ему, Симону.

— Ну хватит! — говорит он. — Уже поздно, Давид, нашим гостям пора.

¹ Пер. М. Лозинского.

— Нет! — говорит мальчик. — Не поздно! Я хочу сыграть. Хочу сыграть в «Кто я?».

— Кто я? — говорит Дага. — И как же в это играют?

— Нужно сделать вид, что вы — кто-то, и все будут угадывать, кто. В прошлый раз я делал вид, что я — Боливар, и Диего тут же угадал, правда, Диего?

— А расплата какая? — спрашивает Дага. — Какая тебе будет расплата, если мы угадаем?

Мальчик, похоже, смущается.

— Когда-то мы в это играли, — говорит Дага, — и если кто-то угадывал, нужно было выложить тайну — самую сокровенную тайну.

Мальчик молчит.

— Нам пора, на игры нет времени, — робко говорит Инес.

— Нет! — говорит мальчик. — Хочу в другую игру. Хочу «Правду или последствия».

— Так-то лучше, — говорит Дага. — Расскажи нам, как играть в «Правду или последствия».

— Я задаю вопрос, а вам надо отвечать, врать нельзя — только правду. Если говорите неправду — расплата. Хорошо? Я начинаю. Диего, у тебя зад чистый?

Воцаряется тишина. Второй брат краснеет, а затем взрывается могучим хохотом. Мальчик счастливо смеется, кружится, танцует.

— Ну же! — кричит он. — Правда или последствия!

— Играем один кон, — снисходит Инес. — И больше никаких грубых вопросов.

— Никаких грубых вопросов, — соглашается мальчик. — Теперь опять моя очередь. Вопрос к... —

он оглядывает комнату, их, одного за другим, — мой вопрос к... Инес! Инес, кто тебе нравится больше всех на свете?

— Ты. Ты мне нравишься больше всех.

— Нет, не я! Какой *мужчина* тебе нравится больше всех на свете, чтобы он тебе в животе ребенка сделал?

Молчание. Инес сжимает губы.

— Тебе нравится он, или он, или он, или он? — спрашивает мальчик, поочередно указывая на четверых мужчин.

Вмешивается он, Симон, четвертый мужчина.

— Никаких грубых вопросов, — говорит он. — Это грубый вопрос. Женщина не делает ребенка со своим же братом.

— Почему?

— Не делает, и все. Никаких «почему».

— Каких «почему»? Я могу спрашивать, что хочу! Такая игра. Хочешь, чтобы Диего сделал внутри тебя ребенка, Инес? Или хочешь Стефано?

Он вмешивается опять — ради Инес.

— Ну хватит!

Диего встает.

— Поехали, — говорит он.

— Нет! — говорит мальчик. — Правда или последствия! Кто тебе больше всех нравится, Инес?

Диего смотрит на сестру.

— Скажи что-нибудь. Что угодно.

Инес молчит.

— Инес вообще ничего не хочет с мужчинами, — говорит Диего. — Вот тебе ответ. Она никого из нас не хочет. Она хочет быть свободной. А теперь поехали.

— Правда? — спрашивает мальчик у Инес. — Это неправда, верно? Ты обещала мне братика.

И вновь он влезает:

— Каждому по одному вопросу, Давид. Таково правило. Ты свой вопрос задал, получил ответ. Как говорит Диего, Инес не хочет никого из нас.

— А я хочу брата! Я не хочу быть единственным сыном! Это скучно!

— Если правда хочешь брата — иди и найди его себе сам. Начни с Фиделя. Возьми Фиделя в братья. Братья не обязательно должны появляться из одной и той же утробы. Заведи свое братство.

— Я не знаю, что такое «братство».

— Вот те на. Если два мальчика согласны звать друг друга братьями, они завели братство. Проще некуда. Они могут найти других мальчиков и сделать их тоже братьями. Можно поклясться в верности друг другу и выбрать название — Братство Семи Звезд, или Братство Пещеры, или что-нибудь в этом духе. Даже Братство Давида, если хочешь.

— Или это может быть тайное братство, — добавляет Дага. Глаза у него блестят, он чуть улыбается. Мальчик, который его, Симона, едва слушал, вдруг словно столбенеет. — Можете принести клятву тайны. Никому не следует даже знать, кто они, твои тайные братья.

Он нарушает молчание.

— На сегодня довольно. Давид, иди за пижамой. Диего уже заждался. Придумай своему братству хорошее название. Вернешься из «Ла Резиденсии» — пригласишь Фиделя стать твоим первым братом. — К Инес: — Согласны? Благословляете?

Глава 23

— Где Эль Рей?

Телега стоит на пристани, пустая, готовая к погрузке, но место Эль Рея занимает конь, которого они прежде не видели, — черный мерин с белым пятном на лбу. Когда мальчик подходит слишком близко, новый конь нервно зыркает и бьет копытом.

— Эй! — Альваро окликает возницу, спящего на облучке. — Где большая кобыла? Малец пришел ее повидать.

— Свалилась с конским гриппом.

— Его зовут Эль Рей, — говорит мальчик. — Он не кобыла. Можно мы его навестим?

Альваро и возница обмениваются настороженными взглядами.

— Эль Рей — в конюшнях, отдыхает, — говорит Альваро. — Лошадиный врач даст ему лекарство. Навестим его, как только он поправится.

— Я хочу его увидеть прямо сейчас. Я могу его полечить.

Вмешивается он, Симон.

— Не сейчас, мой мальчик. Давай сначала поговорим с Инес. И, может, втроем съездим в конюшни — завтра.

— Лучше подождать несколько дней, — говорит Альваро и поглядывает на него непонятно. — Пусть Эль Рей как следует поправляется. Конский грипп — скверная штука, хуже человеческого. Когда болеешь конским гриппом, нужен покой и отдых, а не посетители.

— Посетители нужны, — говорит мальчик. — Я ему нужен. Я его друг.

Альваро отводит Симона в сторону.

— Лучше бы не приводить пацана в конюшни, — говорит он и, по-прежнему не видя понимания, добавляет: — Кобыла старая. Дни ее сочтены.

— Альваро только что получил сообщение от лошадиного врача, — докладывает он мальчику. — Они решили отправить Эль Рея на лошадиную ферму, чтобы он быстрее поправлялся.

— Что такое лошадиная ферма?

— Лошадиная ферма — это такое место, где рождаются маленькие лошадки и отдыхают старые.

— Можно нам туда?

— Лошадиная ферма — далеко от города, и я точно не знаю, где именно. Наведу справки.

В четыре часа дня грузчики завершают работу, а мальчика нигде не видеть.

— Он уехал с последней погрузкой, — говорит один из работников. — Я думал, ты знаешь.

Он тут же отправляется следом. Когда добирается до склада, солнце уже садится. На складе никого, громадные ворота закрыты. Сердце у него колотится, он ищет мальчика. Находит его посреди склада на погрузочной платформе, мальчик сидит на корточках рядом с телом Эль Рея, гладит по голове, отгоняет мух. Крепкий кожаный ремень все еще у кобылы под брюхом.

Он забирается на платформу.

— Бедный, бедный Эль Рей! — бормочет он. Потом замечает запекшуюся в ухе лошади кровь и темную дыру от пули над ней и затыкается.

— Все хорошо, — говорит мальчик. — Он через три дня поправится.

— Это тебе врач сказал?

Мальчик качает головой.

— Эль Рей.

— Эль Рей тебе сам сказал? Через три дня?

Мальчик кивает.

— Но это же не просто конский грипп, мой мальчик. Ты же сам наверняка видишь. Его застрелили из ружья — милосердно. Он, скорее всего, мучился. Он мучился, и они решили ему помочь, облегчить боль. Он не выздоровеет. Он умер.

— Нет, не умер. — У мальчика по щекам текут слезы. — Он поедет на лошадиную ферму и там поправится. Ты же сам сказал.

— Он поедет на лошадиную ферму, да, но не на эту лошадиную ферму: он поедет на другую, в другой мир. Там ему не придется носить сбрую и таскать тяжелые возы, он будет бегать по полям на солнышке и есть лютики.

— Неправда! Он поедет на лошадиную ферму и там поправится. Они положат его в телегу и отвезут на лошадиную ферму.

Мальчик наклоняется и прижимается губами к широкой лошадиной ноздре. Он поспешно хватается мальчика за руку и оттаскивает его.

— Не надо! Это негигиенично! Ты заболеешь!

Мальчик вырывается. Рыдает в голос.

— Я его спасу! — кричит он сквозь слезы. — Я хочу, чтоб он жил! Он мой друг!

Он крепко держит мальчика, тот бьется в его объятиях.

— Мой драгоценный, драгоценный ребенок, иногда те, кого мы любим, умирают, и ничего тут не поделаешь, остается только ждать того дня, когда мы опять будем вместе.

— Я хочу сделать так, чтобы он дышал! — рыдает мальчик.

— Он конь, он слишком большой, чтобы ты смог вдохнуть в него жизнь.

— Тогда ты можешь в него дышать!

— Ничего не выйдет. У меня нет какого надо дыхания. У меня нет дыхания жизни. Мне остается только грустить. Остается только скорбеть и помочь тебе в скорби. А теперь давай-ка, пока не стемнело, пойдем на реку и поищем цветов — положить на Эль Рея, а? Ему бы понравилось. Он был нежный конь, хоть и великан. Ему понравится ехать на лошадиную ферму в цветочном венке на шее.

Он отвлекает мальчика от мертвого тела, ведет к берегу реки, помогает нарвать цветов и сплести из них гирлянду. Они возвращаются. Мальчик укладывает гирлянду поверх мертвых, неподвижных глаз.

— Ну вот, — говорит он. — Теперь пора оставить Эль Рея. У него впереди долгий путь, до самой лошадиной фермы. Там на него посмотрят другие лошади, а у него корона из цветов, и они все скажут: «Он там, откуда приехал, наверное, был царем! Это он, великий Эль Рей, о котором мы слышали, друг Давида!»

Мальчик берет его за руку. Они бредут по тропе к порту под восходящей полной луной.

— Как ты думаешь, Эль Рей уже встает? — спрашивает мальчик.

— Встает, отряхивается, ржет, как он это обычно делает, и пускается в путь — цок-цок-цок — навстречу новой жизни. Больше не плачем. Совсем не плачем.

— Совсем не плачем, — говорит мальчик и оживляется — даже чуточку беспечно улыбается.

Глава 24

У них с мальчиком общий день рождения. В смысле, они вместе прибыли на одном судне в один день, и потому им вписали днем рождения дату их совместного прибытия, совместного вхождения в новую жизнь. Решили, что мальчику пять лет, потому что он на столько выглядит, а ему — сорок пять (так вписано у него в карточке), потому что на столько в тот день выглядел он сам. (Его это уязвило: он представлял себя моложе. А теперь чувствует себя старше. Будто ему шестьдесят. А бывают дни, когда он чувствует себя на семьдесят.)

Поскольку у мальчика нет друзей, даже друга-коня, устраивать праздник бессмысленно. И все же они с Инес решили, что этот день нужно как следует отпраздновать. Инес печет пирог, поливает его глазурью и втыкает шесть свечек, они втихаря покупают подарки: она — свитер (зима на носу), он — счеты (беспокоится, что мальчик сопротивляется науке чисел).

Празднование омрачено письмом в почтовом ящике — напоминание, что после шести лет Давида нужно записать в городскую школьную систему, ответственность за запись возложена на его родителя (-ей) или опекуна (-ов).

До сего дня Инес убеждала мальчика, что он слишком умный, чтобы ходить в школу, и ту малость обучения, что ему нужна, получит и дома. Но его капризы при чтении «Дона Кихота», заявления, что он умеет читать, писать и считать, — при том, что ничего этого он явно не умеет, — заронили сомнения даже в ее голову. Может, лучше, теперь считает она, все же доверить обучение подготовленному на-

ставнику. И они покупают ему третий — общий — подарок: красный кожаный пенал с инициалом «Д», тисненным золотом в углу, а в нем два карандаша, точилка и ластик. Все это они дарят ему вместе со счетами и свитером и сопровождают дарение счастливой и неожиданной новостью, что он скоро — может, даже на следующей неделе, — пойдет в школу.

Мальчик встречает новость с прохладцей.

— Я не хочу идти с Фиделем, — говорит он. Они убеждают его, что Фидель старше и поэтому точно окажется в другом классе. — И хочу с собой «Дона Кихота», — говорит мальчик.

Он пытается отговорить мальчика брать книгу с собой в школу. Она из библиотеки Восточных кварталов, говорит он, и, если книга потеряется, он не представляет, чем ее заменить. Кроме того, в школе наверняка есть своя библиотека, а в ней — точно такая же книга. Однако мальчик ни в какую.

В понедельник он является в квартиру спозаранку — проводить Инес и мальчика до остановки автобуса и далее поехать впервые всем вместе в школу. На мальчишке новый свитер, он берет с собой красный пенал с инициалом «Д», под мышкой — потрепанный «Дон Кихот» Восточных кварталов. Фидель уже на остановке, с полудюжиной других детей из Кварталов. Давид подчеркнуто с ним не здоровается.

Поскольку все хотят, чтобы учеба стала частью обычной жизни, они договариваются не вымогать у мальчика рассказы о школе, и он со своей стороны держит рот на замке — до необычайности.

— В школе сегодня все хорошо? — осторожно спрашивает он на пятый день.

— Ага, — отвечает мальчик.

— Ты уже с кем-то подружился?

Мальчик не снисходит до ответа.

Так продолжается три недели, четыре. И тут прибывает письмо с адресом школы в верхнем левом углу. Заголовок — «Чрезвычайное сообщение», по содержанию письмо приглашает родителя (-ей) означенного ученика связаться со школьным секретарем как можно скорее и назначить время приема у соответствующего классного руководителя с целью прояснить определенные вопросы, возникшие относительно его/ее/их сына/дочери.

Инес звонит в школу.

— Я весь день свободна, — говорит она. — Назовите время, и я подъеду. — Секретарь предлагает одиннадцать утра на завтра, когда у сеньора Леона не будет урока.

— Лучше, если и отец ребенка тоже подъедет, — добавляет секретарь.

— У моего сына нет отца, — отвечает Инес. — Я попрошу дядю. Дядя участвует в его жизни.

Сеньор Леон, классный руководитель первого класса, — высокий, тощий молодой человек с темной бородой и всего одним глазом. Мертвый глаз у него стеклянный и не двигается в глазнице. Он, Симон, думает, не пугает ли это детей.

— У нас очень мало времени, — говорит сеньор Леон, — и поэтому говорить я буду прямо. Я считаю, что Давид — смысленый мальчик, очень смысленный. У него живой ум, он мгновенно все схватывает. Однако ему трудно привыкать к условиям работы в классе. Он хочет, чтобы всегда было по его. Может, это оттого, что он чуть старше среднего возраста других детей. Или, может, дома ему слишком легко дается настаивать на своем. В любом случае, это не лучшее развитие событий.

Сеньор Леон умолкает, складывает ладони домиком, ждет ответа.

— Ребенок должен быть свободен, — говорит Инес. — Ребенок должен наслаждаться детством. Я сомневалась, стоит ли вообще отправлять Давида в школу так рано.

— Шесть — это для школы не рано, — говорит сеньор Леон. — Наоборот.

— Тем не менее он юн и привык к свободе.

— Ребенку в школе не нужно отказываться от свободы, — говорит сеньор Леон. — Он не лишается свободы, сидя смирно. Он не лишается свободы, слушая, что говорит учитель. Свобода совместима с дисциплиной и прилежанием.

— Давид не сидит смирно? Не слушает, что вы говорите?

— Он непоседлив и отвлекает других детей. Он встает со своего места и бродит по классу. Он выходит вон без разрешения. И да — не обращает внимания на то, что я говорю.

— Это странно. Дома он не бродит. Если он бродит по классу, этому должна быть причина.

Одинокий глаз вперяется в Инес.

— Что касается неусидчивости, — говорит она, — он всегда был таким. Он недосыпает.

— Простая диета его от этого излечит, — говорит сеньор Леон. — Никаких специй. Никаких возбудителей. Теперь давайте подробнее. В чтении Давид не добился ничего — совсем ничего. Другие дети, менее одаренные от природы, читают лучше, чем он. Гораздо лучше. Есть что-то в процессе чтения, чего он не ухватывает, судя по всему. То же и с числами.

Вмешивается он, Симон.

— Но он любит книги. Вы же сами наверняка видели. Он везде носит с собой «Дона Кихота».

— Он держится за эту книгу, потому что в ней картинки, — отвечает сеньор Леон. — В целом это не очень хорошая практика — учиться читать по книгам с картинками. Картинки отвлекают ум от слов. А «Дон Кихот» — чего бы о ней ни говорили, — не книга для начинающих читателей. Разговорный испанский у Давида неплох, но читать он не умеет. Он даже буквы алфавита назвать не может. Никогда не попадался мне такой чрезвычайный случай. Я бы предложил пригласить специалиста, терапевта. У меня такое ощущение — и мои коллеги, с кем я советовался, разделяют его, — что тут может иметь место нарушение.

— Нарушение?

— Специфическое нарушение, связанное с обращением с символами. С обработкой слов и чисел. Он не умеет читать. Он не умеет писать. Он не умеет считать.

— Дома он читает и пишет. Он этим занимается ежедневно по многу часов. Он поглощен чтением и письмом. И он может досчитать до тысячи, до миллиона.

Сеньор Леон впервые за весь разговор улыбается.

— Называть какие угодно числа он может, да, но в неправильном порядке. А его пометки карандашом вы, конечно, можете именовать письмом, и он их может именовать письмом, однако это не письмо в общем понимании. Вероятно, в них есть некий внутренний смысл, об этом я судить не могу. Вероятно, имеют. Вероятно, они указывают на художественный талант. И это вторая и более приятная причина, по которой ему стоит встретиться со специалистом. Да-

вид — интересный ребенок. Жалко будет запустить его. Специалист сможет сказать нам, есть ли некий общий фактор, определяющий, с одной стороны, его нарушения, а с другой — его изобретательность.

Звонок. Сеньор Леон вынимает из кармана блокнот, чиркает в нем что-то, вырывает страницу.

— Это имя специалиста, которого я вам предлагаю, можете ее навестить. Позвоните и назначьте встречу. Меж тем мы с Давидом продолжим стараться. Спасибо, что пришли пообщаться. Уверен, все к лучшему.

Он находит Элену, рассказывает о встрече.

— Ты знаешь этого сеньора Леона? — спрашивает он. — Он был у Фиделя учителем? Мне в его жалобы трудно поверить. Что Давид, например, непослушный. Он бывает несколько своенравным, но не непослушным, по моему опыту.

Элена не отвечает, а призывает к ним Фиделя.

— Фидель, дорогой, расскажи нам о сеньоре Леоне. Они с Давидом, похоже, не ладят, и Симон переживает.

— Сеньор Леон нормальный, — говорит Фидель. — Строгий.

— Он строг к детям, которые кричат с места?

— Ну да.

— Почему, как ты считаешь, Давид с ним не ладит?

— Не знаю. Давид говорит всякое дикое. Может, сеньору Леону не нравится.

— Дикое? Это что же?

— Не знаю... На игровой площадке такое говорит. Все думают, что он псих, даже старшие ребята.

— Но что именно он говорит дикого?

— Что он может делать так, чтобы люди исчезали. Что сам умеет исчезать. Говорит, что везде вулканы, но нам их не видно, только ему.

— Вулканы?

— Не большие, а маленькие такие. Такие, что никто их не видит.

— Может, он своими историями пугает других детей?

— Не знаю. Он говорит, что будет фокусником.

— Это он давно говорит. Он мне говорил, что вы с ним будете выступать в цирке. Он будет показывать фокусы, а ты станешь клоуном.

Фидель и его мать переглядываются.

— Фидель собирается стать музыкантом, а не фокусником и не клоуном, — говорит Элена. — Фидель, ты когда-нибудь говорил Давиду, что станешь клоуном?

— Нет, — говорит Фидель и неловко переминается на месте.

Разговор с психологом происходит на территории школы. Их приглашают в ярко освещенную, почти стерильную комнату, где проводит консультации сеньора Очоа.

— Доброе утро, — говорит она, улыбаясь и протягивая руку для пожатия. — Вы родители Давида. Я знакома с вашим сыном. Мы долго с ним разговаривали — и не раз. До чего интересный молодой человек!

— Прежде чем перейти к делу, — перебивает ее он, — позвольте прояснить, кто я. Хотя я давно знаю

Давида и когда-то был ему своего рода опекуном, я ему не отец. Однако...

Сеньора Очоа вскидывает руку.

— Я знаю. Давид рассказал мне. Давид говорит, что он своего настоящего отца никогда не видел. Он также говорит, — тут она поворачивается к Инес, — что вы ему не настоящая мать. Давайте прежде всего обсудим эти его убеждения. Потому что, хоть здесь могут быть задействованы и органические факторы, — дислексия, к примеру, — у меня есть предположение, что беспокойное поведение Давида в классе происходит от невнятной для ребенка семейной ситуации, от неопределенности, кто он и откуда взялся.

Они с Инес переглядываются.

— Вы произнесли слово «настоящий», — говорит он. — Вы утверждаете, что мы не истинные мать и отец. Что именно вы подразумеваете под настоящим? Разумеется, есть такое понятие как переоценивание биологического.

Сеньора Очоа поджимает губы, качает головой.

— Давайте не слишком вдаваться в теорию. Лучше сосредоточимся на опыте и понимании настоящего у Давида. Настоящее, предположила бы я, — то, чего Давиду не хватает в жизни. Опыт недостатка настоящего включает и отсутствие настоящих родителей. У Давида нет в жизни якоря. Отсюда и его уход в мир фантазий, где он чувствует себя более полновластно.

— Но у него есть якорь, — говорит Инес. — Я его якорь. Я люблю его. Я люблю его больше всего на свете. И он это знает.

Сеньора Очоа кивает.

— Да, знает, разумеется. Он сказал мне, как сильно вы его любите, — как сильно его любите вы оба. Ваша благая воля делает его счастливым, и он ответно чувствует громадную благую волю к отношению к вам. И тем не менее чего-то не хватает, чего-то, что ни благая воля, ни любовь не могут восполнить. Потому что, хоть положительное эмоциональное окружение очень значимо, его недостаточно. Именно этот недостаток, недостаток настоящего родительского присутствия, я и пригласила вас обсудить. Почему? — спросите вы. Потому что, отвечу я, чувствуется, что трудности обучения у Давида происходят от растерянности перед действительностью, из которой исчезли его настоящие родители и в которую он прибыл неведомо как.

— Давид прибыл на судне, как и все остальные, — возражает он. — С корабля в лагерь, из лагеря в Новиллу. Никто из нас не знает ничего большего о своем происхождении. Мы все очищены от воспоминаний — более-менее. Что такого особенного в случае с Давидом? И как это связано с его чтением и письмом, с его проблемами в классе? Вы помянули дислексию. У Давида дислексия?

— Я помянула дислексию как возможную причину. Я его на дислексию не проверяла. Но если она действительно есть, я думаю, это дополнительный фактор. Возвращаясь к вашему основному вопросу: нет, я бы сказала, что особенное в случае с Давидом в том, что он чувствует себя особенным, даже необычайным. Конечно же, он не необычайный. А вопрос его личности давайте пока на время отложим, а попытаемся все втроем посмотреть на мир его глазами, не навязывая ему наше видение. Давид хочет знать, кто он на самом деле есть, но получает

уклончивые ответы вроде: «В каком смысле “на самом деле”?» — или: «Ни у кого из нас нет личной истории, она вся отчищена». Можно ли винить его в том, что он ощущает отчаяние и протест, а затем уходит в свой личный мир, где волен сам выдумывать ответы?

— Вы хотите сказать, что нечитаемые страницы, которые он пишет у сеньора Леона, — истории о том, откуда он родом?

— И да, и нет. Это истории для него самого, а не для нас. Поэтому он и пишет их на личном языке.

— Откуда вы знаете, если не можете прочитать? Он вам их переводил?

— Сеньор, для того, чтобы наши отношения с Давидом развивались, важно, чтобы он мог на меня полагаться — что я не разглашу, о чем мы разговариваем. Даже ребенок имеет право на маленькие тайны. Но из разговоров с Давидом, да, я полагаю, он считает, что пишет истории о себе и своем истинном происхождении. И он скрывает это от вас обоих, чтобы вас не расстраивать.

— И каково же его истинное происхождение? Откуда он, по его мнению, происходит?

— Не так-то просто это объяснить. Но все упирается в некое письмо. Он говорит о письме, в котором есть имена его истинных родителей. Он говорит, что вы, сеньор, об этом письме знаете. Это правда?

— Письме от кого?

— Он говорит, что, когда он сошел с судна, при нем было письмо.

— Ах *то* письмо! Нет, вы ошибаетесь, то письмо было утеряно еще до того, как мы сошли на берег. Оно потерялось в пути. Я его никогда не видел. Именно потому, что он потерял письмо, я взял на

себя ответственность помочь ему найти его мать. Иначе он оказался бы беспомощен. Он до сих пор оставался бы в Бельстаре, между небом и землей.

Сеньора Очоа энергично что-то пишет у себя на планшете.

— Теперь перейдем, — говорит она, откладывая авторучку, — к практической проблеме поведения Давида в классе. К его нарушениям субординации. К неспособности осваивать программу. К последствиям такой неспособности — и нарушения субординации — для сеньора Леона и другим детям в классе.

— Нарушение субординации? — Он ждет, что Инес добавит и свой голос, но нет — она предоставляет вести разговор ему. — Дома, сеньора, Давид всегда вежлив и ведет себя хорошо. Мне трудно поверить в такие жалобы сеньора Леона. Что именно он подразумевает под нарушением субординации?

— Он подразумевает постоянные сомнения в авторитете учителя. Подразумевает отказ принимать наставления. И тут мы переходим к ключевому вопросу. Я бы предложила изъять Давида из обычного класса — по крайней мере на время — и записать его в программу обучения, приспособленного для его индивидуальных нужд. Там он сможет учиться в собственном темпе — раз уж такая у него непростая семейная ситуация. До тех пор, пока он не окажется готов вернуться в класс. Я уверена, что ему это удастся, поскольку он смысленный ребенок с подвижным умом.

— Программа обучения?..

— Я имею в виду Центр специального обучения в Пунто-Аренас, неподалеку от Новиллы, на побережье, в очень приятном месте.

— Далеко ли это?

— Примерно в пятидесяти километрах.

— В пятидесяти километрах! Это очень далеко для ребенка — ездить каждый день туда-обратно. Есть ли туда автобус?

— Нет. Давид будет проживать в Центре обучения, а через выходные приезжать домой, если захочет. По нашему опыту лучше всего такое обучение проходит в режиме с проживанием. Оно позволяет несколько отдалиться от ситуации дома, которая, не исключено, есть дополнительный неблагоприятный фактор.

Они с Инес переглядываются.

— А если мы откажемся? — говорит он. — Если предпочтем, чтобы он остался в классе у сеньора Лео-она?

— Если мы предпочтем изъять его из школы, где он ничему не учится? — вступает Инес, голос у нее звенит. — Для которой он все равно слишком юн. Вот подлинная причина, почему ему трудно. Он слишком юн.

— Сеньор Леон более не готов к Давиду в своем классе, и я, наведя кое-какие свои справки, понимаю, почему. Что касается возраста, Давид уже достиг нормальных школьных лет. Сеньор, сеньора, вот вам мой совет — в интересах Давида. В школе он не развивается. Он оказывает неблагоприятное влияние на других. Перемещение его из школы в домашнюю обстановку, которую он явно считает нервирующей, — явно не решение вопроса. Следовательно, необходимо предпринять другой, более решительный шаг. И поэтому я рекомендую Пунто-Аренас.

— А если мы откажемся?

— Сеньор, я бы предложила вам так вопрос не ставить. Помяните мое слово: Пунто-Аренас — лучшее для нас решение. Если вы с сеньорой Инес желаете предварительно посетить Пунто-Аренас, я могу это устроить, и вы сами увидите, что это перво-классное учреждение.

— Если мы навестим это учреждение и все же откажемся, что дальше?

— Что дальше? — Сеньора Очоа беспомощно разводит руками. — Вы в начале нашей консультации сказали, что вы мальчику не отец. В документах о его происхождении — настоящем происхождении — не сказано ничего. Я бы предположила... я бы предположила, что ваши позиции выбирать, где он должен получать образование, чрезвычайно слабы.

— То есть вы заберете у нас ребенка?

— Пожалуйста, не воспринимайте это так. Мы не забираем у вас ребенка. Вы регулярно будете видеться, раз в две недели. Ваш дом по-прежнему будет ему домом. Во всех практических отношениях вы останетесь его родителями, если только он сам не решит, что хочет отделиться от вас. На что он никак не намекает. Напротив — он чрезвычайно вас любит, вас обоих — и любит, и привязан к вам... Повторю: Пунто-Аренас, по моему мнению, — лучшее решение имеющейся проблемы, и решение щедрое. Подумайте об этом. Не торопитесь. Навестите Пунто-Аренас, если хотите. А потом мы вместе с сеньором Леоном обсудим подробности.

— А пока что?

— А пока я бы предложила забрать Давида домой. Ничего хорошего ему от пребывания в классе у сеньора Леона все равно не будет, и уж точно ничего хорошего не будет его одноклассникам.

Глава 25

— Почему мы сегодня рано домой?

Они втроем в автобусе, возвращаются в Кварталы.

— Потому что это все было ошибкой, — говорит Инес. — Они для тебя слишком взрослые, мальчики в классе. А учитель этот, этот сеньор Леон, не умеет учить.

— У сеньора Леона волшебный глаз. Он умеет вынимать его и класть в карман. Один мальчик видел.

Инес молчит.

— Я завтра пойду в школу?

— Нет.

— Если точнее, — вмешивается он, — ты не пойдешь в школу к сеньору Леону. Мы с твоей мамой рассматриваем другой вариант школы. Может быть.

— Мы не рассматриваем никакую другую школу, — говорит Инес. — Школа с самого начала была скверной затеей. Не понимаю, почему я это допустила. Что там говорила эта женщина про дислексию? Что такое дислексия?

— Неспособность читать слова в правильном порядке. Неспособность читать слева направо. Вроде того. Не знаю.

— У меня нет дислексии, — говорит мальчик. — У меня ничего нет. Они меня шлют в Пунто-Аренас? Я туда не хочу.

— Что тебе известно про Пунто-Аренас? — говорит он.

— Там колючая проволока и спать надо в общей спальне, а домой нельзя.

— Никто тебя в Пунто-Аренас не пошлет, — говорит Инес. — Пока я жива.

— Ты собираешься умереть? — спрашивает мальчик.

— Нет, конечно, нет. Это просто так говорится. Ты не поедешь в Пунто-Аренас.

— Я забыл учебник. Учебник по письму. Он у меня в парте. Можно мы вернемся и заберем его?

— Нет. Не сейчас. Я заберу как-нибудь.

— И мой пенал.

— Карандашный пенал, который мы тебе подарили на день рождения?

— Да.

— Его тоже заберу. Не волнуйся.

— Они хотят послать меня в Пунто-Аренас из-за моих историй?

— Они не то что хотят тебя послать в Пунто-Аренас, — говорит он. — Скорее они не знают, что с тобой делать. Ты исключительный ребенок, а они не знают, что делать с исключительными детьми.

— Почему я исключительный?

— Не тебе об этом спрашивать. Ты просто исключительный, и тебе с этим жить. Иногда от этого будет проще, иногда труднее. Тут как раз случай, когда труднее.

— Я не хочу в школу. Мне не нравится школа. Я сам могу учиться.

— Не думаю, Давид. Мне кажется, ты последнее время слишком много учился сам. Смирения бы тебе чуточку больше, чуточку больше желания учиться у других — вот что нужно бы.

— Меня можешь ты учить.

— Спасибо. Какой ты добрый. Как ты помнишь, я предлагал тебя поучить — несколько раз, но ты меня отверг. Если бы ты дал мне тебя учить читать,

писать и считать обычным способом, всей этой кутерьмы не случилось бы.

Ясно, что от силы этой отповеди мальчик робеет: он бросает на него взгляд обиженного удивления.

— Но это все позади, — добавляет он поспешно. — Мы с тобой начнем с чистого листа.

— Почему я не нравлюсь сеньору Леону?

— Потому что он слишком преисполнен чувства собственной важности, — говорит Инес.

— Ты сеньору Леону нравишься, — говорит он. — Просто ему весь класс нужно учить, и у него нет времени уделять тебе индивидуальное внимание. Ему нужно, чтобы дети какое-то время работали сами.

— Мне не нравится работать.

— Нам всем нужно работать, и тебе бы неплохо к этому привыкнуть. Работа — людская доля.

— Мне не нравится работать. Я люблю играть.

— Да, но нельзя же все время играть. Делу времени, потехе час. Приходишь утром в класс — сеньор Леон предполагает, что ты будешь работать. И это резонно.

— Сеньору Леону не нравятся мои истории.

— Они ему не могут не нравиться, потому что он не в силах их прочесть. А какие истории ему нравятся?

— Про каникулы. Про то, что люди делают на каникулах. Что такое «каникулы»?

— Каникулы — это незанятые дни, когда не нужно работать. У тебя сегодня до конца дня каникулы. Тебе сегодня больше не нужно учиться.

— А завтра?

— Завтра ты будешь учиться читать, писать и считать, как нормальный человек.

— Я собираюсь написать в школу, — говорит он Инес, — уведомить их, что мы забираем Давида. Что сами будем заниматься его образованием. Согласны?

— Да. И, раз уж вы этим занялись, напишите и этому сеньору Леону. Спросите, чего он взялся учить маленьких детей. Скажите ему, что это не мужская работа.

Уважаемый сеньор Леон, — пишет он.

Спасибо вам за то, что познакомили нас с сеньорой Очоа.

Сеньора Очоа предложила перевести нашего сына Давида в специальную школу в Пунто-Аренас.

По зрелому размышлению мы решили этого не делать. Давид, по нашему суждению, слишком юн, чтобы жить отдельно от родителей. Также мы сомневаемся, что он получит в Пунто-Аренас нужное ему внимание. Таким образом, мы продолжим его обучение на дому. Мы от души надеемся, что трудности с его обучением скоро останутся в прошлом. Он, по вашему признанию, толковый, быстро обучаемый ребенок.

Со своей стороны благодарим вас за ваши усилия. Прилагаем письмо, которое направили директору школы, с уведомлением о прекращении обучения.

Ответа он не получает. Но прибывает письмо, в котором содержится трехстраничная анкета для поступления в Пунто-Аренас, а к ней приложен список одежды и личных вещей (зубная щетка, зубная паста, расческа), которые ученик должен привезти с собой, а также проездной билет на автобус. Все это они оставляют без внимания.

Далее следует телефонный звонок — не из школы и не из Пунто-Аренас, а, насколько может разобрать Инес, из какой-то городской административной конторы.

— Мы решили не возвращать Давида в школу, — уведомляет она звонящую женщину. — Ему никакой пользы от обучения. Он будет обучаться на дому.

— Ребенка разрешено обучать на дому только при условии, что родитель — дипломированный учитель, — говорит женщина. — Вы дипломированный учитель?

— Я мать Давида, и мне самой решать, как он будет получать образование, — отвечает Инес и кладет трубку.

Через неделю приходит письмо. Со штампом «Судебное уведомление». Оно повелевает непоименованному родителю (-ям) и/или опекуну (-ам) предстать перед следственной комиссией 21 февраля к девяти утра и предъявить причину, почему соответствующий ребенок не должен быть переведен в Центр специального обучения в Пунто-Аренас.

— Я отказываюсь, — говорит Инес. — Я отказываюсь ехать в этот их суд. Увезу Давида в «Ла Резиденсию» и спрячу его там. Если кто-нибудь спросит, где мы, скажете, что мы уехали вглубь страны.

— Пожалуйста, подумайте еще раз, Инес. Вы таким образом сделаетесь беженкой. Кто-нибудь из «Ла Резиденсии» — тот привратник, что вечно сует нос не в свое дело, к примеру, — доложит властям. Давайте съездим в это управление — мы с вами и Давид. Пусть посмотрят сами, что у этого мальчика нет рогов, что это обычный шестилетка, он слишком юн, он не может жить отдельно от матери.

— Игры кончились, — предупреждает он мальчика. — Если тебе не удастся убедить этих людей, что ты хочешь учиться, они вышлют тебя в Пунто-Арена, за колючую проволоку. Тащи учебники. Будешь учиться читать.

— Но я умею читать, — терпеливо говорит мальчик.

— Ты умеешь читать только свою бессмыслицу. Будем учиться читать как следует.

Мальчик трусит в комнату, возвращается с «Доном Кихотом», открывает первую страницу.

— «В некоем селе Ламанском, — читает он медленно, но уверенно, наделяя каждое слово должным весом, — которого название у меня нет охоты припоминать, не так давно жил-был один из тех идальго, чье имущество заключается в тощей кляче и борзой собаке»¹.

— Очень хорошо. Но как проверить, что ты не выучил этот абзац наизусть? — Он выбирает случайную страницу. — Читай.

— «Одному Богу известно, существует Дульсинея на свете или же не существует, — читает мальчик, — вышмыслена она или не вышмыслена».

— «Вымышлена». Дальше.

— «В исследованиях подобного рода нельзя заходить слишком далеко. Я не породил мою госпожу в воображении и не зачинал ее». Что такое «зачинал»?

— Дон Кихот говорит, что он не отец и не мать Дульсинеи. Зачатие — это то, чем отец помогает сделать ребенка. Дальше.

— «Я не породил мою госпожу в воображении и не зачинал ее, однако все же представляю ее себе

¹ Здесь и далее пер. Н. Любимова.

такую, какую подобает быть сеньоре, обладающей всеми качествами, которые способны удостоить ее всеобщего преклонения». Что такое «преклонение»?

— Преклонение — когда на кого-нибудь молятся. Ты почему не говорил мне, что умеешь читать?

— Я говорил. Ты не слушал.

— Ты делал вид, что не умеешь. Писать тоже можешь?

— Да.

— Неси карандаш. Запиши, что я тебе прочитаю.

— У меня нет карандаша. Я забыл карандаши в школе. Ты собирался их спасти. Ты обещал.

— Я не забыл.

— Можно мне лошадь на следующий день рождения?

— В смысле как Эль Рей?

— Нет, маленькую лошадь, чтобы спала со мной в комнате.

— Образуься, дитя. Лошадь нельзя держать в квартире.

— Инес держит Боливара.

— Да, но лошадь гораздо крупнее собаки.

— Можно лошадь-малютку.

— Лошадь-малютка вырастет в большую лошадь. Давай так. Будешь хорошо себя вести, покажешь сеньору Леону, что можешь прижиться в его классе, мы тебе купим велосипед.

— Я не хочу велосипед. На велосипеде людей не спасешь.

— Ну, лошадь ты не получишь — и все тут. Пиши: «Одному Богу известно, существует Дульсинея на свете или не существует». Покажи.

Мальчик показывает ему тетрадку. «*Deos sabe si hay Dulcinea o no en el mundo*», — читает он, цепочка

слов смирно строится слева направо, между безупречно выведенных букв — равные промежутки.

— Поразительно, — говорит он. — Одно маленькое замечание: по-испански Бог пишется *Dios*, а не *Deos*. В остальном все очень хорошо. Первокласно. То есть ты все это время мог и читать, и писать, а сам фокусничал — и с мамой, и со мной, и с сеньором Леоном.

— Я не фокусничал. Кто такой Бог?

— «Одному Богу известно» — это такое выражение. Его употребляют, когда хотят сказать, что, дескать, никому не известно. Нельзя...

— Бог — никомуня?

— Не уходи от темы разговора. Бог — не никомуня, он живет так далеко, что мы не можем с ним ни поговорить, ни что-то вместе сделать. Замечает ли он нас, *Dios sabe*. Что скажем сеньоре Очоа? А сеньору Леону что скажем? Как мы им объясним, что ты с ними дурака валял, что ты умел и читать, и писать? Инес, идите сюда! Давиду есть что вам показать.

Он показывает ей тетрадку. Она читает.

— Кто такая Дульсинья? — спрашивает она.

— Не важно. Это женщина, в которую влюблен Дон Кихот. Ненастоящая женщина. Его идеал. Образ в его уме. Посмотрите, как умело он выписал буквы. Он все это время умел писать.

— Конечно, он умеет писать. Он все может — правда, Давид? Ты все можешь. Ты ж мой сыночек.

С широкой и (как ему кажется) вполне самодвольной улыбкой на лице Давид забирается на кроватку и протягивает матери руки, а та сгребает его в объятия. Он закрывает глаза; он погружается в блаженство.

— Мы возвращаемся в школу, — объявляет он мальчику, — ты, Инес и я. Возьмем с собой «Дона Кихота». Покажем сеньору Леону, что ты умеешь читать. А следом ты скажешь, как глубоко раскаиваешься, что устроил всю эту кутерьму.

— Не пойду я в школу. Мне не надо. Я уже умею читать и писать.

— Выбор у нас уже не между школой сеньора Леона и домом. Выбор — между школой сеньора Леона и школой за колючей проволокой. Кроме того, в школе учатся не только читать и писать. Там еще учатся ладить с другими мальчиками и девочками. Там становятся общественными животными.

— У сеньора Леона в классе нет девочек.

— Да. Но ты встречаешь девочек на переменках и после школы.

— Мне не нравятся девочки.

— Все мальчики так говорят. А потом в один прекрасный день влюбляются и женятся.

— Я не собираюсь жениться.

— Все мальчики так говорят.

— Ты не женат.

— Да, но я — особый случай. Я слишком старый для женитьбы.

— Может, женишься на Инес?

— У меня с твоей матерью особые отношения, Давид, которых ты не поймешь, потому что слишком мал. Говорить об этом я больше не буду, скажу только, что это не отношения женитьбы.

— Почему?

— Потому что внутри каждого из нас есть голос, иногда именуемый «зовом сердца», который говорит нам, какое чувство у нас к тому или иному человеку.

И к Инес у меня скорее благая воля, а не любовь — не такая любовь, от которой женятся.

— А сеньор Дага на ней женится?

— Тебя это волнует? Нет, сомневаюсь, что сеньор Дага хочет жениться на твоей матери. Сеньор Дага — не из тех, кто женится. Кроме того, у него совершенно удовлетворительная девушка.

— Сеньор Дага говорит, что они с Фрэнни заживают. Он говорит, они устраивают фейерверки под луной. Говорит, что мне можно прийти посмотреть. Можно?

— Нет, нельзя. Когда сеньор Дага говорит «фейерверки», он не имеет в виду настоящие фейерверки.

— Имеет! У него целый ящик фейерверков. Он говорит, что у Инес идеальные груди. Говорит, что это идеальнейшие груди на свете. Говорит, что женится на ней из-за ее грудей и детей с ней заведет.

— Прямо так и говорит, а? Ну, у Инес свои мысли на этот счет.

— Почему ты не хочешь, чтобы сеньор Дага женился на Инес?

— Потому что если бы твоя мать правда хотела выйти замуж, ей бы стоило поискать мужа получше.

— Кого?

— Кого? Не знаю. Я не знаю всех поголовно мужчин, которых знает твоя мама. Она, видимо, знает много мужчин из «Ла Резиденсии».

— Мужчины из «Ла Резиденсии» ей не нравятся. Она говорит, они все слишком старые. Зачем нужны груди?

— Грудью женщина кормит своего ребенка молоком.

— У Инес в грудях есть молоко? У меня тоже будет молоко в грудях, когда я вырасту?

— Нет. Ты вырастешь в мужчину, а у мужчин нет грудей — полновесных грудей. Только у женщин в грудях есть молоко. У мужчин в грудях сухо.

— Я тоже хочу молоко! Почему мне нельзя молоко?

— Я тебе сказал: у мужчин молоко не делается.

— А что у мужчин делается?

— У мужчин делается кровь. Если мужчина хочет отдать что-то из своего тела, он сдает кровь. Идет в больницу и сдает кровь больным людям и тем, кто попал в аварию.

— Чтобы они поправились?

— Чтобы они поправились.

— Я буду сдавать кровь. Можно мне поскорее сдать кровь?

— Нет. Придется подождать, пока сделаешься постарше, чтобы у тебя в теле стало побольше крови. И я еще вот что хотел у тебя спросить. Тебе труднее в школе из-за того, что у тебя нет обычного отца, как у всех остальных детей, а есть только я?

— Нет.

— Ты уверен? Потому что сеньора Очоа, дама из школы, сказала нам, что тебя может беспокоить отсутствие настоящего отца.

— Меня не беспокоит. Меня вообще ничего не беспокоит.

— Рад это слышать. Потому что, ну, знаешь, отцы не очень важны по сравнению с матерями. Мать приводит тебя в мир из своего тела. Она дает тебе молоко, как я уже говорил. Она тебя держит на руках, защищает. А отец иногда бывает такой вот скиталец, как Дон Кихот, — он не всегда рядом, когда

нужен. Он помогает тебя сделать, в самом начале, а потом уходит. Когда тебе пора явиться на свет, он, может, вообще исчез с горизонта — ушел искать новые приключения. Поэтому у нас есть заступники — верные, здравомыслящие заступники, а также дяди, чтобы кто-то занимал его место, на кого можно полагаться, пока отец далеко.

— Ты мне заступник или дядя?

— И то и другое. Можешь считать меня кем хочешь из двух.

— Кто мой настоящий отец? Как его зовут?

— Не знаю. *Dios sabe*. Возможно, это было в письме, которое ты вез, но письмо потерялось, его съели рыбы, и лей не лей слезы — его не вернуть. Как я уже говорил, часто бывает так, что мы не знаем, кто отец. Даже мать не всегда знает наверняка. Так вот: ты готов повидаться с сеньором Леоном? Готов показать ему, какой ты умный?

Глава 26

Они целый час терпеливо ждут у кабинета директора, пока не раздастся последний звонок и последний класс не пустеет. Мимо проходит сеньор Леон с портфелем в руке — направляется домой. Он явно не рад их видеть.

— Всего пять минут вашего времени, сеньор Леон, — молит он. — Мы хотим показать вам, каких успехов Давид добился в чтении. Пожалуйста. Давид, покажи сеньору Леону, как ты читаешь.

Сеньор Леон жестом приглашает их в классную комнату. Давид открывает «Дона Кихота».

— «В некоем селе Ламанчском, которого название у меня нет охоты припоминать, не так давно жил-был один из тех идалго, чье имущество заключается в тощей кляче...»

Сеньор Леон резко обрывает его:

— Я не готов слушать выученное наизусть. — Он шагает к книжному шкафу, достает книгу, возвращается с ней, открывает ее перед ребенком. — Читай.

— Откуда?

— Сначала.

— «Хуан и Мария едут к морю. Сегодня Хуан и Мария собираются на море. Отец говорит им, что их друзья Пабло и Рамона могут поехать с ними. Хуан и Мария радуются. Мать делает им бутерброды. Хуан...»

— Стоп! — говорит сеньор Леон. — Как тебе удалось выучиться читать за две недели?

— Он много времени провел с «Доном Кихотом», — встревает он, Симон.

— Пусть мальчик сам скажет, — говорит сеньор Леон. — Если ты две недели назад читать не мог, как тебе удастся сейчас читать?

Мальчик пожимает плечами.

— Это же просто.

— Отлично. Раз чтение — это так просто, расскажи мне, про что ты читал. Расскажи мне какую-нибудь историю из «Дона Кихота».

— Он падает в яму, и никто не знает, где он.

— Да?

— А потом он убегает из нее. По веревке.

— А еще?

— Они его запирают в клетку, и он какает в штаны.

— И почему же они его запирают?

— Потому что они не верят, что он — Дон Кихот.

— Нет. Потому что нет такого человека — Дона Кихота. Потому что Дон Кихот — вымышленное имя. Они хотят отвезти его домой, чтобы он пришел в себя.

Мальчик бросает на него, Симона, неуверенный взгляд.

— У Давида свое прочтение этой книги, — говорит он сеньору Леону. — У него живое воображение.

Сеньор Леон не удостоивает его ответом.

— Хуан и Пабло идут на рыбалку, — говорит он. — Хуан ловит пять рыб. Пиши на доске: пять. Пабло ловит три рыбины. Пиши под пятью: три. Сколько рыб поймали вместе Хуан и Пабло?

Мальчик стоит у доски, глаза крепко зажмурены, словно он слушает, когда произнесено будет издалека некое слово. Мелок не движется.

— Считай. Считай «один-два-три-четыре-пять». Теперь еще три. Сколько получается?

Мальчик качает головой.

— Мне их не видно, — говорит он тихонько.

— Не видно чего? Тебе не надо видеть рыбу, нужно видеть числа. Смотри на числа. Пять и еще три. Сколько всего?

— На этот раз... на этот раз... — говорит мальчик тем же тихим, безжизненным голосом, — это... восемь.

— Хорошо. Проведи черту под тремя и запиши восемь. Значит, ты все время притворялся, что не умеешь считать. Теперь показывай, как ты умеешь писать. Пиши: «*Conviene que yo diga la verdad*» — «Я должен говорить правду».

Слева направо, медленно, но ясно, мальчик пишет: «*Yo soy la verdad*» — «Я есть правда».

— Видите, — говорит сеньор Леон, обращаясь к Инес. — Вот с чем мне ежедневно приходилось иметь дело, когда ваш сын был у меня в классе. Я настаиваю: в классе может быть только один начальник, не два. Вы не согласны?

— Он исключительный ребенок, — говорит Инес. — Что это за школа такая, если вы не справляетесь с единственным исключительным ребенком?

— Отказ слушать учителя не равносителен исключительности ребенка — это означает лишь то, что ребенок непослушен. Если вы настаиваете, что ребенку требуется особое обращение, отправьте его в Пунто-Аренас. Они там знают, как обращаться с исключительными детьми.

Инес вскакивает, глаза горят.

— В Пунто-Аренас он поедет через мой труп! — говорит она. — Идем, дорогой мой!

Мальчик осторожно укладывает мелок в коробку. Не глядя по сторонам, он выходит за матерью из класса.

В дверях Инес оборачивается и мечет в сеньора Леона последнюю стрелу.

— Вы не годитесь учить детей!

Сеньор Леон безразлично пожимает плечами.

К концу дня ярость Инес только нарастает. Она часами висит на телефоне с братьями, строит и перестраивает планы их отъезда из Новиллы и начала новой жизни где-нибудь в другом месте, вне досягаемости образовательных властей.

Он же, осмысляя встречу в классе, понимает, что все испортить еще хлеще можно было бы, да некуда. Ему не нравится властный сеньор Леон, он согла-

сен с Инес, что ему нельзя руководить маленькими детьми. Но почему мальчик противится обучению? Врожденный бунтарский дух в нем возгорается, раздуваемый матерью, или у этих скверных отношений между учеником и учителем есть более отчетливая причина?

Он отводит мальчика в сторону.

— Я понимаю, что сеньор Леон может иногда быть очень строг, — говорит он, — и вы с ним не всегда ладили. Я пытаюсь понять, почему. Сеньор Леон, может, говорил тебе что-нибудь неприятное, а ты нам не рассказывал?

Мальчик бросает на него растерянный взгляд.

— Нет.

— Как я уже сказал, я никого не виню, я просто хочу понять. Есть ли какая-нибудь причина, по которой тебе не нравится сеньор Леон, — кроме того, что он строгий?

— У него стеклянный глаз.

— Я осведомлен об этом. Вероятно, так случилось из-за несчастного случая. Вероятно, его этим легко уязвить. Но мы не враждуем с людьми лишь потому, что у них стеклянный глаз.

— Почему он говорит, что Дона Кихота нет? Дон Кихот есть. Он в книге. Он спасает людей.

— Это правда, в книге есть человек, который называет себя Доном Кихотом и спасает людей. Но некоторые люди, которых он спасает, вообще-то не нуждаются в спасении. Им все нравится и как есть. И они злятся на Дона Кихота, кричат на него. Они говорят, он не понимает, что делает, говорят, что он нарушает общественный порядок. Сеньору Леону нравится порядок, Давид. Ему нравятся покой и порядок в классе. Ему нравится порядок в

мире. В этом нет ничего плохого. Хаос бывает очень неприятным.

— Что такое «хаос»?

— Я тебе уже объяснял. Хаос — это когда нет порядка, нет законов, за которые держатся. Хаос — когда все подряд просто вихрится вокруг. Лучше описать я не могу.

— Это как числа расползаются и ты падаешь?

— Нет, не так, вообще не так. Числа никогда не расползаются. На числа можно полагаться. Числа скрепляют мироздание. С числами нам стоит дружить. Дружи ты с ними, они бы к тебе тоже прониклись. И тогда тебе бы не пришлось бояться, что они уйдут у тебя из-под ног.

Он говорит изо всех сил серьезно, и мальчик вроде слышит это.

— Почему Инес дерется с сеньором Леоном? — спрашивает он.

— Они не дерутся. Они повздорили и, возможно, оба пожалеют об этом, поразмыслив на досуге. Но это не то же самое, что драка. Крепкие слова — еще не драка. Бывает, нам приходится отстаивать тех, кого мы любим. Твоя мать отстаивала тебя. Так поступает хорошая мать — смелая мать — по отношению к своим детям: она отстаивает их, защищает, пока дышит. Тебе следует гордиться, что у тебя такая мама.

— Инес не моя мама.

— Инес твоя мама. Истинная мама. Она твоя истинная мать.

— Они меня заберут?

— Кто «они»?

— Люди из Пунто-Аренас.

— Пунто-Аренас — это школа. Учителя из Пунто-Аренас не похищают детей. Образовательная система действует по-другому.

— Я не хочу в Пунто-Аренас. Дай слово, что вы не дадите меня забрать.

— Даю. Мы с твоей матерью никому не позволим отправить тебя в Пунто-Аренас. Ты видел, какой тигрицей делается твоя мать, когда нужно тебя защитить. Она никого не подпустит.

Слушания проходят в новилльской штаб-квартире Управления просвещения. Они с Инес прибывают к назначенному времени. После краткого ожидания их проводят в громадную, гулкую залу, в ней — ряды пустых стульев. Во главе залы на приподнятой скамье сидят двое мужчин и женщина — судьи или экзаменаторы. Сеньор Леон уже на месте. Никто никого не приветствует.

— Вы родители мальчика Давида? — спрашивает судья посередине.

— Я его мать, — отвечает Инес.

— А я его заступник, — говорит он. — У него нет отца.

— Отец скончался?

— Отец неизвестен.

— С кем из вас проживает мальчик?

— Мальчик проживает со своей матерью. Мы с его матерью вместе не проживаем. У нас нет брачных отношений. Тем не менее мы трое — семья. В некотором роде. Мы оба привержены Давиду. Я вижу его каждый день — ну, почти.

— Насколько мы понимаем, Давид впервые посетил школу в январе, и его записали в класс сеньора

Леона. Затем через несколько недель вас вызвали на консультацию. Все верно?

— Верно.

— И что сеньор Леон сообщил вам?

— Он сказал, что у Давида плохая успеваемость, а также что он нарушает субординацию. Сеньор Леон рекомендовал нам изъять ребенка из класса.

— Сеньор Леон, все верно?

Сеньор Леон кивает.

— Я обсудил этот случай с сеньорой Очоа, школьным психологом. Мы сошлись во мнении, что Давиду пойдет на пользу перевод в школу в Пунто-Аренас.

Судья смотрит по сторонам.

— Присутствует ли сеньора Очоа?

Судебный служитель шепчет ему на ухо. Судья говорит:

— Сеньора Очоа не может присутствовать, но подала отчет, который... — он перебирает бумажки, — который, как вы говорите, сеньор Леон, рекомендует перевод в Пунто-Аренас.

Вступает судья слева:

— Сеньор Леон, не могли бы вы объяснить, почему этот перевод необходим? По отношению к шестилетнему ребенку перевод в Пунто-Аренас видится довольно жесткой мерой.

— Сеньора, у меня двенадцатилетний учительский стаж. И за все это время у меня не было ни единого подобного случая. Мальчик Давид не бестолков. Он не инвалид. Напротив, он одарен и умен. Но он не воспринимает наставления и не учится. Я посвятил ему лично многие часы — в ущерб другим детям в классе, я пытался научить его основам чтения, письма и арифметики. Он нисколько не

продвинулся. Он ничего не усвоил. Вернее, делал вид, что ничего не усвоил. Я говорю «делал вид», потому что на самом деле к приходу в школу уже умел и читать, и писать.

— Это правда? — спрашивает старший судья.

— Читать и писать, да, с перебоями, — отвечает он, Симон. — У него бывают хорошие и плохие дни. С арифметикой у него есть определенные трудности — философские трудности, я бы сказал, — которые препятствуют его успехам. Он исключительный ребенок. Исключительно умный и исключительный много в чем еще. Он сам научился читать — по книге «Дон Кихот», пересказанной для детей. Я сам узнал об этом совсем недавно.

— Дело не в том, — говорит сеньор Леон, — умеет ли мальчик читать и писать, и не в том, кто его научил, а в том, может ли он приспособиться к обычной школе. У меня нет времени работать с ребенком, который отказывается учиться и чье поведение мешает нормальному обучению класса.

— Ему едва исполнилось шесть! — взрывается Инес. — Что вы за учитель вообще, если не в состоянии управиться с шестилетним ребенком?

Сеньор Леон подбирается.

— Я не сказал, что не могу управиться с вашим сыном. Я не могу одного: выполнять свой долг перед другими детьми, пока он у меня в классе. Ваш сын нуждается в особом внимании того рода, какое мы в обычной школе не можем ему обеспечить. И поэтому я рекомендую Пунто-Аренас.

Воцаряется тишина.

— Вам есть что добавить, сеньора? — спрашивает старший судья.

Инес сердито мотает головой.

— Сеньор?

— Нет.

— Тогда прошу вас покинуть зал — и вас тоже, сеньор Леон, — и подождать нашего решения.

Они втроем выходят в приемную. Инес не может заставить себя даже взглянуть на сеньора Леона. Через несколько минут их приглашают вернуться.

— Решение суда, — говорит старший судья, — таково: рекомендация сеньора Леона, поддержанное школьным психологом и директором школы, принята к действию. Мальчик Давид будет переведен в школу в Пунто-Аренас, и перевод следует осуществить как можно скорее. Это все. Спасибо за присутствие на заседании.

— Ваша честь, — говорит он, — могу я спросить, имеем ли мы право на апелляцию?

— Вы можете передать дело в гражданский суд, разумеется, это ваше право. Но процедура апелляции не может быть причиной отсрочки приведения в исполнение решения этого суда. Иными словами, перевод в Пунто-Аренас в любом случае в силе, обратитесь вы далее в суд или нет.

— Диего заберет нас завтра вечером, — говорит Инес. — Обо всем договорено. Ему нужно закончить кое-какие дела.

— И куда вы собираетесь ехать?

— Откуда я знаю? Куда-нибудь подальше от этих людей и их преследований.

— Вы правда собираетесь позволить шайке школьных начальников выгнать вас из города, Инес? Как вы жить будете — вы, Диего и ребенок?

— Не знаю. Как цыгане, видимо. Лучше бы помогли, а не возражали, а?

— Что такое «цыгане»? — встревает мальчик.

— «Жить как цыгане» — это так говорят, — отвечает он. — Мы с тобой были вроде цыган, когда жили в лагере в Бельстаре. «Быть как цыган» означает, что у тебя толком нет дома, места, где голову преклонить. Быть цыганом не очень здорово.

— А мне придется ходить в школу?

— Нет. Цыганские дети не ходят в школу.

— Тогда я хочу быть цыганом — с Инес и Диего. Он обращается к Инес:

— Лучше бы вы это все обсудили со мной. Вы и впрямь собираетесь ночевать под забором и питаться ягодами, скрываясь от закона?

— Вам-то что, — отвечает Инес ледяным тоном. — Вам наплевать, что Давид окажется в исправдоме. А мне нет.

— Пунто-Аренас — не исправдом.

— Это отстойник для правонарушителей — для правонарушителей и сирот. Мой ребенок туда не поедет ни за что и никогда.

— Я с вами согласен. Давид не заслуживает отправки в Пунто-Аренас. Не потому, что это отстойник, а потому, что он слишком юн, чтобы жить отдельно от родителей.

— Тогда почему вы не воспротивились тем судьям? Почему кланялись, расшаркивались и все повторяли «*¡Sí señor, sí señor!*»? Вы не верите в мальчика?

— Конечно, я в него верю. Я верю, что он исключительный и заслуживает исключительного обращения. Но за этими людьми — закон, а мы не в том положении, чтобы спорить с законом.

— Даже если закон скверный?

— Дело не в том, хорош закон или нет, Инес, а в том, что это власть. Если вы убежите, они пошлют за вами полицию, и полиция вас поймает. Вас лишат родительских прав и ребенка заберут. Его отправят в Пунто-Аренас, а вам останется биться за свое же родительское право.

— Они никогда не отберут у меня ребенка. Я умру раньше. — Грудь ее вздымается. — Почему вы не помогаете мне, а все время за них застываетесь?

Он тянется к ней, чтобы успокоить, но она отталкивает его, падает на кровать.

— Оставьте меня в покое! Не трогайте меня! Вы не верите в ребенка. Вам неизвестно, что такое верить.

Мальчик склоняется над ней, гладит по волосам. На губах у него улыбка.

— Тш-ш, — говорит он, — тш-ш. — Ложится рядом, сует большой палец в рот, взгляд стекленеет, взгляд отсутствующий; через несколько минут он засыпает.

Глава 27

Альваро сзывает грузчиков.

— Друзья, — говорит он, — нам нужно кое-что обсудить. Как вы помните, наш товарищ Симон предложил нам перестать разгружать вручную и воспользоваться механическим краном.

Люди кивают. Кто-то поглядывает на него. Эухенио улыбается ему.

— Ну и вот, сегодня у меня для вас новость. Товарищ из Отдела дорожного строительства сообщает, что у них на складе есть кран, он уже много месяцев простаивает. Если мы хотим его попробовать, гово-

рит он, можем взять... Как поступим, друзья? Примем предложение? Проверим, изменит ли кран нашу жизнь, как утверждает Симон? Кто хочет сказать? Симон, ты?

Он совершенно ошарашен. Голова его занята Инес и ее планами побега, он уже несколько недель не думал ни о кранах, ни о крысах, ни об экономике перевозки зерна. Разумеется, он привык полагаться на то, что неизменно тяжкий труд изматывает его и одаряет глубоким сном без сновидений.

— А я что? — говорит он. — Я уже все сказал.

— Кто еще? — спрашивает Альваро.

Эухенио подает голос.

— Я скажу. Нам стоит попробовать кран. На плечах у нашего друга Симона толковая голова. Кто знает, может, он прав. Может, нам и правда стоит двигаться в ногу со временем. Никогда не узнаем наверняка, если не попробуем.

Слышен рокот одобрения.

— Что ж, попробуем кран? — говорит Альваро. — Сказать нашему товарищу из Отдела дорожного строительства, чтоб подогнал его?

— Я за! — говорит Эухенио и вскидывает руку.

— Я за! — говорят грузчики хором, поднимая руки. Даже он, Симон, поднимает руку. Принято единогласно.

Кран прибывает наутро в кузове грузовика. Когда-то он был выкрашен в белый, но краска облупилась, а металл проржавел. Похоже, кран долго простоял на улице под дождем. И он меньше, чем ожидалось. Он ездит по лязгающим рельсам, водитель сидит в кабине над рельсами и управляет ручками, которые вращают стрелу и задействуют лебедку.

Почти час они снимают машину с грузовика. Друг Альваро из Отдела дорожного строительства торопится уехать.

— Кто будет управлять краном? — спрашивает он. — Я быстро научу его, что куда, и мне пора ехать.

— Эухенио! — зовет Альваро. — Ты высказывался за кран. Хочешь управлять им?

Эухенио озирается по сторонам.

— Если больше никто не хочет, буду я.

— Хорошо! Тогда будешь ты.

Эухенио и впрямь быстро учится. Вот он уже катается туда-сюда по пристани и вращает стрелой, на конце которой весело болтается крюк.

— Чему смог — научил, — говорит крановщик Альваро. — Пусть первые несколько дней работает осторожно, и все у него получится.

Стрелы крана хватает, чтобы дотянуться только до палубы судна. Грузчики вытаскивают мешки из трюма, как и прежде, но теперь им не нужно спускать их по трапу: они сваливают их на брезентовую растяжку. Когда растяжка наполняется в первый раз, они кричат Эухенио. Крюк подцепляет растяжку, стальной трос напрягается, растяжка поднимается над леерами — и вот уж Эухенио лихо тащит груз по широкой дуге. Работники ликуют, но их ликование сменяется тревожными криками: тюк бьется о пристань и начинает неуправляемо крутиться и раскачиваться. Грузчики разбегаются — все, кроме него, Симона, который либо слишком задумался и не видит, что происходит, либо замешкался. Краем глаза он замечает, как Эухенио глядит на него из кабины, губы шевелятся, но Симон не слышит. И тут мотающийся груз бьет его в грудь и сшибает с ног. Он налетает на стойку, спотыкается о канат и падает в

зазор между причалом и стальным бортом. На миг он застревает, стиснутый так, что больно дышать. Он отчетливо понимает: если судно сдвинется хоть на дюйм, его раздавит, как насекомое. Но тут давление ослабевает, и он падает ногами в воду.

— Помогите! — выкрикивает он. — Помогите мне!

Спасательный круг, выкрашенный в ярко-красный с белыми полосами, плюхается в воду рядом с ним. Сверху раздается голос Альваро:

— Симон! Слышишь? Держись, мы тебя вытащим.

Он хватается за круг. Его, как рыбу, волочет вдоль пристани в свободные воды. Опять слышно Альваро:

— Держись крепче, мы тебя вытащим.

Но когда круг начинает подниматься, боль вдруг делается невыносимой. Хватка ослабевает, и он снова падает в воду. Он весь в масле — глаза, рот. «Вот так оно все и кончится? — говорит он себе. — Как у крысы? Какой срам!»

Но вот уж Альваро рядом, бултыхается в воде, все волосы в масле, облепили голову.

— Расслабься, старина, — говорит Альваро. — Я тебя держу. — Он благодарно обмякает в руках у Альваро. — Тащи! — кричит Альваро, и их двоих в тесном объятии поднимают из воды.

Он приходит в себя, ничего не понимая. Он лежит на спине, смотрит в пустое небо. Вокруг смутные фигуры, шум разговоров, но он не может разобрать ни слова. Глаза у него закрываются, и он вновь отключается.

Просыпается он от бухающего шума. Этот шум, похоже, исходит изнутри его самого, из головы.

— Очнись, *viejo*, — говорит голос. Он открывает глаза, видит над собой толстое, потное лицо. «Я очнулся», — хочет он сказать, но голос в нем умер.

— Посмотри на меня! — говорят толстые губы. — Слышишь? Моргни, если слышишь.

Он моргает.

— Хорошо. Я вколю тебе обезболивающее, и потом мы тебя заберем отсюда.

Обезболивающее? «Мне не больно, — хочет сказать он. — Почему мне должно быть больно?» Однако что бы за него ни разговаривало, сегодня оно говорить не будет.

Поскольку он член союза грузчиков — о чем он не догадывается, — ему в больнице полагается отдельная палата. За ним в этой палате ухаживает бригада милых медсестер, и к одной из них, женщине средних лет по имени Клара, у которой серые глаза и тихая улыбка, он за следующие недели несколько привязывается.

Все сходятся во мнении, что он легко отделался. У него сломано три ребра. Кусок кости проткнул легкое, и потребовалась небольшая хирургическая операция, чтобы ее извлечь (не желает ли он сохранить косточку на память? — она в склянке у его кровати). На лице и верхней части тела порезы и ушибы, он содрал кожу, но мозг, похоже, не поврежден. Несколько дней под наблюдением, несколько недель бережного обращения с собой — и будет как новенький. Тем временем самое главное — утишать боль.

Чаще всего его навещает Эухенио — он глубоко раскаивается за свою безалаберность с краном. Он изо всех сил старается успокоить молодого чело-

века: «Как же можно освоить новый механизм так скоро?» — но Эухенио безутешен. Когда он, Симон, выплывает из дремы, обычно именно Эухенио оказывается у него в поле зрения, Эухенио сидит с ним.

Альваро тоже навещает, и остальные товарищи из порта. Альваро поговорил с врачами, у него новость: хоть полное выздоровление и вполне возможно, ему, в его возрасте, толковее было бы не возвращаться к жизни грузчика.

— Может, я смогу крановщиком, — предлагает он. — Хуже Эухенио точно не будет.

— Если хочешь крановщиком, тебе придется перевестись в Отдел дорожного строительства, — отвечает Альваро. — Краны слишком опасны. У них в порту никакого будущего. Краны — всегда скверная затея.

Он надеется, что его навестит Инес, но нет, не навещает. Он опасается худшего: что она привела свой план в исполнение, забрала ребенка и сбежала.

Он рассказывает о своих беспокойствах Кларе.

— У меня есть подруга, — говорит он, — я очень люблю ее сыночка. По некоторым причинам, в которые я не стану вдаваться, образовательное начальство пригрозило отобрать его и отправить в особую школу. Можно попросить вас об одолжении? Вы не могли бы ей позвонить и выяснить, как идут дела?

— Конечно, — говорит Клара. — Но, может, сами с ней поговорите? Я могу принести телефон вам к постели.

Он звонит в Кварталы. Удастся дозвониться только соседу, он уходит, возвращается, докладывает, что Инес нет дома. Он перезванивает позже — опять безуспешно.

Рано поутру назавтра, где-то в безымянном про свете между сном и бодрствованием, ему случается сон или видение. В воздухе у изножья кровати он с необычайной ясностью видит двухколесный фазтон. Фазтон сработан из слоновой кости или металла, отделанного слоновой костью, его влекут два белых коня, ни тот, ни другой — не Эль Рей. Одной рукой держа поводья, а другой царственно помавая, на облучке стоит мальчик, совершенно нагой, если не считать тряпичной набедренной повязки.

Как фазтон и два коня помещаются в больничной палате — загадка. Фазтон словно висит в воздухе без всяких усилий со стороны коней или возницы. Кони вовсе не замерли — время от времени они бьют копытами, мотают головами и фыркают. А у мальчика, похоже, рука, которую он вскинул, совсем не устает. Выражение его лица знакомо: оно довольное, даже торжествующее.

В некий миг мальчик смотрит прямо на него. «Читай по глазам», — словно говорит он.

Сон или видение длится минуты две-три. Потом блекнет, и палата вновь та же, что и прежде.

Он рассказывает об этом Кларе.

— Вы верите в телепатию? — спрашивает он. — У меня было такое чувство, что Давид пытается мне что-то сообщить.

— И что же это?

— Не могу точно сказать. Быть может, им с матерью нужна моя помощь. А может, и нет. Послание — как бы это сказать? — смутно.

— Ну, не забудем, что обезболивающее, которое вы принимаете, — опиат. От опиатов бывают сны — опийные сны.

— То был не опийный сон. Все по-настоящему.

После этого он отказывается от болеутоляющих и, соответственно, мучается. Хуже всего по ночам: малейшее движение пронзает его электрическим ударом боли в груди.

Ему не на что отвлечься, нечего читать. В больнице нет библиотеки, одни старые номера популярных журналов (рецепты, увлечения, дамская мода). Он жалуется Эухенио, и тот приносит ему учебник своего философского курса («Я знаю, что ты серьезный человек»). Книга, чего он и опасался, — о столах и стульях. Он ее откладывает.

— Прости, не мой сорт философии.

— А какую философию ты бы предпочел? — спрашивает Эухенио.

— Которая потрясает. Которая меняет жизнь.

Эухенио смотрит на него растерянно.

— А что не так с твоей жизнью? — спрашивает он. — Если не считать увечий.

— Чего-то не хватает, Эухенио. Я знаю, что так быть не должно, однако вот же. Мне моей жизни недостаточно. Я хотел бы, чтобы кто-то, какой-нибудь спаситель, сошел с небес, взмахнул волшебной палочкой и сказал: «Вот, прочти эту книгу и получишь ответы на все вопросы». Или: «Вот тебе совершенно новая жизнь». Ты, небось, таких разговоров не понимаешь, верно?

— Нет, не могу сказать, что понимаю.

— Не бери в голову. Просто настроение такое. Завтра буду опять самим собой.

Пора готовиться к выписке, говорит ему врач. Есть ли ему где жить? Есть ли кому готовить для него еду, приглядывать за ним, помогать, пока он поправ-

ляется? Не желает ли он поговорить с социальным работником?

— Никаких социальных работников, — отвечает он. — Я обсужу этот вопрос с друзьями и решу, как все устроить.

Эухенио предлагает ему комнату у себя в квартире, которую они снимают с еще двоими товарищами. Он, Эухенио, с удовольствием поспит на диване. Он благодарит Эухенио, но отказывается.

Альваро по его просьбе собирает данные о домах престарелых. В Западных кварталах, сообщает он, имеется учреждение, в котором проживают и выздоравливающие, хоть оно и рассчитано в основном на пожилых. Он просит Альваро записать его в список ожидания того учреждения.

— Совестно от таких слов, — говорит он, — но я надеюсь, что там вскоре появится свободное место.

— Если ты без злого умысла в душе, — успокаивает его Альваро, — эти слова можно считать допустимой надеждой.

— Допустимой? — уточняет он.

— Допустимой, — подтверждает Альваро.

И тут вдруг печалей его как не бывало. Из коридора доносятся звонкие юные голоса. В дверях появляется Клара.

— У вас посетители, — объявляет она. Отходит в сторону, и в палату врываются Давид и Фидель, а за ними — Инес и Альваро.

— Симон! — кричит Давид. — Ты правда свалился в море?

Сердце у него подпрыгивает. Он робко протягивает руки.

— Иди ко мне! Да, произошел небольшой несчастный случай, я упал в воду, но почти не намок. Мои друзья меня вытащили.

Мальчик карабкается на высокую кровать, толкается, по всему телу впивается боль. Но боль — ничто.

— Мой драгоценный мальчик! Мое сокровище! Светоч моей жизни!

Мальчик выбирается из его объятий.

— Я сбежал, — заявляет он. — Я же говорил тебе, что сбегу. Я прошел сквозь колючую проволоку.

Сбежал? Прошел сквозь проволоку? Он теряется. О чем мальчик говорит? И что на нем за странное облачение: плотная водолазка, короткие (очень короткие) штанишки, туфли и белые носки, едва ему до щиколоток.

— Спасибо, что пришли, — говорит он, — но, Давид, откуда ты сбежал? Ты про Пунто-Аренас говоришь? Они тебя забрали в Пунто-Аренас? Инес, вы позволили им забрать его в Пунто-Аренас?

— Я им не позволяла. Они приехали, когда он играл на улице. Увезли его на машине. Как я могла их остановить?

— Мне и в голову не приходило, что это может случиться. Но ты сбежал, Давид? Расскажи. Расскажи, как ты сбежал.

Но встречается Альваро.

— Пока до этого не дошло, Симон, давай обсудим твой переезд. Когда, по твоему мнению, ты сможешь ходить?

— А он не может ходить? — спрашивает мальчик. — Ты не можешь ходить, Симон?

— Еще некоторое время мне будет нужна помощь. Пока все боли не уйдут.

— Будешь ездить на коляске? Можно я тебя буду катать?

— Да, можно, катай, но не очень быстро. Фиделю тоже можно.

— Я вот почему спрашиваю, — говорит Альваро, — я еще раз связался с домом престарелых. Сказал им, что ты, скорее всего, полностью поправишься, и специальный уход тебе не потребуется. Тогда, сказали они, тебя примут сразу — если ты не против жить еще с кем-то в одной комнате. Как тебе такое? Одним махом решили бы уйму вопросов.

Жить в одной комнате с еще одним стариком. Который храпит по ночам и харкает в носовой платок. Который жалуется на свою дочь, которая его бросила. Который дуется на новенького — захватчика его территории.

— Конечно, я не против, — говорит он. — Это большое облегчение, что теперь есть куда податься. У всех гора с плеч. Спасибо, Альваро, что все устроил.

— И за все платит профсоюз, конечно, — говорит Альваро. — За твое проживание, питание и за все, что тебе потребуется, пока ты там.

— Это хорошо.

— Ну, теперь мне пора на работу. Оставляю тебя с Инес и мальчишками. Уверен, им есть что тебе рассказать.

Он себе что-то придумывает, или Инес и впрямь бросает на Альваро взгляд исподтишка? «Не оставляй меня с ним, с человеком, которого мы собираемся предать!» Засунуть в обеззараженную комнату в дальних Западных кварталах, где он ни единой души не знает. Бросить плесневеть. «Не оставляй меня с ним!»

— Садитесь, Инес. Давид, расскажи мне все с самого начала. Ничего не забудь. У нас куча времени.

— Я сбежал, — говорит мальчик. — Я тебе говорил, что сбегу. Я прошел сквозь колючую проволоку.

— Мне позвонили, — говорит Инес. — Совершенно чужой человек. Женщина. Она сказала, что нашла Давида на улице, он бродил без одежды.

— Без одежды? Ты сбежал из Пунто-Аренас, Давид, без одежды? Когда это произошло? Тебя никто не ловил?

— Одежда осталась на колючей проволоке. Я же обещал тебе, что убегу, ну? Я могу убежать откуда угодно.

— И где же та дама тебя нашла — которая звонила Инес?

— Она нашла его на улице, в темноте, замерзшего и голого.

— Я не замерз. И не был голый, — говорит мальчик.

— На тебе не было одежды, — говорит Инес. — Это означает, что ты был голый.

— Это все не важно, — перебивает ее он, Симон. — Как дама связалась с вами, Инес? Почему не со школой? Это ж очевиднее всего было сделать.

— Она не выносит ту школу. Ее все терпеть не могут, — говорит мальчик.

— Это правда настолько ужасное место?

Мальчик энергично кивает.

Впервые заговаривает Фидель:

— Тебя там били?

— Тебе должно исполниться четырнадцать, чтоб они могли тебя бить. Если тебе четырнадцать, они могут тебя бить, если ты не слушаешься.

— Расскажи Симону про рыбу, — говорит Инес.

— Каждую пятницу они нас заставляли есть рыбу. — Мальчик театрально содрогается. — Терпеть не могу рыбу. У нее глаза, как у сеньора Леона.

Фидель хихикает. Мгновенье — и мальчишки уже заливаются смехом.

— И что же еще такого ужасного в Пунто-Аренас — помимо рыбы?

— Они нас заставляли носить сандалии. Не пускали Инес навещать меня. Сказали, что она мне не мать. Сказали, что я подопечный. Подопечный — это у кого нет матери или отца.

— Чувь какая. Инес — твоя мать, а я твой заступник, а это считай что отец, иногда лучше даже. Твой заступник приглядывает за тобой.

— Ты за мной не приглядывал. Ты дал им забрать меня в Пунто-Аренас.

— Это правда. Я был плохой заступник. Я спал, а должен был бдеть. Но я усвоил урок. Дальше я буду лучше о тебе заботиться.

— Ты будешь с ними драться, если они опять придут?

— Да, изо всех сил. Одолжу меч. Скажу им: «Попробуйте-ка еще раз украсть у меня моего мальчика, и вам придется иметь дело с Доном Симоном!»

Мальчик сияет от удовольствия.

— И Боливар, — говорит он. — Боливар может охранять меня по ночам. Ты приедешь к нам жить? — Он оглядывается на мать. — Можно Симон будет жить с нами?

— Симону надо пожить в доме престарелых и там выздороветь. Он не может ходить, не может взбираться по лестницам.

— Может! Ты можешь ходить, Симон, правда?

— Конечно, могу. Обычно нет, потому что все болит. Но ради тебя я готов на все: лазать по лестницам, ездить верхом — что угодно. Скажи лишь слово.

— Какое слово?

— Волшебное слово. Слово, которое меня исцелит.

— А я его знаю?

— Конечно, знаешь. Скажи!

— Слово... Абракадабра!

Он отбрасывает простыню (к счастью, на нем больничная пижама) и спускает бесполезные ноги с кровати.

— Мне нужна помощь, мальцы.

Опершись на плечи Фиделя и Давида, он осторожно встает, делает первый шаткий шаг, затем второй.

— Видишь? Ты знаешь слово! Инес, подкатите, пожалуйста, кресло. — Он опускается в кресло-каталку. — Теперь пошли погуляем. Хочу глянуть, как выглядит белый свет, я так долго сидел взаперти. Кто покатит?

— Ты разве не поедешь с нами домой? — спрашивает мальчик.

— Пока нет. Пока не верну себе силы.

— Но мы же будем цыгане! Если останешься в больнице, не сможешь быть цыганом!

Он глядит на Инес.

— Что это? Я думал, вы отказались от цыганщины.

Инес подбирается.

— Ему нельзя обратно в ту школу. Я не допущу. Братья поедут с нами — оба. На машине.

— Четыре человека в той старой крысоловке? А если она сломается? И где вы будете ночевать?

— Не важно. Будем работать, где подвернется. Фрукты будем собирать. Сеньор Дага одолжил нам денег.

— Дага! Так это он все придумал!

— Ну, в ту ужасную школу Давид не вернется.

— Где их заставляют носить сандалии и есть рыбу.

По мне, это не ужасно.

— Там мальчики курят, пьют и носят при себе ножи. Это школа для преступников. Если Давид туда вернется, его искалечит на всю жизнь.

Мальчик заговаривает.

— Что это значит — «искалечит на всю жизнь»?

— Это просто так говорится, — объясняет Инес. — Это значит, что школа на тебя плохо действует.

— Как рана?

— Да, как рана.

— У меня уже много ран. Это от колючей проволоки. Хочешь посмотреть на мои раны, Симон?

— Твоя мама имела в виду нечто другое. Она про твою душу. Эти раны не затягиваются. Это правда, что мальчики в школе ходят с ножами? Ты уверен, что это не всего один мальчик?

— Там много мальчиков. И там есть мама-утка и утята, и один мальчик наступил на утенка, и внутренности у него вылезли из попы, а я хотел обратно их засунуть, но учитель мне не дал, он сказал, пусть утенок умрет, а я сказал, что хочу в него подышать, но мне тоже не дали. И нам велели ухаживать за садом. Каждый вечер после учебы нас заставляли копать. Ненавижу копать.

— Копать — это полезно. Если никто не захочет копать, у нас не будет ни урожая, ни еды. Когда копаешь, делаешься сильным. От этого мышцы растут.

— Можно прорастивать семена в промокашке. Нам учитель показал. Копать не нужно.

— Одно-два семечка можно. А если нужен настоящий урожай, если нужно вырастить столько пшеницы, чтобы хватило на хлеб всем людям, тогда семя должно попасть в землю.

— Ненавижу хлеб. Хлеб — это скучно. Мне нравится мороженое.

— Я знаю, что ты любишь мороженое. Но на одном мороженом не проживешь, а на хлебе — да.

— Можно прожить на мороженом. Сеньор Дага на нем живет.

— Сеньор Дага делает вид, что живет на мороженом. А когда один, я уверен, он ест хлеб, как все остальные. И вообще не надо брать пример с сеньора Даги.

— Сеньор Дага дарит мне подарки. Вы с Инес никогда не дарите мне подарков.

— Это неправда, мой мальчик, неправда и к тому же неблагодарность. Инес любит тебя и заботится о тебе, я тоже. А сеньор Дага в глубине души вообще тебя не любит.

— Он меня любит! Он хочет, чтобы я с ним жил! Он говорил Инес, а Инес говорила мне.

— Я уверен, она никогда на это не пойдет. Ты должен жить со своей матерью. Мы за это и боремся все время. Сеньор Дага, может, и кажется тебе чарующим и восхитительным, но станешь постарше и поймешь, что чарующие восхитительные люди не всегда хороши.

— Что такое «чарующий»?

— Чарующий — это кто носит серьги и имеет при себе нож.

— Сеньор Дага влюблен в Инес. Он будет делать ей детей в животе.

— Давид! — взрывается Инес.

— Это правда! Инес сказала, чтоб я тебе не говорил, потому что ты заревнуешь. Это правда, Симон? Заревнуешь?

— Нет, конечно, не заревную. Меня это все совсем не касается. Я тебе пытаюсь втолковать, что сеньор Дага — нехороший человек. Он может звать тебя в гости и давать тебе мороженое, но в глубине души он не действует тебе во благо.

— Что такое «действовать во благо»?

— Главное благо, к которому тебе стоит стремиться, — вырасти хорошим человеком. Как хорошее семя, семя, которое зарывается глубоко в землю, пускает сильные корни, а потом, когда приходит время, вырывается к свету и родит сторицей. Вот каким тебе надо быть. Как Дон Кихот. Дон Кихот спасал девиц. Он защищал бедных от богатых и сильных мира сего. Вот с кого надо брать пример, а не с сеньора Даги. Защищай бедных. Спасай униженных. И уважай мать.

— Нет! Это моя мать должна меня уважать! И вообще — сеньор Дага говорит, что Дон Кихот устарел. Он говорит, что на лошадях уже больше никто не ездит.

— Ну, если б захотел, ты бы легко доказал ему, что он ошибается. Садись на коня и высоко поднимай меч. Тут-то сеньор Дага и замолчит. Садись на Эль Рея.

— Эль Рей умер.

— Нет, не умер. Эль Рей жив. И ты это знаешь.

— Где? — шепчет мальчик. Глаза у него внезапно наполняются слезами, губы дрожат, ему этого слова и не вымолвить.

— Я не знаю, но где-то Эль Рей тебя ждет. Если поищешь — наверняка найдешь.

Глава 28

Сегодня его выписывают из больницы. Он прощается с медсестрами. Кларе говорит:

— Я не забуду вашу заботу. Хочется верить, что за нею — не одна лишь благая воля.

Клара не отвечает, но из ее прямого взгляда он понимает, что прав.

Больница выделила машину и шофера довести в его новый дом в Западных кварталах. Эухенио вызвался проводить его и посмотреть, как он устроился. Они выезжают на дорогу, и тут он просит шофера сделать крюк через Восточные кварталы.

— Я не могу, — отвечает шофер. — Не положено.

— Пожалуйста, — просит он. — Мне нужно забрать кое-какую одежду. Всего пять минут.

Шофер неохотно соглашается.

— Ты говорил, что у твоего мальчика трудности с учебой, — говорит Эухенио, пока они сворачивают к востоку. — Что за трудности?

— Школьное руководство хочет его у нас забрать. Силой, если потребуется. Они хотят вернуть его в Пунто-Аренас.

— В Пунто-Аренас! Почему?

— Потому что они построили в Пунто-Аренас школу специально для детей, которым скучно слушать про Хуана и Марию и чем они там были заня-

ты у моря. Кому скучно, и кто свою скуку показывает. Для детей, которые не подчиняются правилам сложения и умножения, преподанным учителем. Рукотворным правилам. Два и два не всегда равно четырем и так далее.

— Плохо дело. Но почему твой мальчик не хочет складывать, как ему учитель говорит?

— С чего бы? Внутренний голос мальчика подсказывает ему, что взгляд учителя неверен.

— Не понимаю. Если правила верны для тебя, для меня и для всех остальных, как они могут быть неверны для него? И почему ты зовешь их рукотворными правилами?

— Потому что два и два может быть запросто равно трем или пяти, или девяносто девяти, если мы так решили.

— Но два и два равно четырем. Если только ты не подразумеваешь что-то странное, особенное под словом «равно». Сам посчитай: один, *два*, три, *четыре*. Если два и два действительно равнялось бы трем, все бы рухнуло в хаос. Мы бы жили в другой вселенной, с другими физическими законами. В существующей вселенной два и два равно четырем. Это всемирное правило, от нас оно не зависит и совсем не рукотворное. Даже если б нас с тобой не было, два и два все равно равнялось бы четырем.

— Да, но *какие* два и *какие* два равны четырем? Обыкновенно, Эухенио, я думаю, что ребенок попросту не понимает числа, — как не понимает кошка или собака. Но временами я себя спрашиваю: есть ли кто-то на земле, для кого числа действительно?.. Пока я лежал в больнице, делать мне было нечего, и я пытался, в порядке умственного упражнения,

посмотреть на мир глазами Давида. Положи перед ним яблоко — что он видит? Какое-то яблоко — не одно яблоко, а *просто* яблоко. Положи два яблока. Что он видит? Просто яблоко и просто яблоко: не два яблока, не одно яблоко дважды, а просто яблоко и яблоко. И тут появляется сеньор Леон (сеньор Леон — его классный руководитель) и спрашивает: «Сколько тут яблок, дитя?» Какой ответ? Что такое «яблоки»? Каково единственное число того, для чего «яблоки» — множественное? Трое людей в автомобиле едут в Восточные кварталы: каково единственное число тому, для чего «люди» — множественное? Эухенио, или Симон, или наш друг-шофер, имени которого я не знаю? Нас трое или же мы — один, один и один?.. Ты всплескиваешь руками от раздражения, и я понимаю, почему. Один, один и один — это три, скажешь ты, и я готов согласиться. Трое людей в машине — все просто. Но Давид нас не понимает. Он не делает те же шаги, что мы все, когда считаем: *один шаг два шаг три*. Для него числа — словно острова, плавающие в громадном черном море пустоты, и его каждый раз просят закрыть глаза и нырнуть в пустоту. *А если я упаду?* — вот что он себя спрашивает. — *Что, если я упаду и буду падать вечно?* Лежа по ночам в постели, я, клянусь, тоже будто падал — подпадал под те же чары, что действуют на мальчика. «Если это так трудно — добраться от одного до двух, — спрашивал я себе, — как же вообще дотянуться от нуля к единице?» Из ниоткуда куда-то — тут же, кажется, нужно настоящее чудо.

— У мальчика и впрямь живое воображение, — задумчиво произносит Эухенио. — Плавучие острова. Но он из этого вырастет. Это все наверняка от

застарелой неуверенности. Нельзя не заметить, как легко он взвинчивается, какой возбужденный делается без всякого повода. Может, за этим кроется какая-то история, ты не знаешь? У него родители много ругались?

— Родители?

— Его настоящие родители. Может, у него какая-нибудь травма прошлого, шрам? Нет? Ну, не важно. Как почувствует себя уверенно в своем окружении, как до него начнет доходить, что вселенная — не только пространство чисел, но и все остальное, — управляется законами, что все происходит неслучайно, он образумится и успокоится.

— То же нам сказал и школьный психолог. Сеньора Очоа. Когда прочувствует себя в мире, когда примет себя, исчезнут его трудности с обучением.

— Уверен, она права. Просто нужно время.

— Возможно. Возможно. Однако вдруг не мы правы, а он? Что, если между двумя и тремя нет моста, а одно лишь пустое пространство? И что, если мы, так уверенно делающие этот шаг, на самом деле валимся в пустоту, просто не знаем об этом, потому что не снимаем с глаз повязки? А ну как только у этого мальчика — единственного из всех нас — глаза зрячи?

— Это все равно что сказать: «А ну как безумцы на самом деле здравы, а здоровые — на самом деле безумцы?» Это, уж прости меня, Симон, мудрствования школьника. Кое-что — попросту истина. Яблоко есть яблоко есть яблоко. Яблоко и еще одно яблоко — будет два яблока. Один Симон и один Эухенио — два пассажира автомобиля. Ребенок, которому это принять легко, — обычный ребенок.

Ему легко, потому что это истина, потому что мы с рождения, так сказать, с ней сонастроены. А что до страха упасть в пустоту между числами — ты когда-нибудь говорил Давиду, что число чисел бесконечно?

— И не раз. Я говорил ему, что последнего числа не существует. Что числа уходят в бесконечность. Но при чем здесь это?

— Бесконечности бывают благие и порочные, Симон. Мы с тобой как-то говорили о порочных бесконечностях — помнишь? Порочная бесконечность — это оказаться во сне, который сам — сон внутри третьего сна, и так далее нескончаемо. Или оказаться в жизни, которая лишь прелюдия к другой жизни, которая тоже лишь прелюдия, и так далее. Числа — они не такие. Числа составляют благую бесконечность. Почему? Потому что числа им нет, и они заполняют собой вселенную, прилегая друг к другу плотно, как кирпичи. Так что мы спасены. Падать некуда. Скажи об этом мальчику. Это придаст ему уверенности.

— Так и сделаю. Но почему-то я думаю, что это его не утешит.

— Пойми меня правильно, друг мой. Я не защищаю школьную систему. Согласен, она очень жесткая, очень старомодная. С моей точки зрения, много чего можно было бы сделать для более практичного, более профессионально-ориентированного образования. Давид мог бы выучиться на слесаря или плотника, к примеру. Для этого высшей математики не требуется.

— Или на грузчика.

— Или на грузчика. Грузчик — вполне почетное занятие, как мы оба знаем. Нет, я с тобой согласен:

твой малец хлебает лиха. И все же учителя по-своему правы, верно? И дело не только в следовании правилам арифметики, но и правилам вообще. Сеньора Инес — очень милая дама, но она чрезмерно балует ребенка, это все видят. Если ребенку постоянно потакать и говорить, что он особенный, если разрешить ему выдумывать правила по ходу дела, что за человек из него вырастет? Может, некоторая дисциплина на этом этапе жизни юному Давиду и не повредила бы.

Хоть он и чувствует к Эухенио величайшую благую волю, хоть его и трогает готовность Эухенио дружить со старшим товарищем, а также многая доброта молодого человека, хоть и не винит он его в том, что произошло в порту — сядь он за рукоятки подъемного крана, справился бы не лучше, — в глубине души он так к Эухенио и не проникся. Он считает его чопорным, зашоренным и напыщенным. Он ошетиливается от его критики Инес. И все же сдерживается.

— В воспитании детей есть две школы мысли, Эухенио. Одна предлагает лепить их, как глину, делать из них добродетельных граждан. Другая говорит, что мы все когда-то были детьми, а счастливое детство — фундамент счастливой дальнейшей жизни. Инес придерживается второй школы, а поскольку она его мать, поскольку связь между ребенком и его матерью священна, я ее поддерживаю. И поэтому нет, я не верю, что усиление школьной дисциплины принесет Давиду пользу.

Они едут молча.

В Восточных кварталах он просит шофера подождать, и Эухенио помогает ему выбраться из машины. Они вместе медленно восходят по лестнице.

Добираются до второго этажа, и там их встречает жуткое зрелище. У квартиры Инес стоят двое — мужчина и женщина — в одинаковой синей форме. Дверь распахнута, изнутри слышен голос Инес — высокий, сердитый.

— Нет! — говорит она. — Нет-нет-нет! Вы не имеете права!

Незнакомцам что-то мешает войти — и он видит, что именно, когда они подбираются ближе: на пороге сидит пес Боливар, уши прижаты, зубы обнажены, овчарка тихо рычит и следит за каждым движением людей, готова к прыжку.

— Симон! — кричит Инес. — Скажите этим людям, чтоб убирались! Они хотят забрать Давида в тот кошмарный исправдом. Скажите им, что они не имеют права!

Он глубоко вдыхает.

— Вы не имеете прав на мальчика, — говорит он, обращаясь к женщине в форме, маленькой и опрятной, как птичка, совсем не похожей на своего грузного напарника. — Я привез его в Новиллу. Я его хранитель. Я во всех смыслах, относящихся к делу, — его отец. Сеньора Инес, — он машет на Инес, — во всех отношениях его мать. Вы не знаете нашего сына так, как знаем его мы. Нет в нем ничего такого, что нуждается в исправлении. Он разумный мальчик, у которого есть некоторые трудности со школьной программой, не более того. Он видит провалы, философские провалы, там, где у обычного ребенка их нет. Его нельзя забирать из дома и из семьи. Мы этого не допустим.

За его речью следует долгое молчание. Из-за спины сторожевого пса Инес яростно буравит женщину взглядом.

— Мы этого не допустим, — повторяет она.

— А вы, сеньор? — спрашивает женщина, обращаясь к Эухенио.

— Сеньор Эухенио — друг, — вмешивается он, Симон. — Он любезно сопровождает меня из больницы. Он в этом недоразумении не участвует.

— Давид — исключительный ребенок, — говорит Эухенио. — Его отец предан ему. Я видел это собственными глазами.

— Колючая проволока! — говорит Инес. — Какие-такие преступники у вас там в этой школе, что их нужно держать за колючей проволокой?

— Колючая проволока — байки, — говорит женщина. — Совершенный вымысел. Я понятия не имею, откуда он берется. Нет в Пунто-Аренас никакой колючей проволоки. Напротив, у нас...

— Он выбрался через колючую проволоку! — перебивает Инес, вновь возвысив голос. — Он об нее разодрал одежду! И вам еще хватает наглости говорить, что там нет колючей проволоки!

— Напротив, у нас политика открытых дверей, — стойко продолжает женщина. — Дети у нас вольны ходить где угодно. Даже замков на дверях нет. Давид, скажи нам честно: в Пунто-Аренас есть колючая проволока?

Теперь, приглядевшись, он замечает, что мальчик всю эту перепалку присутствует рядом, таясь за матерью, слушает внимательно, большой палец — во рту.

— Правда колючая проволока? — повторяет женщина.

— Там есть колючая проволока, — медленно проносит мальчик. — Я через нее прошел.

Женщина качает головой, на лице — едва заметная изумленная улыбка.

— Давид, — говорит она мягко, — мы с тобой оба знаем, что это выдумка. Никакой колючей проволоки в Пунто-Аренас нет. Давайте все поедem и сами убедимся. Можем сесть в машину и поехать туда хоть сейчас. Нет там колючей проволоки никакой.

— Мне не нужно ни в чем убеждаться, — говорит Инес. — Я верю своему ребенку. Если он говорит, что она есть, значит, это правда.

— Но правда ли это? — говорит женщина, обращаясь к мальчику. — Действительно ли это колючая проволока, которую мы можем увидеть воочию, или такая колючая проволока, что могут увидеть и потрогать лишь некоторые люди с живым воображением?

— Она настоящая. Это правда, — говорит мальчик.

Воцаряется молчание.

— Вот, значит, в чем дело, — говорит наконец женщина. — Колючая проволока. Если я докажу вам, сеньора, что там нет колючей проволоки, что ребенок просто рассказывает небылицы, вы его отпустите?

— Вы не сможете это доказать, — говорит Инес. — Если ребенок говорит, что там колючая проволока, я верю ему — там колючая проволока.

— А вы? — спрашивает женщина.

— И я ему верю, — отвечает он, Симон.

— А вы, сеньор?

Эухенио явно неловко.

— Я бы посмотрел сам, — говорит он наконец. — Я не могу верить, пока сам не увижу.

— Что ж, мы, похоже, в тупике, — говорит женщина. — Сеньора, давайте так. У вас есть выбор: либо вы подчиняетесь закону и отдаете нам ребенка, либо мы вынуждены будем звонить в полицию. Что предпочитаете?

— Через мой труп вы его заберете, — говорит Инес. Она смотрит на него. — Симон! Сделайте что-нибудь!

Он глядит на нее беспомощно.

— Что я должен делать?

— Это не постоянная разлука, — говорит женщина. — Давид может ездить домой каждые вторые выходные.

Инес мрачно молчит.

Он просит в последний раз:

— Сеньора, пожалуйста, задумайтесь. То, что вы предлагаете, разобьет материнское сердце. И ради чего? Вот ребенок, у которого свои представления всего лишь об арифметике — не об истории, не о языке, а о скромной арифметике, представления, из которых он вероятнее всего скоро вырастет. Неужели это преступление, если ребенок говорит, что два и два равно трем? Как это может поколебать общественный порядок? И вы из-за этого собрались оторвать его от родителей и закрыть его за колючей проволокой! Шестилетку!

— Нет там колючей проволоки, — терпеливо повторяет женщина. — И ребенка переводят в Пунто-Аренас не потому что он не умеет складывать, а потому, что ему нужна особая опека. Пабло, — говорит она своему молчаливому напарнику, — подожди здесь. Я бы хотела поговорить с этим господином наедине. — Ему: — Сеньор, можно попросить вас пройти со мной?

Эухенио берет его под руку, но он отказывается от помощи.

— Все хорошо, спасибо, — если не торопиться. — Объясняет женщине: — Я только что из больницы. Производственная травма. Мне еще слегка нездоровится.

Они вдвоем на лестнице.

— Сеньор, — говорит женщина вполголоса, — пожалуйста, поймите: я не бездушный конторщик. Я по образованию психолог. Я работаю в Пунто-Аренас с детьми. В то краткое время, которое Давид пробыл у нас до побега, я лично взялась за ним присматривать. Потому что — тут я с вами согласна — он слишком юн, чтобы жить вдали от дома, и я беспокоилась, что он почувствует себя брошенным... Я увидела милого ребенка — очень искреннего, очень прямолинейного, он не боится говорить о своих чувствах. Но увидела я и еще кое-что. Я увидела, как быстро он запал в душу остальным мальчикам — в особенности старшим. Даже самым лихим. Я не преувеличиваю — они его обожают. Они хотели сделать его своим живым талисманом.

— Живым талисманом? Единственная известная мне разновидность живого талисмана — украшенный зверек, которого водят на веревке. Чем тут гордиться — быть живым талисманом?

— Он был их любимцем, всеобщим любимцем. Они не понимают, почему он убежал. Они тоскуют. Каждый день о нем спрашивают. Зачем я вам это рассказываю, сеньор? Чтобы вы поняли, что Давид с самого начала нашел свое место в нашей общине в Пунто-Аренас. Пунто-Аренас — не обыкновенная школа, где ребенок проводит несколько часов в

день, впитывая знания, а потом идет домой. В Пунто-Аренас учителя, ученики и наставники тесно сплочены. Почему же тогда Давид убежал? Не потому, что он там был несчастлив, уверяю вас. А потому что у него мягкое сердце, и мысль о том, что сеньора Инес страдает по нему, была ему несносна.

— Сеньора Инес — его мать, — говорит он.

Женщина пожимает плечами.

— Если бы он подождал несколько дней — приехал бы домой на побывку. Можете уговорить жену, чтобы она его отпустила?

— И как вы себе представляете эти уговоры, сеньора? Вы ее видели. Каким же волшебным заклинанием располагаю я, чтобы заставить такую женщину изменить мнение? Нет, трудность ваша не в том, чтобы забрать Давида у матери. У вас есть власть. Трудность у вас с тем, чтобы его удержать. Решит он вернуться домой к родителям — вернется. Вы не в силах его остановить.

— Он будет убежать, пока убежден, что мать зовет его. Поэтому я и прошу вас с ней поговорить. Убедить ее, что лучше ему поехать с нами. Потому что так лучше всего.

— Вам ни за что не уговорить Инес, что лучше всего — забрать у нее ребенка.

— Тогда уговорите ее хотя бы отдать его без слез и угроз, не расстраивая его. Потому что так или иначе ему придется поехать. Закон есть закон.

— Может, и так, но есть и более высокие соображения, чем подчинение закону, высший долг.

— Да неужели? Не подозревала. Увольте, мне и закона хватает.

Глава 29

Нет сотрудников Пунто-Аренас. Нет Эухенио. Нет и водителя, и задача его не выполнена. Он один с Инес и мальчиком, пока в безопасности за запертой дверью своей старой квартиры. Боливар, выполнив долг, вернулся на свой пост у батареи, откуда мрачно смотрит и ждет, наострив уши, следующего вторжения.

— Давайте сядем и вместе обсудим ситуацию — втроем? — предлагает он.

Инес качает головой.

— Нет больше времени на обсуждения. Я звоню Диего и прошу заехать за нами.

— Заехать за вами и отвезти в «Ла Резиденсию»?

— Нет. Мы будем гнать, пока не уберемся за пределы досягаемости этих людей.

Никакого долгосрочного плана, никакой внятной системы побега — это ясно. Он душой с ней — с этой непоколебимой сухой женщиной, чью жизнь теннисных увеселений и коктейлей на закате он перевернул вверх дном, отдав ей ребенка, чье будущее теперь сжалось до бесцельной гонки по проселкам, пока это не наскучит ее братьям или не кончатся деньги, и у нее не останется выбора — придется вернуться и сдать свой драгоценный груз.

— Как ты, Давид, относишься к тому, — говорит он, — чтобы вернуться в Пунто-Аренас, ненадолго, чтобы показать им, какой ты умница, сделавшись лучшим учеником в классе? Покажешь, что ты складываешь числа лучше всех, что умеешь подчиняться правилам и быть хорошим мальчиком. Как только они это поймут — отпустят тебя домой, честное сло-

во. И ты опять сможешь жить нормальной жизнью, жизнью нормального мальчика. Кто знает, может даже мемориальную табличку однажды повесят в Пунто-Аренас: «Здесь жил знаменитый Давид».

— А чем я буду знаменитый?

— Придется подождать и посмотреть. Может, ты станешь знаменитым фокусником. Или знаменитым математиком.

— Нет. Я хочу уехать с Инес и Диего на машине. Хочу быть цыганом.

Он обращается к Инес:

— Молю вас, Инес, подумайте еще раз. Не бросайтесь в это безрассудство. Должно быть что-то лучше.

Инес встает.

— Вы опять передумали? Вы хотите, чтобы я отдала ребенка чужим людям — отдала свечок моей жизни? Что, по-вашему, я тогда за мать? — И, мальчику: — Иди собирай вещи.

— Я уже собрался. А можно Симон меня немножко покачает, а потом мы поедем?

— Сомневаюсь, что могу сейчас покачать кого-нибудь, — говорит он, Симон, — старой силы сейчас нет у меня, понимаешь.

— Ну немножко. Пожалуйста.

Они спускаются на игровую площадку. Прошел дождь — сиденье качелей влажно. Он вытирает его рукавом.

— Качну пару раз всего, — говорит он.

Качать он может только одной рукой, и качели едва двигаются. Но мальчик, похоже, счастлив.

— Теперь твоя очередь, Симон, — говорит он. С облегчением он, Симон, усаживается на качели, мальчик толкает.

— У тебя был отец или заступник, Симон? — спрашивает мальчик.

— Почти уверен, что у меня был отец, и он качал меня на качелях, вот как сейчас ты меня. У всех у нас есть отцы, это закон природы, как я тебе уже говорил, но некоторые отцы исчезают или теряются.

— Тебя отец высоко качал?

— До самого верха.

— А ты падал?

— Я не помню, чтоб упал хоть раз.

— А что бывает, когда падаешь?

— Все зависит... Если повезет, будет шишка. А если очень-преочень не повезет, сломаешь руку или ногу.

— Нет, что происходит, когда *падаешь*?

— Не понимаю. В смысле, когда происходит падение?

— Да. Это как летать?

— Нет, совсем нет. Летать и падать — не одно и то же. Только птицы умеют летать, а мы, люди, слишком тяжелые.

— Но хоть ненадолго, на самом верху, оно же как летать, правда?

— Наверное, если забыть, что падаешь. А почему ты спрашиваешь?

Мальчик одаряет его загадочной улыбкой.

— Потому что.

На лестнице их встречает угрюмая Инес.

— Диего передумал, — говорит она. — Он с нами не едет. Я так и знала. Говорит, нам придется ехать на поезде.

— На поезде? Куда? До конца ветки? И что вы будете там делать, вдвоем с ребенком? Нет. Звони-

те Диего. Скажите, чтоб пригнал машину. Я поведу. Понятия не имею, куда нам ехать, но я с вами.

— Он не согласится. Он не отдаст машину.

— Это не его машина. Она принадлежит вам троим. Скажите ему, что он на ней достаточно поездил, теперь ваша очередь.

Через час появляется Диего — насупленный, охочий до ссоры. Но Инес пресекает его ворчание. Она облачена в сапоги и плащ, и такой властной он не видел ее прежде никогда. Диего стоит в сторонке, руки в брюки, а она вскидывает тяжелый чемодан на крышу автомобиля, привязывает его. Когда мальчик притаскивает свою коробку находок, она решительно качает головой.

— Три вещи, не больше, — говорит она. — Маленьких. Выбирай.

Мальчик выбирает сломанный часовой механизм, камень с белой прожилкой, дохлого сверчка в стеклянной банке и сухую грудную косточку чайки. Она спокойно берет у него косточку двумя пальцами и выбрасывает ее.

— Остальное неси в мусорный бак. — Мальчик смотрит на нее ошарашенно. — Цыгане с собой мусор не таскают, — говорит она.

Наконец машина готова к отбытию. Он, Симон, осторожно устраивается сзади, за ним мальчик, далее — Боливар, ложится у них в ноги. Ведя автомобиль гораздо быстрее необходимого, Диего вырубивает к «Ла Резиденсии», где молча выходит, хлопает дверью и удаляется.

— Почему Диего такой сердитый? — спрашивает мальчик.

— Он когда-то был принцем, — говорит Инес. — Он привык, чтобы все было по его.

— Теперь я принц?

— Да, ты принц.

— А ты королева, а Симон — король? Мы семья? Они с Инес переглядываются.

— Вроде того, — говорит он. — В испанском нет названия для того, что мы есть, так что давай называть нас семьей Давида.

Мальчик откидывается на сиденье, очень довольный.

Он ведет медленно — чувствует удар боли всякий раз, когда переключает скорость, — выезжает из «Ла Резиденсии» и принимается искать дорогу на север.

— Куда мы едем? — спрашивает мальчик.

— На север. Есть соображения, куда бы лучше?

— Нет, но я не хочу жить в палатке, как в том, другом месте.

— В Бельстаре? Вообще-то это неплохая мысль. Мы можем отправиться в Бельстар: сесть на судно и вернуться к старой жизни. И все наши заботы останутся позади.

— Нет! Я не хочу старую жизнь, я хочу новую!

— Я пошутил, мой мальчик. Начальник порта в Бельстаре не позволил бы никому сесть на корабль в старую жизнь. Он в этом очень строг. Никаких возвращений. Так что либо новая жизнь, либо та, которой мы жили. Есть предложения, Инес, где нам найти новую жизнь? Нет? Тогда будем ехать и посмотрим, что впереди.

Они находят трассу на север и едут по ней — сначала по промышленным пригородам Новиллы, а потом по суровым сельским местам. Дорога постепенно уходит в горы.

— Мне надо покакать, — объявляет мальчик.

— Может, потерпишь? — говорит Инес.

— Нет.

Оказывается, туалетной бумаги не взяли. Что еще Инес забыла в спешке?

— А мы взяли «Дона Кихота»? — спрашивает он мальчика.

Мальчик кивает.

— Пожертвуешь страницей?

Мальчик качает головой.

— Тогда придется тебе ходить с грязной попой. Как цыгану.

— Можно и носовым платком, — холодно выговаривает Инес.

Они останавливаются. Затем едут дальше. Машина Диего начинает ему нравиться. Она, может, и неказистая, и неуклюжая, но двигатель вроде стойкий, податливый.

С высоты они спускаются в заросшие кустарником холмы, по ним там и сям рассыпаны селенья, и места здесь совсем не похожи на песчаные пустоши к югу от города. Их автомобиль подолгу катит по дороге совсем один.

Они натываются на городок под названием Лагуна-Верде (с чего? нет тут никакой лагуны) и там заправляются. Проходит час, не меньше пятидесяти километров, и они добираются до следующего городка.

— Уже поздно, — говорит он. — Надо искать место для ночлега.

Они едут по главной улице. Гостиницы нигде не видно. Останавливаются на бензоколонке.

— Где в округе можно переночевать? — спрашивает он у дежурного.

Человек чешет голову.

— Если нужна гостиница, вам придется ехать в Новиллу.

— Мы только что оттуда.

— Тогда не знаю, — говорит дежурный. — Обычно люди разбивают палатки.

Они возвращаются на трассу, сгущается ночь.

— Мы сегодня будем цыганами? — спрашивает мальчик.

— У цыган есть кибитки, — говорит он. — У нас кибитки нет, только забитая маленькая машина.

— Цыгане спят под заборами, — говорит мальчик.

Карты у них нет. Он понятия не имеет, что ждет их в пути. Они молча едут дальше.

Он поглядывает через плечо. Мальчик уснул, обняв Боливару за шею. Он смотрит псу в глаза. «Стереги его», — говорит он, не произнося ни слова. Ледяные янтарные глаза смотрят на него в ответ, не мигая.

Он знает, что пес его не любит. Но, может, пес не любит никого; может, любовь ему не по сердцу. Какое вообще имеет значение любовь ли, обожание ли по сравнению с преданностью?

— Он уснул, — говорит он Инес тихонько. И далее: — Простите, что с вами еду я. Вы бы предпочли брата, верно?

Инес пожимает плечами.

— Я знала, что он меня подведет. Он, вероятно, самый эгоистичный человек на свете.

Она впервые критикует кого-то из братьев в его присутствии — и впервые на его стороне.

— Живя в «Ла Резиденсии», делаешься самовлюбленным, — добавляет она.

Он ждет продолжения — о «Ла Резиденсии», о ее братьях, но она все сказала.

— Я никогда не решался спросить, — говорит он. — Почему вы приняли мальчика? В день нашей встречи вы, мне кажется, нас сильно невзлюбили.

— Все случилось слишком внезапно, слишком неожиданно. Вы взяли из ниоткуда.

— Все великие дары даются из ниоткуда. Вам это должно быть известно.

Правда ли это? Правда ли великие дары появляются из ниоткуда? С чего он вообще это сказал?

— Вы и впрямь думаете, — говорит Инес (и он отчетливо слышит, с каким чувством она произносит эти слова), — вы и впрямь думаете, что я не хотела себе ребенка? Каково это, по-вашему, — сидеть взаперти в «Ла Резиденсии»?

Он теперь понимает, что это за чувство: ожесточение.

— Понятия не имею, каково это. Я никогда не понимал «Ла Резиденсию» и того, как вы там очутились.

Она не слышит вопроса — или не считает нужным отвечать.

— Инес, — говорит он, — позвольте в последний раз спросить: вы уверены, что хотите этого — бежать от жизни, которую знаете, лишь потому, что ребенок не ладит со своим учителем?

Она молчит.

— Это не по вам жизнь — жизнь в бегах, — продолжает он. — Она и мне не подходит. А мальчик же может убежать лишь до поры до времени. Рано или поздно он вырастет и примирится с обществом.

Губы у нее сжимаются. Она яростно вперяется во тьму впереди.

— Подумайте об этом, — говорит он в заключение. — Хорошенько подумайте. Но что бы вы ни ре-

шили, будьте уверены: я последую, — он умолкает, не дает вырваться словам, которые просятся наружу, — я последую за вами на край света.

— Я не хочу, чтобы он кончил тем же, что и мои братья, — говорит Инес так тихо, что он силится расслышать. — Не хочу, чтобы он стал конторским служащим или учителем, как сеньор Леон. Я хочу, чтобы он чего-то добился в жизни.

— Уверен, он добьется. Он исключительный ребенок с исключительным будущим. Мы оба это понимаем.

Свет фар выхватывает нарисованный краской дорожный указатель. «*Cabañas, 5 км*». Вскоре появляется следующий — «*Cabañas, 1 км*».

Означенные *cabañas* стоят в стороне от дороги, в полной темноте. Они находят контору. Он выбирается из машины, стучит в дверь. Ему открывает женщина в халате, с фонарем. Электричества последние три дня не было, сообщает она. Электричества нет, а стало быть и *cabañas* не сдаются.

Заговаривает Инес.

— У нас в машине ребенок. Мы устали. Мы не можем ехать всю ночь. Может, у вас найдутся свечи?

Он возвращается в машину, трясет ребенка.

— Пора просыпаться, мое сокровище.

Одним текучим движением пес поднимается и выскакивает из машины, его тяжелые плечи сметают его в сторону как соломинку.

Мальчик сонно трет глаза.

— Мы приехали?

— Нет, пока нет. Мы остановились на ночь.

Женщина при свете фонаря показывает им ближайший домик. Он скудно меблирован, но две кровати в нем есть.

— Берем, — говорит Инес. — Можно ли тут где-то поесть?

— В *cabañas* готовка самостоятельная, — отвечает женщина. — Вон есть плита. — Она машет лампой в сторону плиты. — Вы с собой припасов не привезли?

— У нас буханка хлеба и фруктовый сок для ребенка, — говорит Инес. — Не было времени останавливаться. Можно купить у вас еды? Котлет или, может, сосисок? Не рыбу. Ребенок рыбу не ест. И каких-нибудь фруктов. И любые объедки для собаки.

— Фрукты! — говорит женщина. — Фруктов мы тут давным-давно не видали. Идемте, покажу, что есть.

Женщины уходят, оставив их в темноте.

— Рыбу я ем, — говорит мальчик, — главное, чтоб у нее глаз не было.

Инес возвращается с банкой фасоли, банкой, на которой написано, что это коктейльные сосиски в рассоле, и с лимоном, а еще при ней свечи и спички.

— А Боливару что? — спрашивает мальчик.

— Боливар поест хлеб.

— Пусть ест мои сосиски, — говорит мальчик. — Я их терпеть не могу.

Они едят свою скромную трапезу при свечах, сидя рядком на кровати.

— Чисти зубы и спать, — говорит Инес.

— Я не устал, — говорит мальчик. — Давайте поиграем? Давайте поиграем в «Правду или последствие».

Теперь его очередь пасовать.

— Спасибо, Давид, но на сегодня последствий достаточно. Мне надо отдохнуть.

— А можно я открою подарок сеньора Даги?

— Что за подарок?

— Сеньор Дага дал мне подарок. Он сказал, что его нужно открыть в лихую годину. Сейчас лихая година.

— Сеньор Дага дал ему подарок на дорогу, — говорит Инес, пряча взгляд.

— У нас лихая година, можно я открою?

— Это ненастоящая лихая година — лихая година по-настоящему у нас еще впереди, — говорит он. — Но ладно, открывай.

Мальчик убегает к машине и возвращается с картонной коробкой, которую и потрошит. В ней черный атласный балахон. Он вынимает его из коробки, разворачивает. Не балахон, а плащ.

— Тут записка, — говорит Инес. — Читай.

Мальчик подносит бумажку к свече и читает: «Это волшебный плащ-невидимка. Кто наденет его — незримым для мира станет».

— Я же говорил! — кричит он и приплясывает от восторга. — Я говорил, что сеньор Дага знает волшебство! — Он заворачивается в плащ. Тот слишком велик для него. — Меня видно, Симон? Я невидимый?

— Не вполне. Пока нет. Ты не прочел записку до конца. Слушай. «Инструкции пользователя. Чтобы достичь незримости, носитель должен облачиться в плащ перед зеркалом, а затем поджечь волшебный порошок и произнести тайное заклинание. И тогда его земное тело исчезнет в зеркале и оставит за собой лишь бесследный дух».

Он глядит на Инес.

— Что скажете, Инес? Позволим нашему юному другу облачиться в плащ-невидимку и произнести

тайное заклинание? А ну как он исчезнет в зеркале и никогда не вернется?

— Завтра облачишься, — говорит Инес. — Сегодня уже поздно.

— Нет! — говорит мальчик. — Сейчас! Где волшебный порошок? — Он роется в коробке и извлекает оттуда стеклянную банку. — Это волшебный порошок, Симон?

Он открывает банку, нюхает серебристую пудру. Она ничем не пахнет.

На стене домика есть ростовое зеркало, обсиженное мухами. Он ставит мальчика перед зеркалом, застегивает на нем плащ у горла. Плащ ложится к ногам мальчика тяжелыми складками.

— Вот. Держи свечу в одной руке. Волшебный порошок — в другой. Приготовил волшебное заклинание?

Мальчик кивает.

— Отлично. Посыпь порошок на свечку и скажи заклинание.

— Абракадабра, — говорит мальчик и сыпет порошок. Тот падает на пол кратким дождиком. — Я уже невидимый?

— Пока нет. Возьми побольше порошка.

Мальчик сует свечку в банку. Взрыв света, а затем полная тьма. Инес вскрикивает. Сам он, ослепленный, отшатывается. Собака принимается лаять как одержимая.

— Вы меня видите? — слышится голос мальчика — тихонько, боязливо. — Я незримый?

Все молчат.

— Я ничего не вижу, — говорит мальчик. — Спаси меня, Симон.

Он нашаривает мальчика, поднимает его с пола, стаскивает с него плащ.

— Я ничего не вижу, — говорит мальчик. — У меня рука болит. Я умер?

— Нет, конечно, нет. Ты ни невидимый, ни мертвый. — Он шарит по полу, находит свечу, зажигает ее. — Покажи руку. Не вижу, что с ней не так.

— Больно. — Мальчик сосет пальцы.

— Наверное, обжегся. Пойду посмотрю, не спит ли та дама. Может, у нее найдется масло — чтобы не жгло. — Он отдает мальчика в руки Инес. Она обнимает его, целует, кладет на кровать, воркует над ним.

— Темно, — говорит мальчик. — Я ничего не вижу. Я внутри зеркала?

— Нет, мой милый, — говорит Инес, — ты не внутри зеркала, ты с мамой, и все будет хорошо. — Она поворачивается к Симону. — Ищите врача! — шипит она.

— Похоже, это магниевый порошок, — говорит он. — Теряюсь в догадках, как вашему другу Даге пришлось в голову дать ребенку такой опасный подарок. Но, с другой стороны, — им овладевает злорадство, — я много чего не понимаю в вашей дружбе с этим мужчиной. И, пожалуйста, заткните собаку — ее брехня сводит с ума.

— Хватит ныть! Делайте что-нибудь! Сеньор Дага вас не касается. Идите!

Он выходит из домика и шагает по залитой лужной тропе к конторе сеньоры. «Как старая женатая пара, — думает он про себя. — Мы ни разу не переспали — даже не целовались, а ссоримся так, будто много лет женаты!»

Глава 30

Ребенок спит крепко, но, когда просыпается, становится понятно, что зрение у него по-прежнему не восстановилось. Он описывает зеленые лучи, скользящие в его поле зрения, каскады звезд. Он совсем не расстроен — похоже, эти видения завораживают его.

Он стучит в дверь к сеньоре Роблес.

— У нас вчера вечером произошел несчастный случай, — говорит он ей. — Нашему сыну требуется врачебная помощь. Где здесь ближайшая больница?

— В Новилле. Можем позвонить в «Скоруу», но она прибудет из Новиллы. Быстрее сами довезете.

— До Новиллы далеко. Неужели нет врача поближе?

— В Нуэва-Эсперанце есть хирургическое отделение — это километров шестьдесят отсюда. Я узнаю адрес. Бедный ребенок. Что стряслось?

— Он играл с горючим веществом. Оно загорелось, и пламя его ослепило. Мы думали, что за ночь пройдет, но нет.

Сеньора Роблес сочувственно цокает языком.

— Дайте-ка я гляну, — говорит она.

Они застают Инес за нервными сборами в дорогу. Мальчик сидит на кровати в своем черном плаще, глаза закрыты, на лице — зачарованная улыбка.

— Сеньора Роблес говорит, что врач есть в часе езды отсюда, — объявляет он.

Сеньора Роблес неловко опускается на колени перед мальчиком.

— Миленький, твой отец говорит, что ты не видишь. Это правда? Меня не видишь?

Мальчик открывает глаза.

— Я вас вижу, — говорит он. — У вас из волос летят звезды. А если закрою глаза, — он закрывает глаза, — у меня получается летать. Я вижу весь мир.

— Уметь видеть весь мир — это чудесно, — говорит сеньора Роблес. — А сестру мою видишь? Она живет в Маргелесе, рядом с Новиллой. Ее зовут Рита. Она похожа на меня, только моложе и красивее.

Мальчик хмурится от напряжения.

— Не вижу, — говорит он наконец. — У меня рука очень болит.

— Он обжег пальцы, — объясняет он, Симон, — Я собирался попросить вас дать нам немного масла, помазать ожог, но было поздно, не хотелось вас будить.

— Сейчас принесу масла. Вы пробовали промыть ему глаза солью?

— Это такой род слепоты, какой возникает, когда смотришь на солнце. Соль тут не поможет. Инес, мы готовы? Сеньора, сколько мы вам должны?

— Пять реалов за домик и два — за продукты. Хотите кофе на дорогу?

— Спасибо, но у нас нет времени.

Он берет мальчика за руку, но мальчик выдерживает ее.

— Я не хочу ехать, — говорит он. — Хочу остаться тут.

— Мы не можем остаться. Тебя надо показать врачу, а сеньоре Роблес надо убрать домик для следующих посетителей.

Мальчик складывает руки на груди и отказывается подчиняться.

— Давай так, — говорит сеньора Роблес. — Ты поедешь к врачу, а на обратном пути вы с родителями еще раз ко мне заедете.

— Они мне не родители, и мы не вернемся. Мы направляемся к новой жизни. Поедете с нами в новую жизнь?

— Я? Вряд ли, миленький. Спасибо тебе за приглашение, но у меня тут слишком много дел, да и в машине меня укачивает. Где же ты собираешься найти новую жизнь?

— В Эстель... В Эстреллите-дель-Норте.

Сеньора Роблес с сомнением качает головой.

— Не думаю, что в Эстреллите есть какая-то новая жизнь. У меня туда друзья переехали, и они говорят, что это скучнейшее место на свете.

Вмешивается Инес.

— Идем, — приказывает она мальчику. — Сам не пойдешь — я тебя понесу. Считаю до трех. Раз. Два. Три.

Мальчик без единого слова встает, подбирает полы плаща и бредет по тропинке к автомобилю. Обиженно устраивается на заднем сиденье. Собака легко запрыгивает вслед за ним.

— Вот масло, — говорит сеньора Роблес. — Помажь больные пальцы и оберни носовым платком. Ожог скоро сойдет. И вот еще пара солнечных очков, мой муж их больше не носит. Носи, пока глазам не полегчает.

Она одевает мальчику очки. Они ему очень велики, но он их не снимает.

Они прощаются и отправляются по дороге на север.

— Не надо говорить людям, что мы не твои родители, — произносит он. — Во-первых, это неправда. Во-вторых, они подумают, что мы тебя украли.

— Мне все равно. Мне не нравится Инес. Ты мне не нравишься. Мне нравятся только братья. Хочу братьев.

— У тебя сегодня скверное настроение, — говорит Инес.

Мальчик не снисходит до ответа. Он смотрит на солнце сквозь очки сеньоры — оно уже совсем поднялось над линией синих гор вдаль.

Появляется дорожный указатель: «Эстреллитадель-Норте, 475 км, Нуэва-Эсперанца, 50 км». Возле указателя стоит автостопщик — молодой человек в оливково-зеленом пончо, у ног рюкзак, смотрит он в этом пустом пейзаже очень одиноко. Он, Симон, сбавляет скорость.

— Что вы делаете? — говорит Инес. — У нас нет времени подбирать чужаков.

— Подбирать кого? — говорит мальчик.

В зеркале заднего обзора он видит, как автостопщик трусит к машине. Он виновато разгоняется прочь.

— Подбирать кого? — говорит мальчик. — Вы о ком?

— Да там человек просит его подвезти, — говорит Инес. — У нас нет места в машине. И времени нет. Нам надо отвезти тебя к врачу.

— Нет! Если не остановитесь, я выпрыгну! — И он открывает ближнюю к себе дверцу.

Он, Симон, резко бьет по тормозам и выключает двигатель.

— Никогда больше так не делай! Ты же мог выпасть и убится.

— Мне все равно! Я хочу в другую жизнь! Я не хочу быть с тобой и Инес!

Повисает ошарашенное молчание. Инес вперяется в дорогу впереди.

— Ты не понимаешь, что говоришь, — шепчет она.

Потрескивают шаги, в водительском окне появляется бородатое лицо.

— Спасибо! — пыхтит незнакомец. Открывает заднюю дверь. — Здравствуйте, юноша! — говорит он и замирает, заметив пса, растянувшегося на сиденье рядом с мальчиком, — пес поднимает голову и низко рычит.

— Какой громадный пес! — говорит он. — Как его зовут?

— Боливар. Это немецкая овчарка. Тихо, Боливар! — Мальчик обнимает пса за шею и спихивает его с сиденья. Пес неохотно уstraивается на полу у мальчика в ногах. Незнакомец занимает его место; машина тут же пропахивает кислым духом нестиранной одежды. Инес откручивает окно.

— Боливар, — говорит молодой человек. — Какое необычное имя. А тебя как зовут?

— У меня нет имени. Мне еще предстоит его добыть.

— Тогда я буду звать тебя сеньором Анонимо, — говорит молодой человек. — Привет тебе, сеньор Анонимо, я — Хуан. — Он протягивает руку, но мальчик не обращает на это внимания. — Почему ты в плаще?

— Это волшебство. Он делает меня невидимым. Я невидимый.

Он встречается.

— С Давидом произошел несчастный случай, мы везем его к врачу. Боюсь, добросить вас сможем только до Нуэва-Эсперанцы.

— Хорошо.

— Я обжег руку, — говорит мальчик. — Мы едем за лекарством.

— Болит?

— Да.

— Мне нравятся твои очки. Мне бы такие.

— Берите.

После ледяной поездки рано утром в кузове лесовоза их пассажир рад теплу и удобству их машины. Из его болтовни следует, что он — печатник и направляется в Эстреллиту, у него там друзья, и, если верить слухам, навалом работы.

На повороте к Нуэва-Эсперанце он останавливается выпустить новенького.

— Мы уже приехали к врачу? — спрашивает мальчик.

— Еще нет. Здесь мы расстаемся с нашим другом. Он поедет дальше на север.

— Нет! Он должен остаться с нами!

Он обращается к Хуану:

— Мы можем вас высадить здесь или же поехали с нами в город. Выбирайте.

— Поеду с вами.

Хирургическое отделение они находят без труда. Доктор Гарсиа ушел по вызову, сообщает им медсестра, но они могут его подождать.

— Пойду поищу что-нибудь на завтрак, — говорит Хуан.

— Нет, не пойдешь, — говорит мальчик. — Потеряешься.

— Не потеряюсь, — говорит Хуан. Кладет ладонь на дверную ручку.

— Велю тебе остаться! — рявкает мальчик.

— Давид! — одергивает его он, Симон. — Что на тебя сегодня нашло? Нельзя так разговаривать с посторонним человеком.

— Он не посторонний. И не зови меня Давидом.

— И как прикажешь тебя звать?

— Зови меня моим настоящим именем.

— Каким же?

Мальчик молчит.

Он обращается к Хуану.

— Идите прогуляйтесь. Встретимся здесь же.

— Нет, я, пожалуй, останусь, — говорит Хуан.

Появляется врач — невысокий коренастый мужчина энергичного вида, с копной серебристо-седых волос. Он взирает на них с видом шуточной тревоги.

— Что это? И собака! Чем я могу всем вам помочь?

— Я обжег руку, — говорит мальчик. — Дама помазала маслом, но все равно больно.

— Ну-ка гляну... Так-так... Должно быть болезненно. Пойдем со мной в кабинет, посмотрим, что можно сделать.

— Доктор, мы тут не из-за руки, — говорит Инес. — Вчера вечером произошел несчастный случай с огнем, и наш сын теперь не видит, как следует. Посмотрите его глаза, ладно?

— Нет! — кричит мальчик, восставая против Инес. Поднимается и пес, топает через приемную и устраивается подле мальчика. — Я же говорю вам — я вижу, это вы меня не видите, потому что я в плаще-невидимке. Он делает меня невидимым.

— Можно я гляну? — говорит доктор Гарсиа. — Твой хранитель мне даст?

Мальчик кладет властную руку собаке на ошейник.

Врач снимает темные очки с носа мальчика.

— Видишь меня? — спрашивает он.

— Вы — малюсенький-премалюсенький, как муравей, и машете лапками и говорите: «Видишь меня?»

— Ага, понятно. Ты невидимый, и никто из нас тебя не может видеть. Но к тому же у тебя болит рука, и она-то не невидимая. Ну что, пойдём в кабинет, и ты мне дашь осмотреть твою руку — твою видимую часть?

— Хорошо.

— Можно и мне с вами? — говорит Инес.

— Чуть погодя, — говорит врач. — Сперва мы с молодым человеком потолкуем наедине.

— Боливар должен идти со мной, — говорит мальчик.

— Боливар может с тобой пойти, если будет вести себя хорошо, — говорит врач.

— Что на самом деле случилось с вашим сыном? — спрашивает Хуан, когда они остаются одни.

— Его зовут Давид. Он играл с магнием, магний загорелся, и его ослепило вспышкой.

— Он говорит, что его зовут не Давидом.

— Он много чего говорит. У него плодовитое воображение. Имя Давид ему дали в Бельстаре. Хочет другое — пожалуйста.

— Вы из Бельстара? Я тоже.

— Тогда вы в курсе, какая там система. Наши здешние имена нам дали там, но можно было с тем

же успехом раздать номера. Номера, имена — все в равной мере условно, в равной мере случайно, в равной мере не важно.

— Вообще-то случайных чисел не бывает, — говорит Хуан. — Скажете: «Задумай случайное число», а я — «96513», потому что это число первым пришло на ум, однако оно не случайно — это номер моей социальной карты, или старый номер телефона, или еще что-нибудь в этом духе. За любым числом есть причина.

— А, так вы тоже нумерологический мистик! Вам с Давидом нужно школу основать. Вы будете учить тайным причинам, стоящим за числами, а он — как перебраться от одного числа к другому и не упасть в вулкан. Конечно же, *пред оком Господним* нет случайных чисел. Но мы не живем пред оком Господним. В мире, где мы живем, есть случайные числа, случайные имена и случайные события — вас случайно подобрали на машине, в которой сидели мужчина, женщина и ребенок по имени Давид. И пес. Какая за этим событием тайная причина, по-вашему?

Хуан не успевает ответить: дверь в кабинет распахивается.

— Пожалуйста, войдите, — говорит доктор Гарсиа.

Они с Инес входят. Хуан медлит, но из кабинета слышится чистый юный голос мальчика:

— Он мой брат, пусть тоже войдет.

Мальчик сидит на краю кушетки, на губах — улыбка безмятежной уверенности, темные очки вздеты на макушку.

— Мы хорошенько поговорили с нашим юным другом, — говорит доктор Гарсиа. — Он объяснил

мне, как вышло, что он для нас невидим, а я ему объяснил, почему он нас видит насекомыми, что машут усиками, пока он летает над нами в вышине. Я сказал ему, что мы бы хотели, чтобы он видел нас такими, какие мы на самом деле есть, — не насекомыми, а он попросил, чтобы мы в свою очередь, когда опять сделаемся зримым, тоже видели его таким, как он на самом деле есть. Я точно излагаю нашу беседу, молодой человек?

Мальчик кивает.

— Наш юный друг говорит вот еще что, — врач многозначительно смотрит на него, Симона, — что вы ему не настоящий отец, а вы, — он глядит на Инес, — не настоящая мать. Я не прошу вас оправдываться. У меня своя семья, и я знаю, что дети иногда говорят дикости. И тем не менее, не хотите ли вы что-нибудь добавить?

— Я его настоящая мать, — говорит Инес, — и мы спасаем его от отправки в исправительную школу, где из него сделают преступника.

Инес, сказав все, что желала, сжимает губы и дерзко сверкает глазами.

— А что у него с глазами, доктор? — спрашивает он, Симон.

— Все в порядке. Я осмотрел их и произвел проверку зрения. Как органы зрения, глаза у него совершенно в норме. А на руку я наложил повязку. Ожог несерьезный, улучшения будут уже через день-другой. Позвольте спросить: стоит ли мне беспокоиться о том, что мне рассказывает этот молодой человек?

Он поглядывает на Инес.

— Имеет смысл доверять тому, что говорит мальчик. Если он хочет, чтобы его у нас забрали и вер-

нули в Новиллу — верните его в Новиллу. Он ваш пациент, под вашей опекой. — Он обращается к мальчику: — Ты этого хочешь, Давид?

Мальчик не отвечает, но жестом подзывает его ближе. Берет его за руку и шепчет на ухо.

— Доктор, Давид сообщает мне, что в Новиллу возвращаться не желает, но хочет, чтобы вы поехали с нами.

— Куда?

— На север, в Эстреллиту.

— В новую жизнь, — говорит мальчик.

— А как же мои пациенты в Эсперанце? Они на меня полагаются. Кто за ними присмотрит, если я их брошу и буду присматривать за тобой?

— Вам не надо за мной присматривать.

Доктор Гарсиа бросает на него, Симона, растерянный взгляд. Он глубоко вдыхает.

— Давид предлагает вам оставить практику, поехать с нами на север и там начать новую жизнь. Это ради вашего блага, не ради его.

Доктор Гарсиа встает.

— А, понял! Очень щедро с вашей стороны включить меня в ваши планы, молодой человек. Но жизнь моя в Эсперанце вполне счастлива и полна. Меня ни от чего не нужно спасать, спасибо.

Они вновь в машине, едут на север. Мальчик бурлит возбуждением, больная рука забыта. Он на заднем сиденье болтает с Хуаном, тискает собаку. Хуан резвится с ним, хотя по-прежнему опасается пса — тому еще предстоит привыкнуть к Хуану.

— Тебе понравился доктор Гарсиа? — спрашивает он, Симон.

— Нормально, — говорит мальчик. — У него волосы на пальцах, как у оборотня.

— Почему ты позвал его в Эстреллиту?

— Потому что.

— Нельзя же звать всех подряд с собой, — говорит Инес.

— Почему нельзя?

— Потому что в машине места нет.

— Есть место. Боливар может сидеть у меня на коленях, правда, Боливар? — Молчание. — А что мы будем делать, когда приедем в Эстреллиту?

— До Эстреллиты еще далеко. Потерпи.

— Но что мы там будем *делать*?

— Найдем Центр переселения, явемся в контору — ты, Инес, я...

— И Хуан. Ты Хуана забыл. И Боливар.

— Ты, Инес, Хуан, Боливар и я, и скажем: *Доброе утро, мы новоприбывшие, ищем пристанище.*

— И?

— И все. *Ищем пристанище, начать новую жизнь.*

Оглавление

Глава 1.....	7
Глава 2.....	18
Глава 3.....	26
Глава 4.....	35
Глава 5.....	46
Глава 6.....	53
Глава 7.....	62
Глава 8.....	69
Глава 9.....	78
Глава 10.....	91
Глава 11.....	103
Глава 12.....	109
Глава 13.....	114
Глава 14.....	124
Глава 15.....	134
Глава 16.....	144
Глава 17.....	155
Глава 18.....	164
Глава 19.....	176
Глава 20.....	189
Глава 21.....	203
Глава 22.....	210
Глава 23.....	222

316 *Оглавление*

Глава 24.....	226
Глава 25.....	239
Глава 26.....	250
Глава 27.....	261
Глава 28.....	278
Глава 29.....	290
Глава 30.....	303

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

Литературно-художественное издание

ЛУЧШЕЕ ИЗ ЛУЧШЕГО.
КНИГИ ЛАУРЕАТОВ МИРОВЫХ ЛИТЕРАТУРНЫХ ПРЕМИЙ

Джон Максвелл Кутзее

ДЕТСТВО ИИСУСА

Ответственный редактор *А. Зальнова*
Литературный редактор *М. Немцов*
Младший редактор *А. Черташ*
Художественный редактор *А. Сауков*
Технический редактор *Г. Романова*
Компьютерная верстка *В. Фирстов*
Корректор *О. Супрун*

ООО «Издательство «Э»

123308, Москва, ул. Зорге, д. 1. Тел. 8 (495) 411-66-86; 8 (495) 956-39-21.

Өндіруші: «Э» АҚБ Баспасы, 123308, Мәскеу, Ресей, Зорге көшесі, 1 үй.

Тел. 8 (495) 411-66-86; 8 (495) 956-39-21.

Тауар белгісі: «Э»

Қазақстан Республикасында дистрибутор және өнім бойынша арыз-талаптарды қабылдаушының өкілі «РДЦ»-Алматы» ЖШС, Алматы қ., Домбровский қаш., 3-а, литер Б, офис 1.

Тел.: 8 (727) 251-59-89/90/91/92, факс: 8 (727) 251 58 12 вн. 107.

Өнімнің жарамдылық мерзімі шектелмеген.

Сертификация туралы ақпарат сайтта Өндіруші «Э»

Сведения о подтверждении соответствия издания согласно законодательству РФ о техническом регулировании можно получить на сайте Издательства «Э»

Өндірген мемлекет: Ресей

Сертификация қарастырылмаған

Подписано в печать 20.08.2015.

Формат 84×108 1/32. Гарнитура «NewtonCTT».

Печать офсетная. Усл. печ. л. 16,8.

Тираж 3000 экз. Заказ О-2416.

Отпечатано в типографии филиала АО «ТАТМЕДИА»
«ПИК «Идел-Пресс». 420066, г. Казань, ул. Декабристов, 2.

ISBN 978-5-699-83123-4

9 785699 831234 >

В электронном виде <http://www.litres.ru>

ЛитРес:
ОДИН КЛИК ДО КНИГ

Оптовая торговля книгами Издательства «Э»:
142700, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное,
Белокаменное ш., д. 1, многоканальный тел.: 411-50-74.

**По вопросам приобретения книг Издательства «Э» зарубежными
оптовыми покупателями обращаться в отдел зарубежных продаж**
*International Sales: international wholesale customers should contact
Foreign Sales Department for their orders.*

**По вопросам заказа книг корпоративным клиентам,
в том числе в специальном оформлении, обращаться по тел.:**
+7 (495) 411-68-59, доб. 2115/2117/2118; 411-68-99, доб. 2762/1234.

**Оптовая торговля бумажно-беловыми
и канцелярскими товарами для школы и офиса:**
142702, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное-2,
Белокаменное ш., д. 1, а/я 5. Тел./факс: +7 (495) 745-28-87 (многоканальный).

Полный ассортимент книг издательства для оптовых покупателей:

В Санкт-Петербурге: ООО СЗКО, пр-т Обуховской Обороны, д. 84Е.

Тел.: (812) 365-46-03/04.

В Нижнем Новгороде: 603094, г. Нижний Новгород, ул. Карпинского, д. 29,
бизнес-парк «Грин Плаза». Тел.: (831) 216-15-91 (92/93/94).

В Ростове-на-Дону: ООО «РДЦ-Ростов», пр. Стачки, 243А.

Тел.: (863) 220-19-34.

В Самаре: ООО «РДЦ-Самара», пр-т Кирова, д. 75/1, литера «Е».

Тел.: (846) 269-66-70.

В Екатеринбурге: ООО «РДЦ-Екатеринбург», ул. Прибалтийская, д. 24а.

Тел.: +7 (343) 272-72-01/02/03/04/05/06/07/08.

В Новосибирске: ООО «РДЦ-Новосибирск», Комбинатский пер., д. 3.

Тел.: +7 (383) 289-91-42.

В Киеве: ООО «Форс Украина», г. Киев, пр. Московский, 9 БЦ «Форум».

Тел.: +38-044-2909944.

**Полный ассортимент продукции Издательства «Э»
можно приобрести в магазинах «Новый книжный» и «Читай-город».**

Телефон единой справочной: 8 (800) 444-8-444.

Звонок по России бесплатный.

В Санкт-Петербурге: в магазине «Парк Культуры и Чтения БУКВОЕД»,

Невский пр-т, д.46. Тел.: +7(812)601-0-601, www.bookvoed.ru/

Розничная продажа книг с доставкой по всему миру.

Тел.: +7 (495) 745-89-14.

интеллектуальный БЕСТСЕЛЛЕР

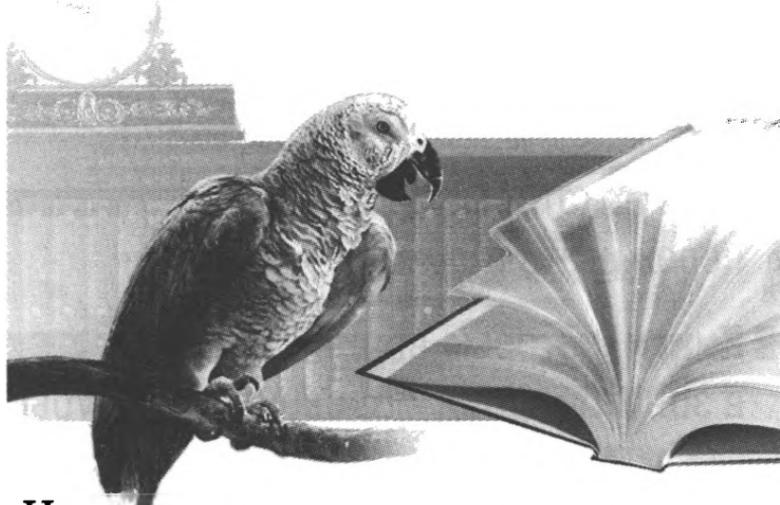
- **Книги**, которые читает весь мир
- **Книги**, которые заставляют переживать и думать
- **Книги**, которые вошли в золотой фонд мировой литературы

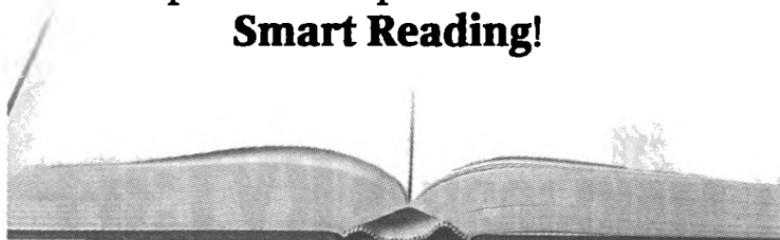
ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЙ БЕСТСЕЛЛЕР · ЧИТАЕТ ВСЬ МИР

SMART READING

ДЛЯ ЛЮБИТЕЛЕЙ
ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОГО ЧТЕНИЯ

Новости и анонсы, интервью авторов
и колонка редактора, ответы на
актуальные вопросы, конкурсы и
викторины, издательская кухня и
авторитетная критика – всё это
Smart Reading!

Зайди
на <http://www.facebook.com/eksmosmartreading>
и узнай
ПОСЛЕДНИЕ НОВОСТИ КНИЖНОГО МИРА

«Этот роман — прозрачная и по-своему изысканная притча о нас, людях, для кого эта громадная Вселенная — странное, безразличное пространство. Мы все — пришельцы в земле чужой, и на этом, быть может, и заканчивается библейская отсылка в названии книги».

**Ш. Мартынова,
переводчик этой книги**

SALT LAKE CITY PUBLIC LIBRARY
3 1120 04680 5387
LEVEL 3 DEC 2015

Джон Максвелл Кутзее — первый писатель, дважды был награжден Букеровской премией: в 1992 году за роман «Жизнь и время Михаэля Кнорра» и за роман «Бесчестие». В 2003 году Кутзее удостоился Нобелевской премии по литературе. «Описывая слабости и недостатки людей, писатель обнаруживает божественную искру в человеческом существе», — говорили о нем в заявлении Шведской академии.

В одном из интервью Кутзее сказал: «У меня нет желания доказать какие-то идеи. Я лишь тот, кто стремится к свободе». Наверное, это и есть книга-эссенция его творчества — творчества человека, презирающего догмы и предрассудки. Даже рисуя мрачные, страшные картины, Кутзее дарит читателю надежду.

«Детство Инесуса» — шестнадцатый по счету роман писателя. Наделавший немало шума еще до выхода в свет, он всерьез озадачил критиков во всем мире. Это роман-наваждение, каждое слово которого настолько многозначно, что Кутзее, по его признанию, предпочел бы издать его «с чистой обложкой и с чистым титулом», чтобы можно было обнаружить заглавие лишь в конце книги. Полная символов, зашифрованных смыслов, аллегорическая сказка о детстве, безусловно, заинтригует читателей.

